

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2022

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
М. А. Анишкин, д-р социол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Эссекский университет, Великобритания; *М. В. Берендеев*, канд. социол. наук, доц., БФУ им. И. Канта; *К. Ю. Волошенко*, канд. экон. наук, директор центра моделирования социально-экономического развития региона, БФУ им. И. Канта; *Т. С. Волчецкая*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*, доц., БФУ им. И. Канта; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. Жуковский*, д-р полит. наук, проф., президент Польской ассоциации политической науки, Польша; *О. И. Зазнаев*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет; *Ю. В. Кривошеев*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой исторического регионоведения, СПбГУ; *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., СПбГУ; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов, СПбГУ; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина; *Р. Саква*, д-р полит. наук, проф., Кентский университет, Великобритания; *П. Тамаш*, д-р социологии, проф., Академия наук Венгрии, Венгрия; *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издатель

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 18.07.2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Гончарова В. А.</i> Наследственный аспект личного страхования	5
<i>Кузнецов С. В.</i> Пять лет от первой ведомственной судебно-медицинской экспертизы до системной государственной судебно-экспертной деятельности	14
<i>Петрова О. В.</i> Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка в контексте уголовно-процессуальной политики	25

История. Исторические науки

<i>Горшков Д. И.</i> Идентификация парного портрета из собрания Фонда миниатюрных портретов Тэнси: проблемы идентификации	35
<i>Сергеев В. В., Сироткин С. О.</i> Раскол аболиционистского движения в США и деятельность Уэнделла Филлипса в годы реконструкции Юга	50
<i>Шубина В. А.</i> Становление западнического мировоззрения вокруг журнала «Вестник Европы» в переписке между А. Н. Веселовским и А. Н. Пыпиным	58

Общество и политика

<i>Сосновская А. М.</i> Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга	68
<i>Чжао Юаньцзэ.</i> КПСС и КПК: сравнительные аспекты историко-культурологического подхода	84
<i>Шепелев М. А.</i> Феномен Эрика Земмура во французской политике	93

In Memoria

Побегайло остается с нами!	108
----------------------------------	-----

CONTENTS

State and law

<i>Goncharova V.A.</i> Heritage aspect of personal insurance.....	5
<i>Kuznetsov S.V.</i> A five-year way from the first departmental forensic medical examination to the systematic state forensic expert activity	14
<i>Petrova O.V.</i> The best interests of the child in the context of criminal procedure policy	25

History. Historical sciences

<i>Gorshkov D.I.</i> Identification of the Couple's Portrait from the Tansey Miniatures Foundation: identification issues	35
<i>Sergeev V.V., Sirotkin S.O.</i> The schism of Abolitionist movement in the USA and Wendell Phillips's struggle in the Reconstruction era	50
<i>Shubina V.A.</i> On the development of a western worldview in the context of the journal "Vestnik Evropy" in the correspondence between Alexey Veselovsky and Alexander Pypin	58

Society and politics

<i>Sosnovskaya A.M.</i> Politics of urban identity in the cultural heritage discourse of St. Petersburg: media analysis.....	68
<i>Zhao Yuanze.</i> The CPSU and the CPC: comparative aspects of the historical and cultural approach.....	84
<i>Shepelev M.A.</i> The Eric Zemmour phenomenon in French politics	93

In Memoria

Pobegaylo stays with us!	108
--------------------------------	-----

В. А. Гончарова

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ

5

Актуальность представленного исследования обусловлена активным процессом реформирования отечественного гражданского законодательства, в частности норм о страховании. Ряд предложений по изменению действующего правового регулирования, сформулированных в Концепции развития положений части второй ГК РФ о договоре страхования, закономерно нуждаются в тщательной доктринальной оценке. К таким предложениям относится выделенный в Концепции наследственный аспект личного страхования (абз.1 п. 2 ст. 934 ГК РФ). Цель исследования заключается в осуществлении – на основании положений доктрины гражданского права, зарубежного законодательства и опыта правоприменения – толкования положений абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ, устанавливающего право наследника застрахованного лица на получение страховой выплаты после его смерти. Сделаны выводы, что термин «наследник», используемый в ст. 934 ГК РФ, следует определять с опорой на положения разд. V ГК РФ лишь в субсидиарном порядке, что исключает возможность включения страховой выплаты в наследственную массу застрахованного наследодателя. Приветствуя общий вектор Концепции и положительный потенциал предполагаемых ею изменений, автор считает, что при поддержке предложенного в рамках исследования толкования и его закреплении на уровне актов высшей судебной инстанции нет необходимости внесения соответствующих изменений в ст. 934 ГК РФ.

The relevance of the presented study lies in the active process of reforming domestic civil legislation, and in particular, the rules of insurance. A number of proposals for changing the current legal regulation, formulated in the Concept for the Development of the Provisions of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation on Insurance Contracts, naturally need a thorough doctrinal assessment. Such proposals also include the hereditary aspect of personal insurance highlighted in the Concept (paragraph 1, clause 2, article 934 of the Civil Code of the Russian Federation). The purpose of the study is to interpret, given the provisions of the doctrine of civil law, foreign legislation and law enforcement experience, the provisions of paragraph 1 of paragraph 2 of Article 934 of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes the right of the heir of the insured person to receive insurance payment after his death. Conclusions. The term "heir" used in Article 934 of the Civil Code of the Russian Federation should be determined based on the provisions of Section V of the Civil Code of the Russian Federation only in a subsidiary manner, which rejects the possibility of including insurance payment in the estate of the insured testator. Welcoming the general vector of the Concept and the positive potential of the changes proposed by it, it seems that

with the support of the interpretation proposed in the framework of the study and its consolidation at the level of acts of the highest court, there is no need to make appropriate changes to Article 934 of the Civil Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: личное страхование, наследование, наследник, субсидиарное применение, реформирование гражданского законодательства

Keywords: personal insurance, inheritance, heir, subsidiary application, civil law reform

Введение

6

Советом при Президенте по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 25 сентября 2020 г. была одобрена Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) о договоре страхования (далее — Концепция). Концепцией предусматривается внесение значительных изменений в действующие положения гл. 48 ГК РФ о страховании, разработанных с учетом сложившейся к настоящему времени судебной практики, зарубежного опыта, а также назревших потребностей правоприменения и договорной работы страховых организаций.

Осуществление мер, определенных Концепцией, призвано обеспечить как решение общих вопросов (создание иерархичной и сбалансированной системы правового регулирования страховых отношений), так и частных, касающихся разновидностей договоров страхования [1; 3]. Так, отдельными, подлежащими реформированию блоками в рамках Концепции обозначаются противоправный интерес (п. 8), классификация видов имущественного страхования (п. 10), страховой интерес как категория страхового права (п. 13) и т. д.

В качестве одного из вопросов, определенного концептуалистами в качестве нуждающегося в реформировании, назван и наследственный аспект личного страхования (п. 22). Разработчики Концепции подвергают глубокому и пристальному анализу действующую редакцию абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ, согласно которому договор личного страхования считается заключенным в пользу застрахованного лица, если в договоре не названо в качестве выгодоприобретателя другое лицо. В случае смерти лица, застрахованного по договору, в котором не назван иной выгодоприобретатель, выгодоприобретателями признаются наследники застрахованного лица. В Концепции отмечается, что как в рамках доктрины отечественного страхового права, так и в рамках складывающейся судебной практики к настоящему времени не сформировалось единообразного подхода к толкованию и применению приведенного правового положения. Так, с одной стороны, представленный пункт может быть истолкован как частный случай упоминания в законе универсального — а именно наследственного — правопреемства, обуславливающего необходимость применения к указанным ситуациям положений раздела V ГК РФ. С другой стороны, возможен и диаметрально противоположный подход, согласно которому употребление законодателем термина «наследники» в рассматриваемом случае обозначает не

что иное, как указание лишь на круг лиц, получающих право на страховую выплату после смерти их наследодателя в отсутствии иных, определенных им выгодоприобретателей. Анализируя зарубежный опыт, разработчики Концепции формулируют предложения по реформированию абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ следующим образом: «следует указать в ст. 934 ГК РФ, что к отношениям выгодоприобретателей по договорам личного страхования, получившим право на получение страховой суммы в случае смерти страхователя (застрахованного лица), не применяются положения раздела V ГК РФ. Право на получение страховой выплаты не передается выгодоприобретателю по наследству»¹.

Отечественная доктрина, действительно, не характеризуется единообразием в разрешении как собственно проблем применения анализируемого абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ, так и правовой природы прав наследников по договору страхования жизни в случае смерти застрахованного лица. В то же время их разрешение имеет важное, прежде всего практическое, значение, поскольку позволяет не только определить перечень лиц, уполномоченных на получение выплаты от страховщика, но и установить предельный срок исполнения последним обязанности по осуществлению страховой выплаты наследникам, а также допустить для кредиторов возможность претендовать на указанную выплату при погашении долгов наследодателя и т. д.

В то же время, как будет обосновано далее, несмотря на значимость анализируемой проблемы, предложенный в Концепции вариант ее решения вряд ли стоит считать приемлемым — наилучшим способом ее разрешения видится исключительно системное толкование абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ.

Методология

В процессе исследования использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы. К общенаучным методам, примененным при проведении исследования, относятся метод материалистической диалектики — при изучении действующего и предлагаемого правового регулирования отношений из договора страхования жизни; методы анализа и синтеза — при рассмотрении существующих в литературе и практике позиций, выявлении их достоинств и недостатков, предложении собственной позиции относительно возможного толкования абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ; методы индукции и дедукции — при определении понятий «наследник» в рамках абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ.

К частнонаучным методам, использованным в исследовании, относятся формально-юридический — при анализе нормативно-правовых актов; системно-правовой — при изучении системной взаимосвязи положений гражданского права.

¹ Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 №202/оп-1/2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Результаты и их обсуждение

Анализ положений современной цивилистической доктрины позволил выявить несколько основных позиций по приведенным проблемам. Так, согласно позиции М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, права наследника на получение страховой выплаты составляют часть наследственной массы, то есть входят в состав наследства и наследуются по правилам раздела V ГК РФ [6, с. 632]. Интересно, что «намеки» на указанный подход прослеживаются и в судебной практике: так, согласно п. 3 Обзора практики рассмотрения судами споров, возникающих из отношений по добровольному личному страхованию, связанному с предоставлением потребительского кредита (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019), к наследникам *переходит право требования* исполнения договора добровольного личного страхования, заключенного наследодателем, а следовательно, на отношения между наследниками и страховщиком распространяются положения Закона о защите прав потребителей².

С обоснованной критикой данной позиции выступает Н. Ю. Рассказова, по мнению которой в рассматриваемой ситуации не может и вовсе идти речи о наследственном правопреемстве. Обосновывая свою позицию, автор приводит в доказательство положения теории права, указывая, что в случае смерти застрахованного лица не происходит его замены наследником, у которого формируется самостоятельное право требовать выплаты ему страховой суммы от страховщика в результате наступления оговоренного страхового случая [13]. Аналогичной позиции придерживается А. А. Громов, подчеркивая, что от указанной следует отличать ситуацию, когда право на получение страхового возмещения возникло при жизни наследодателя, но не было им реализовано [7].

В то же время Н. Ю. Рассказова приводит ряд суждений, которые, как представляются, выбиваются из общей логичности и стройности ее аргументов. Так, автор критикует практику страховщиков, требующих от потенциальных получателей страховой суммы доказательств собственных прав — свидетельства о праве на наследство, а также «выжидающих» шестимесячный срок на принятие наследства и лишь после него производящих выплату наследникам. Это позволяет страховщику безосновательно пользоваться денежными средствами в течение этого времени [13]. Из мысли Н. Ю. Рассказовой следует, что для реализации наследником застрахованного лица прав на получение страховой выплаты ему достаточно предъявления лишь свидетельства о смерти, завещания, документов, подтверждающих родство указанных лиц, а в це-

² Такая позиция находит отражение в актах региональной судебной практики. Ее следствием является рассмотрение полученной наследником страховой суммы в качестве одного из источников удовлетворения кредиторов в порядке ст. 1175 ГК РФ (см., например, Апелляционное определение Иркутского областного суда от 28.05.2019 по делу №33-4006/2019).

лом под наследниками по смыслу анализируемого абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ следует понимать лиц, призываемых к наследованию после смерти наследодателя — застрахованного лица.

Принятие приведенной позиции допускает возможность получения страховой выплаты недостойными наследниками, недостойность которых устанавливается впоследствии, по истечении определенного времени, а также лицами, строго говоря, с точки зрения теории наследственного права наследниками не являющимися — например, отказавшимися от наследства после получения выплаты, скончавшимися до принятия наследства. Не исключены и проблемные ситуации, когда наследники, обращающиеся за получением страховой выплаты, по тем или иным причинам не указывают иных, имеющих право на ее получение наследников, а следовательно, обогащаются за счет последних. Однако вряд ли, указывая на наследников в ст. 934 ГК РФ, законодатель имел намерение санкционировать приведенные ситуации.

С учетом изложенного внимания заслуживает вторая высказанная в литературе позиция, согласно которой наследник фактически замещает не указанного страхователем выгодоприобретателя, соответственно, для корректного определения круга наследников требуется использовать положения наследственного права и, в частности, нормы о сроке на принятие наследства [2]. Достоинством указанной позиции видится ее полное соответствие положениям отечественного наследственного права: по справедливому утверждению В.И. Серебровского, само по себе открытие наследства не означает вхождение лица в круг наследников — чтобы стать преемником наследодателя (иначе — наследником), требуется как призвание данного лица к наследованию, так и выражение им своего согласия на приобретение наследства [15]. Кроме того, с традиционных позиций само наследование, или наследственное правопреемство, понимается как переход имущества к другому лицу — наследнику — в установленном законом порядке [15].

Анализируя статус наследника в его отношениях со страховщиком при реализации им права на получение страхового возмещения, нельзя обойти стороной вопрос о статусе выгодоприобретателя как такового — третьего по отношению к обязательству (в нашем случае страховому) лица.

В отечественной цивилистической литературе третьи лица анализируются в основном именно как участники обязательственных правоотношений. Так, М.И. Брагинский указывал на существование в динамике обязательственного правоотношения трех групп субъектов: сторон, других лиц (в терминологии автора — посторонних лиц) и третьих лиц, при этом «другие лица» в концепции автора представляют собой любых участников гражданского оборота, которые не являются стороной исходного обязательства. Третьи лица, по мнению М.И. Брагинского, М.К. Кроза и М.А. Милькова, не выступая сторонами исходного обязательства, всегда юридически связаны с одной из его сторон [5, с. 10; 9; 10]. Иную позицию занимает А.Ю. Чурилов, полагающий, что «только интерес участников гражданского оборота способен обосо-

бить одних участников в качестве должника и кредитора обязательства, а других — в качестве третьих лиц по отношению к динамике этого обязательства» [17, с. 13]. Согласно позиции А. Ю. Чурилова, участие в обязательстве третьих лиц может иметь место как на стороне должника, так и на стороне кредитора, причем в последнем случае кредитор может как не замещаться третьим лицом и оставаться в обязательстве (например, в случае договора страхования гражданской ответственности), так и быть полностью замещенным им (в случае заключения договора банковского вклада в пользу третьего лица). В последнем случае, как отмечает автор, «имеет место особый случай перемены лиц в обязательстве на основании закона. Отличительной чертой таких договорных конструкций (предполагающих замещение кредитора третьим лицом. — В. Г.) является переход права требования к третьему лицу от кредитора в полном объеме» [17, с. 131–132].

Не вызывает сомнений, что указание выгодоприобретателя выступает условием о третьем лице, замещающем застрахованного при наступлении его смерти, после которой он закономерно сам не будет иметь возможности получить страховую выплату от страховщика. Неуказание выгодоприобретателя таким лицом при отсутствии законодательного правила о наследниках создало бы ситуацию правовой неопределенности, пробела в законодательстве, следствием которого была бы абсолютная неясность судьбы страховой выплаты и неосновательное обогащение страховщика. Возникновение наследника в качестве фигуры «предполагаемого» выгодоприобретателя после смерти застрахованного наследодателя, таким образом, может быть квалифицировано в качестве правового приема «восполнения» фигуры выгодоприобретателя законодателем, а в терминологии учения о третьих лицах — замещения третьим лицом кредитора. Выбор законодателем именно наследника в качестве «предполагаемого» выгодоприобретателя при этом оправдан и связан с наиболее вероятной волей застрахованного наследодателя, не указавшего иное лицо, уполномоченное на получение страховой выплаты.

Следует допустить существование в рассматриваемом случае совершенно особой ситуации, которая не может быть квалифицирована в качестве правопреемства — ни сингулярного, ни универсального: страхование на случай смерти по определению не предполагает совпадения выгодоприобретателя и застрахованного лица, что исключает переход права на получение страховой выплаты. Можно заключить, что страхование жизни выступает правовой конструкцией, в рамках которой участие третьего лица является ее конститутивным, обязательным признаком, а следовательно, договор страхования жизни всегда заключается в пользу третьего лица.

Подобный вывод имеет важное следствие: толкование абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ должно сводиться к тому, что наследник как субъект права на получение страховой выплаты полностью уравнивается в своем правовом положении с выгодоприобретателем, а следовательно, не должно

идти речи о полном распространении правил раздела V ГК РФ на статус таких лиц. Пользуясь понятийным аппаратом, введенным А.Е. Казанцевой применительно к теории наследственного и сопричастных с ним правоотношений, под наследниками в абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ следует понимать не «возможных наследников» [8], а реальных.

В этом аспекте поддержки заслуживает третья позиция, высказанная Ю.В. Петровым, о том, что конструкция договора личного страхования на случай смерти может быть квалифицирована в качестве субститута наследственного права, что, в свою очередь, делает возможным субсидиарное применение положений раздела V ГК РФ к такому договору [11, с. 52]. Следующий закономерный вопрос, на который, однако, не дает ответа автор представленной позиции, — это определение пределов субсидиарного применения положений наследственного права при общей поддержке позиции о договорном характере прав наследников на получение страховой выплаты.

Понимая субсидиарность как свойство гражданского права, «заключающееся в дополнительном характере его воздействия в пределах и, в установленных законом случаях — за пределами данной отрасли права» [4, с. 29; 14], следует указать на то, что основанием для ее применения является наличие в гражданском праве отношений координации, системности. По справедливому утверждению А.С. Бакина, значение субсидиарности состоит в обеспечении терминологической и сущностной согласованности, непротиворечивости системных элементов гражданского права. Схожую позицию занимает и М.Ю. Чельшев, указывавший на то, что отношения координации, присущие структурным элементам отрасли гражданского права, устанавливаются «с целью нормирования смежных правовых ситуаций и экономии правового материала» [16, с. 116]. Такие отношения, в концепции автора, именуются координационно-восполняющими.

Выводы (рекомендации)

С учетом изложенного следует заключить, что основанием для субсидиарного применения положений раздела V ГК РФ к абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ выступает указание в нем на термин «наследник», относящееся к подотрасли наследственного права. Пределы же субсидиарности в данном случае должны быть сведены к тем нормам раздела V ГК РФ, которые посвящены *собственно и исключительно* статусу наследника как такового: о порядке призвания (ст. 1116 ГК РФ) и принятия им наследства (ст. 1152—1156 ГК РФ), о недостойности как свойстве, влекущем утрату права наследования (ст. 1117 ГК РФ), о наследственной трансмиссии (ст. 1156 ГК РФ) и т.д.³ Представленный смысл ст. 934 ГК РФ и исполь-

³ В судебной практике встречаются примеры, когда суды придерживаются указанной позиции и развивают ее (*Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.07.2021 по делу №88-13844/2021*; *Апелляционное определение Московского городского суда от 18.07.2016 по делу №33-28042/2016*; *Апелляционное определение Пермского краевого суда от 02.12.2013 по делу №33-11206*; *Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 14.02.2018 по делу №33-1210/2018*).

зуюемого в ней термина «наследник» исключает возможность включения страховой выплаты в наследственную массу застрахованного наследодателя.

Подобное толкование при рассмотрении конкретных дел способно дать исчерпывающее представление о том, кто и как, в каком порядке может получить право на страховую выплату. Для обеспечения единства судебной практики приведенный вариант понимания анализируемой нормы, однако, нуждается в закреплении на уровне актов высшей судебной инстанции.

Изложенный подход к применению анализируемой нормы не требует концептуальных изменений ст. 934 ГК РФ в виде предлагаемого полного исключения применения положений раздела V ГК РФ, которые способны лишь усложнить процесс признания лица управомоченным на получение страховой выплаты.

Представленное толкование абз. 1 п. 2 ст. 934 ГК РФ соответствует и зарубежному опыту применения норм страхового права. Так, как отмечается в Концепции, во Франции и Германии общим правилом является договорный характер прав по договору личного страхования, положения же наследственного права носят восполняющий характер и применяются в ситуации отсутствия указания на конкретного выгодоприобретателя [12; 18, р. 344]⁴. В США личное страхование на случай смерти рассматривается как альтернатива наследственным процедурам [19] и подчиняется собственным правилам. Аналогичный европейскому подход принят и в праве Великобритании, анализ которого осуществляет А.Г. Архипова. При этом автор обращает внимание на принципиальный момент: несмотря на неприменение правил о наследовании к таким отношениям из договора личного страхования, самими положениями страхового законодательства этих стран установлены правила, близкие по смыслу положениям наследственного права, которые — уже в условиях российского правопорядка — и могут быть восполнены нормами раздела V ГК РФ. Речь идет об аналогах «подназначения» выгодоприобретателя, о недостойном выгодоприобретателе (аналоге недостойного наследника).

В качестве итога следует указать, что, приветствуя общий вектор Концепции и положительный потенциал предполагаемых ею изменений, представляется, что при поддержке предложенного ранее толкования и его закреплении на уровне актов высшей судебной инстанции нет необходимости внесения соответствующих изменений в ст. 934 ГК РФ.

Список литературы

1. Архипова А.Г. Несколько слов о разработке Концепции реформирования гл. 48 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2020. №5.

⁴ Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 №202/оп-1/2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Архипова А.Г., Асосков А.В., Безбах В.В. и др.* Применение правил о наследовании к страховой выплате по договору личного страхования // *Гражданское право социального государства : сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М., 2020.*

3. *Архипова А.Г.* Суброгация в личном страховании: сохранение запрета или устранение ограничений? // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. №4. С. 98–119.*

4. *Бакин А.С.* Субсидиарность в гражданском праве России. Томск, 2016.

5. *Брагинский М.И.* Влияние других (третьих) лиц на социалистические правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Л., 1962.

6. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2002. Кн. 3.

7. *Громов А.А.* Наследование денежных средств из некоторых гражданско-правовых обязательств // *Наследственное право. 2013. №3. С. 32–35.*

8. *Казанцева А.Е.* Теория наследственного и причастных к нему правоотношений по гражданскому праву Российской Федерации : монография. Барнаул, 2011.

9. *Кроз М.К.* Третье лицо в обязательстве : дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2001.

10. *Мильков М.А.* Обязательства с участием третьих лиц в российском гражданском праве : дис. ... канд. юр. наук. М., 2010.

11. *Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е.Ю. Петров. М., 2018.*

12. *Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю.Б. Гонгало, К.А. Михалев, Е.Ю. Петров, Е.П. Путинцева ; под общ. ред. Е.Ю. Петрова. М., 2015.*

13. *Рассказова Н.Ю.* Личное страхование, наследование и свобода договора // *Нотариальный вестник. 2021. №8.*

14. *Сафин А.Ф.* Основания субсидиарного применения норм гражданского права к отношениям иных отраслей // *Вестник экономики, права и социологии. 2007. №2. С. 100–104.*

15. *Серебровский В.И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/9/page_5.html#4 (дата обращения: 20.01.2022).

16. *Чельшев М.Ю.* Гражданско-правовые системные связи: внутриотраслевые и межотраслевые характеристики // *Вестник экономики, права и социологии. 2007. №1. С. 114–120.*

17. *Чурилов А.Ю.* Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства : монография. М., 2019.

18. *Kötz H.* *European Contract Law.* Oxford, 2017.

19. *Sussman M., Cates J., Smith J.* *The Family and Inheritance.* N. Y., 1970.

Об авторе

Валерия Андреевна Гончарова — канд. юр. наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет; Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Россия.

E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

The author

Dr Valeria A. Goncharova, Tomsk State University; Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Russia.

E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

С. В. Кузнецов

ПЯТЬ ЛЕТ ОТ ПЕРВОЙ ВЕДОМСТВЕННОЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДО СИСТЕМНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

14

Рассматриваются главные вехи становления и развития судебно-медицинской экспертной деятельности в структуре Следственного комитета Российской Федерации. В продолжение цикла статей освещаются наиболее значимые случаи производства отдельных следственных действий с участием специалиста в области судебной медицины. Пересмыслен пятилетний рубеж: от проведения первой судебно-медицинской экспертизы в 2015 г. до организации государственных судебно-экспертных учреждений Следственного комитета Российской Федерации.

The article considers the main milestones of the formation and development of forensic medical expert activity in the structure of the Investigative Committee of the Russian Federation. Following a series of articles, the current one highlights the most significant cases of individual investigative actions with the participation of a specialist in the field of forensic medicine. The five-year practice has been re-examined: from the first forensic medical examination in 2015 to the establishment of state forensic institutions of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, судебно-экспертная деятельность, следственные действия

Keywords: forensic medical examination, judicial-expert activity, investigative actions

В номере 3 (29) журнала «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения» за 2020 г. был освещен начальный этап становления судебно-медицинской экспертной деятельности в структуре Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ), который создал основу к производству судебно-медицинских экспертиз собственными силами на регулярной основе [9].

Стоит отметить, что Главным следственным управлением СК РФ по городу Санкт-Петербургу (далее – ГСУ СК РФ по г. СПб) еще 26 марта 2014 г. прорабатывался вопрос создания в Северо-Западном федеральном округе (далее – СЗФО) экспертно-криминалистического центра СК РФ. Осуществлялась данная работа во исполнение поручений Председателя СК РФ, данных на оперативных совещаниях в Санкт-Петербурге 27 января и 7 марта 2014 г.

Несмотря на то что значительную роль в становлении регулярной судебно-медицинской службы сыграли подразделения СК РФ центральной части СЗФО, в официальных документах не только работа, но и само наличие специалистов в области судебной медицины из ГСУ

СК РФ по г. СПб и из следственного управления СК РФ по Ленинградской области (далее – СУ СК РФ по ЛО) по малопонятным причинам не отражены [4–6]. В силу указанного считаем необходимым заострить внимание на наиболее исторически значимых судебно-медицинских экспертизах данного периода.

Первая экспертиза, выполненная собственным судебно-медицинским экспертом СК РФ (эксперт ГСУ СК РФ по г. СПб С. В. Кузнецов) по факту причинения вреда здоровью медицинским работником, была назначена в декабре 2015 г. по результатам разбора ненадлежащего оказания акушерско-гинекологической помощи роженице С., повлекшей инвалидизацию ее новорожденного ребенка в СПб ГБУЗ «Родильный дом №Х». Проведенная в течение месяца экспертиза дала исчерпывающие ответы, изобличающие неосторожное причинение врачом тяжкого вреда здоровью дочери С. Заключение судебно-медицинского эксперта от 11 января 2016 г. было положено в основу судебного решения о возмещении истице более 2 000 000 рублей, что уже освещалось подробно ранее [8].

Вторая экспертиза ГСУ СК РФ по г. СПб, выполненная своими экспертными силами уже комиссионно (председатель комиссии – судебно-медицинский эксперт С. В. Кузнецов, члены комиссии: судебно-медицинский эксперт А. А. Пучков и врач общей практики В. П. Лаврентьев), так и не нашла результативного для следствия применения. Изначально поводом к тому, что случай смерти К. не остался без внимания, стало обращение в следственные органы Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге. Малолетний К. поступил 10 февраля 2015 г. в одну из детских городских больниц Санкт-Петербурга с целью терапевтической коррекции получаемого противоэпилептического лечения.

Одиннадцатого февраля 2015 г. К. было осуществлено необоснованное назначение в высокой начальной дозе противосудорожного препарата (далее – препарат №2), что продолжалось всю первую неделю приема. В последующем было допущено превышение рекомендуемых темпов наращивания доз этого препарата, в том числе не было учтено, что К. (имевший на тот момент вес 22 кг при возрасте 10 лет!) также продолжал принимать по ранее сделанному назначению другой противосудорожный препарат (далее – препарат №1).

В ходе выполненной экспертами ГСУ СК РФ по г. СПб комиссионной судебно-медицинской экспертизы от 11 марта 2016 г. было установлено, что при сочетанном применении сразу двух назначенных противосудорожных препаратов риск появления кожных высыпаний возрастает во много раз и может достигать 25 % [16]. Кроме этого примененный способ приема не соответствует официальной инструкции по медицинскому применению препарата №2. Таким образом, с 11 февраля по 21 февраля 2015 г. (период ведения К. первым лечащим врачом-неврологом) выбранная тактика назначения и приема препарата №2 была небезопасна, так как создавала реальную угрозу причинения вреда здоровью и жизни К. Вместе с этим данный недостаток (назначение в изначально высоких дозах и неадекватное их наращивание)

в причинно-следственной цепи расстройств здоровья К. (вплоть до его смерти) имел лишь инициирующее (активационное) значение, то есть был пусковым стимулом, но не конечной причиной.

Таким образом, комиссия экспертов в своем заключении предоставила следствию медицинские признаки формального состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ [15] (далее – УК РФ).

Тем не менее расследование было продолжено по признакам материального состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Отчасти это было обусловлено тем, что в рамках обсуждаемой экспертизы был дан условно-категоричный вывод о наличии медицинских признаков прямой причинно-следственной связи между смертью К. и недостатком оказания медицинской помощи, допущенным вторым лечащим врачом-неврологом. Экспертизой установлена следующая хронология медицинских событий: 24 февраля 2015 г. при проведении совместного осмотра заведующим II неврологическим отделением, заведующим инфекционно-боксовым отделением, педиатром и лечащим врачом у К. было отмечено появление пятнисто-узелковой сыпи сливного характера в области щек, а также на передней поверхности грудной клетки. Согласно официальной инструкции по медицинскому применению препарата №2, его прием следует незамедлительно прекратить при появлении первых признаков любых кожных высыпаний. В случае К. с учетом изначального дополнительного приема им препарата №1 отменить препарат №2 необходимо было незамедлительно после появления у К. в этот день кожной сыпи. Объясняется это тем, что такие высыпания являются побочным эффектом чрезмерного действия препарата №2 и свидетельствует о неблагоприятном накопительном эффекте его применения, что создает угрозу развития у пациента критического состояния. В связи с изложенным данный побочный эффект согласно инструкции по применению препарата №2, а также согласно сложившейся терапевтической практике [11] является прямым основанием к его отмене.

Вместо осуществления описанных надлежащих действий К. необоснованно поставили диагноз псевдотуберкулез и осуществили перевод в I инфекционно-боксовое отделение. С 24 по 27 февраля 2015 г. К. продолжал получать препарат №2 (за исключением пропуска однократного вечернего приема 26 февраля 2015 г., когда препарат отсутствовал в лечебном учреждении). В данный период выраженность клинической картины кожных высыпаний К. продолжала закономерно нарастать до уровня развития у него развернутой клинической картины тяжелого токсико-аллергического угрожающего жизни патологического состояния – синдрома Лайелла и последующей смерти (21 марта 2015 г.), по всей видимости, этим обусловленной. Здесь очень важно сделать акцент на формулировке «по всей видимости». По причине того, что в рассматриваемом случае потерпевшая – мать К. – отказалась от проведения патологоанатомического вскрытия, вывод о причинно-следственной связи смерти ее сына с допущенными нарушениями строился на клинико-anamnestических и лабораторно-инструментальных дан-

ных, в связи с чем был условно-категоричным. Поэтому с юридической точки зрения, учитывая презумпцию невиновности, совершенно справедливо, что второй лечащий врач-невролог, допустившая 24 февраля 2015 г. недостаток медицинской помощи в виде несвоевременной отмены К. препарата №2, избежала уголовной ответственности за материальный состав преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ [2].

Также в описываемый период на территории СЗФО судебно-медицинскими экспертами СК РФ были проведены уникальные по своему содержанию судебно-медицинские экспертизы по ряду нестандартных, а также резонансных уголовных дел, среди которых можно привести следующие:

1. Уголовное дело, возбужденное 21 декабря 2015 г. Северо-Западным следственным управлением на транспорте СК РФ по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, по факту обнаружения трупа А. с признаками насильственной смерти.

Следствием установлено, что 15 декабря 2015 г., в период времени с 12 часов 00 минут до 19 часов 00 минут К., будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь совместно с А. на территории баржи, расположенной в морском порту, в результате возникшего между ними конфликта причинил А. тупую закрытую сочетанную травму груди, живота с переломами ребер, разрывами брыжеек тонкой и толстой кишки, вызвавших массивную кровопотерю, что стало непосредственной причиной смерти А.

В рамках расследования данного уголовного дела автор настоящей статьи (в то время эксперт ГСУ СК РФ по г. СПб) был интегрирован в комиссию экспертов государственного казенного учреждения здравоохранения Ленинградской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы» в качестве судебно-медицинского и судебно-генетического эксперта, результатом чего стала первая в практике межведомственная комплексная судебная экспертиза от 7 апреля 2017 г.

Инициацией указанной дополнительной экспертизы послужили судебно-экспертные исследования, назначенные ранее по данному уголовному делу тому же эксперту ГСУ СК РФ по г. СПб. Последние, в свою очередь, проводились из-за возникших у следствия сомнений в давности образования повреждений А., несоответствующей установленным событиям, а также из-за подозрений в возможной подмене гистологических микропрепаратов.

Тогда экспертом ГСУ СК РФ по г. СПб сначала была выполнена судебно-генетическая экспертиза от 21 декабря 2016 г., в результате которой было установлено, что ДНК из одного микропрепарата произошла от лица женского генетического пола, то есть не от А., являющегося мужчиной. Последнее послужило поводом к признанию ранее проведенных судебно-медицинских экспертиз недопустимыми доказательствами.

После этого судебно-медицинскому эксперту ГСУ СК РФ по г. СПб (имеющему дополнительную профессиональную подготовку по патологической анатомии) было поручено судебно-гистологическое исследование тех микропрепаратов, принадлежность которых от А. была

подтверждена. В рамках данного экспертного исследования было принято во внимание, что за счет наличия у А. ряда ранее установленных, но неучтенных состояний, снижающих реактивность организма (переохлаждение, большой объем тупой сочетанной травмы грудной клетки и живота, массивная кровопотеря — не менее 1770 мл, алкогольное опьянение средней степени), давность образования повреждений А. может относиться к периоду расследуемых событий.

Проведенные экспертом ГСУ СК РФ по г. СПб предварительные судебно-медицинские экспертные исследования судебно-генетического и судебно-гистологического направлений в последующем сориентировали межведомственную комиссию судебно-медицинских экспертов на получение научно обоснованных выводов, положенных в основу обвинения.

Городским судом 4 октября 2018 г. был вынесен обвинительный приговор, согласно которому обвиняемый К. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, назначено наказание в виде лишения свободы на срок 6 лет 6 месяцев с его отбыванием в исправительной колонии строгого режима [1].

2. Уголовное дело, возбужденное 26 августа 2016 г. одним из межрайонных следственных отделов следственного управления СК РФ по Вологодской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, по факту травмирования несовершеннолетнего С. при проведении урока технологии в средней общеобразовательной школе.

По результатам дополнительной медицинской комиссионной судебной экспертизы от 22 июня 2017 г., проведенной штатными экспертами ГСУ СК РФ по г. СПб (председатель комиссии — судебно-медицинский эксперт С. В. Кузнецов, члены комиссии: судебно-медицинский эксперт А. А. Пучков, врач общей практики В. П. Лаврентьев, врач-хирург Т. А. Плотникова), следствие получило новые сведения, не установленные выполненными ранее судебно-медицинскими экспертизами. Согласно сделанным выводам у С. имелся определившийся исход полученной им травмы в виде 35%-ной стойкой утраты общей трудоспособности, что является квалифицирующим признаком тяжкого вреда здоровью.

Одиннадцатого декабря 2017 г. в мировом суде прошло заключительное заседание, по итогам которого заключение судебно-медицинской экспертизы было признано допустимым и положено в основу обвинения. Вынесен обвинительный приговор, которым установлено, что обвиняемый — учитель технологии О. — во время проводимых на уроке работ по обработке деревянной заготовки на фрезерном станке оставил учащихся без наблюдения, покинув помещение класса, чем допустил попадание левой кисти С. под режущий элемент станка, что обусловило его травму.

Первого февраля 2018 г. судом апелляционной инстанции О. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 118 УК РФ, с назначением наказания в виде ограничения свободы сроком на 1 год с лишением права заниматься педагогической деятельностью на срок 1 год 6 месяцев [3].

3. Уголовное дело, возбужденное одним из территориальных следственных отделов следственного управления СК РФ по Вологодской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, по факту оказания услуг, не отвечающим требованиям безопасности со стороны стоматолога частной клиники.

Предварительным следствием было установлено, что С., являясь зубным врачом частной стоматологической клиники, оказал ненадлежащую медицинскую услугу малолетней У., а именно необоснованно удалил два верхних коренных зуба (№14 и №24), несмотря на выданное направление для удаления нижних молочных зубов (№74 и №84). В целях установления значимых для следствия обстоятельств по вопросам, требующим для их решения применения специальных медицинских и стоматологических знаний, на базе ГСУ СК РФ по г. СПб была организована и выполнена комплексная судебно-медицинская стоматологическая экспертиза от 3 ноября 2017 г. с привлечением внешнего независимого эксперта-стоматолога на платной основе.

Комиссия экспертов в составе судебно-медицинского эксперта ГСУ СК РФ по г. СПб С. В. Кузнецова и детского стоматолога одной из стоматологических клиник Санкт-Петербурга дала ответы на все поставленные вопросы, кроме одного. На вопрос о степени нарушения речи в результате удаления двух коренных зубов №14 и №24 эксперты пояснили, что его решение выходит за пределы компетенции настоящей судебно-экспертной комиссии, так как находится в сфере специальных знаний логопедии — науки, изучаемой в рамках получения высшего педагогического образования.

Проведенной экспертизой среди прочего был установлен факт ненадлежащего (а также небезопасного по своей сути) оказания медицинской (стоматологической) помощи малолетней У., прямым причинно-следственным образом связанный с причинением легкого вреда для ее здоровья, также установленным в рамках данной экспертизы. Заключение экспертов положено в основу обвинения. Восьмого августа 2018 г. городским судом вынесен приговор, согласно которому обвиняемый С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1. ст. 238 УК РФ, с назначением наказания в виде 300 (трехсот) часов обязательных работ с лишением права заниматься осуществлением медицинской деятельности по специальности «Стоматология» сроком на 1 год [7].

4. Уголовное дело, возбужденное 28 сентября 2017 г. одним из территориальных следственных отделов Северо-Западного следственного управления на транспорте СК РФ по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, по факту обрушения платформы выдвигного пролета пассажирского трапа «FMC SmartStep-2» в аэропорту «Пулково». Вместе с обрушением трапа произошло падение находившихся на нем в тот момент пассажиров: К. М. и ее полуторагодовалой внучки К. В. В результате падения с высоты около 5 метров на асфальтовое покрытие стоянки воздушных судов малолетняя К. В. получила телесные повреждения в виде катотравмы, закрытой черепно-

мозговой травмы, ушиба головного мозга, закрытой травмы грудной клетки, ушиба сердца, закрытой травмы брюшной полости и ушиба печени и на период производства экспертизы находилась в состоянии комы.

До момента смерти К. В., наступившей 14 октября 2017 г., государственные судебно-медицинские экспертные учреждения не брали на себя ответственность в подтверждении либо опровержении наличия у пострадавшей квалифицирующих признаков тяжкого вреда здоровью, ссылаясь на неопределившийся исход состояния ее здоровья. В свою очередь, такая ситуация не удовлетворяла предварительное следствие, от которого требовались уголовно-правовая квалификация происшествия и принятие процессуального решения.

20

По указанным причинам следователем было осуществлено предварительное ознакомление эксперта ГСУ СК РФ по г. СПб С. В. Кузнецова с материалами уголовного дела. В результате изучения представленных документов специалистом в области судебной медицины было установлено, что у К. В. имелся комплекс повреждений и функциональных расстройств, которые как в совокупности, так в некоторых отдельных комбинациях имеют квалифицирующие признаки тяжкого вреда здоровью. Данный комплекс верифицировался уже в первый день пребывания К. В. в детской городской клинической больнице, куда она поступила 28 сентября 2017 г. Отдельные элементы указанного комплекса были устранены в ходе хирургической операции, проведенной в этот же день в 21 час 41 минуту. Осуществленный предварительный судебно-медицинский анализ послужил поводом к назначению и проведению комиссионной судебно-медицинской экспертизы, выполненной штатными экспертами ГСУ СК РФ по г. СПб С. В. Кузнецовым (судебно-медицинский эксперт) и В. П. Лаврентьевым (врач общей практики) уже 13 октября 2017 г. В результате экспертизы была подтверждена следственная версия происшествия и установлен тяжкий вред здоровью К. В. Дополнительно было обращено внимание следствия на то, что, согласно п. 6.11 и п. 16 приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [12], тяжкий вред здоровью квалифицируется независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи, а также что предотвращение смертельного исхода, обусловленное оказанием медицинской помощи, не должно приниматься во внимание при определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. В силу указанных оснований дальнейший анализ изменений состояния здоровья К. В. после операции от 28 сентября 2017 г. излишен для целей установления степени тяжести вреда ее здоровью в результате полученной катотравмы.

Заключение проведенной в ГСУ СК РФ по г. СПб комиссионной судебно-медицинской экспертизы было положено в основу обвинения начальника участка механических работ службы транспорта Дирекции по транспорту и наземному оборудованию К. Следствием установлено, что данное должностное лицо совершило преступное легкомыслие, выразившееся в производстве недоброкачественного ремонта транс-

портного оборудования, что повлекло катотравму К. В. В связи с тем что дело было переквалифицировано на ч. 2 ст. 266 УК РФ, в районном суде Санкт-Петербурга потерпевшей К. Д. заявлено ходатайство о примирении сторон, так как К. чистосердечно раскаялся в совершенном преступлении, загладил причиненный им физический, имущественный и моральный вред в полном объеме и примирился с потерпевшей. Тринадцатого марта 2018 г. суд постановил уголовное дело и уголовное преследование в отношении обвиняемого К. прекратить в виду его примирения с К. Д. [10].

5. Уголовное дело, возбужденное 14 марта 2017 г. одним из территориальных следственных отделов СУ СК РФ по ЛО по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, по факту причинения смерти по неосторожности малолетнему Н. В качестве обвиняемого по делу был привлечен Г. — руководитель молодежно-подросткового клуба.

В ходе предварительного расследования установлено, что 22 февраля 2017 г. малолетний Н., находясь на территории клубного формирования в темное время суток, поднялся на установленную на указанной территории деревянную горку, в нижней части полотна которой, предназначенного для спуска, обвиняемый Г. ранее закрепил металлическую цепь. Скатившись по скользящей поверхности полотна горки, малолетний Н. столкнулся с закрепленной на горке металлической цепью, в результате чего получил открытую черепно-мозговую травму, от которой скончался в отделении реанимации межрайонной клинической больницы 7 марта 2017 г. [14].

Был проведен ряд судебно-медицинских экспертиз, однако ввиду их недостаточной ясности в отношении механизма получения травмы Н., а также возможного влияния оказанной медицинской помощи на исход предварительное следствие усмотрело необходимость проведения дополнительной комиссионной судебно-медицинской экспертизы. Данная экспертиза была организована на базе СУ СК РФ по ЛО и выполнена комиссией экспертов в составе штатного судебно-медицинского эксперта С. В. Кузнецова и привлеченного на платной основе внешнего независимого эксперта-хирурга одного из медицинских вузов Санкт-Петербурга. Дополнительно в инициативном порядке судебно-медицинским экспертом было заявлено ходатайство о предоставлении на экспертизу ранее изготовленных гистологических микропрепаратов Н. на стеклах.

Согласно заключению выполненной дополнительной комиссионной судебно-медицинской экспертизы от 12 июля 2018 г. комиссия экспертов исключила возникновение смерти Н. от ненадлежащего оказания медицинской помощи и в целом подтвердила установленный ранее механизм образования повреждений Н., дополнительно его расширил и детализировал.

Заключение экспертов было положено в основу обвинения Г. по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Обвинение было поддержано прокуратурой в городском суде. Суд посчитал, что в результате допущенной обвиняемым Г. преступной небрежности малолетнему Н. была причинена смерть по не-

осторожности. Суд 27 декабря 2018 г. постановил: «Уголовное дело в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, прекратить в связи с его смертью».

6. Уголовное дело, возбужденное 25 апреля 2017 г. одним из территориальных следственных отделов СУ СК РФ по Псковской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, по факту причинения смерти по неосторожности малолетнему А.

В ходе расследования установлено, что 25 апреля 2017 г. в квартире был обнаружен труп А. Согласно заключению экспертизы от 9 июня 2017 г., проведенной в региональном бюро судебно-медицинской экспертизы с дополнительным судебно-химическим исследованием, смерть малолетнего А. наступила в результате острой бронхопневмонии смешанной этиологии, развившейся на фоне хронической алкогольной интоксикации.

Учитывая установленные следствием обстоятельства, предшествующие смерти А., которые противоречили сделанным судебно-медицинским выводам об алкогольной интоксикации ребенка, а также общественный резонанс, который вызвало аналогичное уголовное дело того же года в Московской области [13], следствием было принято обоснованное решение о перепроверке полученных экспертами данных.

Имеющиеся в деле неустранимые противоречия послужили поводом к назначению повторной судебно-медицинской экспертизы с исследованием гистологических микропрепаратов А. для решения основного вопроса «Могут ли следы этилового спирта и иных веществ, выявленные в крови и внутренних органах трупа А., а также данные гистологических исследований указывать на хроническую алкогольную интоксикацию?» Назначение комиссионной экспертизы было осуществлено штатным экспертом ГСУ СК РФ по г. СПб.

Экспертная комиссия в составе судебно-медицинского эксперта С.В. Кузнецова и врача общей практики В.П. Лаврентьева установила, что судебно-медицинский диагноз «хроническая алкогольная интоксикация» сформирован в условиях отсутствия количественного показателя этилового спирта в крови и моче трупа ребенка, а также не нашел своего морфологического подтверждения по результатам судебно-гистологического исследования микропрепаратов А. Обнаружение того или иного вещества в следовом количестве означает его нахождение в биосредах в концентрации на границе чувствительности примененного аналитического оборудования. В качестве наиболее вероятных причин, объясняющих ложноположительные результаты исследования на наличие этилового спирта, экспертная комиссия предположила неисправность (ненадлежащую настройку) аналитического оборудования, примененного при судебно-химическом исследовании, возможные процессы гниения и брожения, обусловленные размножением микроорганизмов во время хранения тканей до судебно-химических исследований (одно из которых проведено 27 апреля 2017 г., а второе только через месяц – 24 мая 2017 г.), а также возможный нерегулярный прием А. каких-либо спиртосодержащих лекарств.

Выполненная 16 марта 2018 г. комиссионная судебно-медицинская экспертиза в совокупности с другими собранными по делу доказательствами позволила следствию прийти к обоснованному выводу об отсутствии в действиях родителей А. признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ. Следователем 29 июня 2018 г. было вынесено постановление о прекращении уголовного дела.

Заключение

В настоящей публикации приведены лишь некоторые из судебно-медицинских экспертиз, проведенных в системе СК РФ. Однако представленный материал отражает общую тенденцию – экспертизы из следственных управлений СК РФ центральной части СЗФО РФ выполнялись как по ятрогенным, так и по общеуголовным преступлениям. При этом каждое из осуществленных заключений занимает свое место в общем фундаменте экспертной работы, предопределившей включение судебно-медицинских экспертов СК РФ в систему государственных судебно-экспертных учреждений, о чем подробно будет сообщено в следующей заключительной статье: «От системного выполнения собственных судебно-медицинских экспертиз до образования ФГКУ "Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации"».

23

Список литературы

1. Александров А. Помощник капитана получил 6,5 лет за убийство матроса в порту Усть-Луга // Iyborg.ru. URL: <https://ivbg.ru/7949124-pomoshnik-kapitana-poluchil-65-let-za-ubijstvo-matrosa-v-portu-ust-luga.html> (дата обращения: 14.07.2021).

2. В Петербурге врач три года доказывала невиновность в смерти ребенка от редкого заболевания // MEDRussia. URL: <https://medrussia.org/29881-vrach-trigoda/> (дата обращения: 14.07.2021).

3. В Тотемском районе учитель труда осужден за тяжелую травму ученика // VOLOGDA-POISK.RU. URL: <https://vologda-poisk.ru/news/kriminal/v-totemskom-rayone-uchitel-truda-osuzhden-za-tyazheluyu-travmu-uchenika> (дата обращения: 14.07.2021).

4. Об организации в Следственном комитете Российской Федерации судебно-медицинской экспертизы : информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации от 31.07.2017 № Исоп-246/34-34607-17/10. М., 2017.

5. Об организации работы экспертов в области судебно-медицинской экспертизы в системе Следственного комитета Российской Федерации : информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации от 06.06.2019 № Исоп-246/1-23517-19. М., 2019.

6. Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2018 г. и задачах на 2019 г. : информационный материал к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации. М., 2019.

7. Корешков В. В Вологде стоматолога, удалившего ребенку не те зубы, суд отправил мести улицы // Cherinfo.ru. URL: <https://yandex.ru/turbo/cherinfo.ru/s/news/95998-v-vologde-stomatologa-udalivsego-rebenku-ne-te-zuby-sud-otpravil-mesti-ulicy> (дата обращения: 14.07.2021).

8. Кузнецов С. В. Пять лет собственному судебно-медицинскому экспертному направлению в структуре Следственного комитета Российской Федерации на территории Северо-Западного федерального округа // Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству : матер. Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 196–199.

9. Кузнецов С. В. Судебно-медицинская экспертиза в Следственном комитете Российской Федерации: от протоколов следственных действий до государственной судебной экспертизы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. №3 (29). С. 96–100.

10. Ломейко А. Начальнику участка механических работ Пулково предъявлены обвинения по делу о гибели ребенка в аэропорту // 360tv.ru. URL: <https://360tv.ru/news/chp/nachalniku-uchastka-mehnicheskikh-rabot-pulkovo-predjavleny-obvineniya-po-delu-o-gibeli-rebenka/> (дата обращения: 14.07.2021).

11. Петрухин А. С., Мухин К. Ю., Калинина Л. В. и др. Ламиктал: поли- и монотерапия эпилепсии // Психиатрия и психофармакотерапия. 2004. №6. С. 20–25.

12. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 №194н. URL: <https://base.garant.ru/12162210/> (дата обращения: 14.07.2021).

13. Сбившая насмерть «пьяного мальчика» женщина вышла на свободу // NTV.RU. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2254262/> (дата обращения: 14.07.2021).

14. Смерть на горке: в Ленобласти затягивается расследование дела о гибели 8-летнего Коли Нестерова // NTV.RU. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1931823/> (дата обращения: 14.07.2021).

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 14.07.2021).

16. Dulac O. The use of Lamotrigine in children // Reviews in Contemporary Pharmacotherapy. 1994. Vol. 5. P. 133–139.

Об авторе

Семён Валерьевич Кузнецов – канд. мед. наук, доц., ст. науч. сотр., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции; Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Россия.

E-mail: nachsml@mail.ru

The author

Dr Semyon V. Kuznetsov, Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; St. Petersburg state agrarian university, Russia.

E-mail: nachsml@mail.ru

О. В. Петрова

ПРИНЦИП НАИЛУЧШЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

25

Новеллы уголовно-процессуального закона Республики Беларусь показывают стремление к внедрению на практике дружественных ребенку технологий. Вместе с тем исследования показывают отсутствие системности в определении уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних. Реформирование правового положения несовершеннолетних в уголовном процессе может быть более эффективным при наличии системообразующей основы.

Международно-правовой принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка может стать базовым положением уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних, обеспечивать планомерное развитие уголовно-процессуального законодательства, а в конечном итоге – способствовать противодействию преступности. Исследование реализации принципа требует применения системного, сравнительно-правового анализа и формально-юридического метода.

В результате можно определить особенности уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних с учетом указанного принципа, а также направления дальнейшего совершенствования законодательства. Вместе с тем остается дискуссионным вопрос о необходимости закрепления такого принципа в законе.

The novelties of the Criminal Procedure Law of the Republic of Belarus show the commitment to introduce child-friendly technologies in practice. However, studies show the lack of consistency in the identification of Criminal Procedure policy for minors. Reforming the legal status of minors in criminal proceedings could be more effective in the case of a system-forming basis.

The international legal principle of the best interests of the child could be the foundation of the criminal procedure policy for minors, ensure the systematic development of the Criminal Procedure Law, and contribute to combating crime. The study of implementing the principle requires the application of systematic, comparative legal analysis and formal-legal methods.

As a result, it is possible to determine the features of the criminal procedural policy for minors, taking into account the principle, as well as ways for further improvement of legislation. Nonetheless, the issue of legal recognition of the principle is debatable.

Ключевые слова: наилучшее обеспечение интересов, права ребенка, уголовно-процессуальная политика, несовершеннолетний правонарушитель, несовершеннолетний потерпевший и свидетель

Keywords: the best interests, children's rights, criminal procedure policy, juvenile delinquent, child victim, child witness

Введение

Благополучие детей – важная цель развития любого общества. Права и законные интересы ребенка подлежат охране во всех сферах жизни, в том числе при принятии юрисдикционных решений, к кото-

рому относится и осуществление уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим следует отметить, что как в советский период, так и в настоящий момент уголовно-процессуальное законодательство и Российской Федерации, и Республики Беларусь рассматривает несовершеннолетнего как особого субъекта правоотношений, наделяя его дополнительными гарантиями.

Следует отметить, что к проблематике участия несовершеннолетних в уголовном процессе следует подходить комплексно. Помимо широко дискутируемого вопроса внедрения ювенальной юстиции не меньшего внимания требуют и права несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Современная правоприменительная деятельность в Республике Беларусь характеризуется множественностью конкретных практических социальных проектов, которые если и не нацелены непосредственно на реформирование системы правосудия для детей, то направлены на решение задач уголовной юстиции. Однако и для белорусского, и для российского опыта характерно отсутствие целостной уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних [6, с. 32]. Как справедливо указывает Е. В. Марковичева, разработка уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних требует определения ее целей и стратегических направлений [6, с. 34].

Представляется, что на уровне уголовной политики и уголовно-процессуальной политики как ее составляющей должны быть сформированы системообразующие положения. Как правило, такой характер носят международно-правовые требования. Представляется, что принципом уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних может стать международно-правовая концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка как основа правового статуса несовершеннолетнего в международном праве

Конвенция ООН 1989 г. о правах ребенка (далее — Конвенция) была ратифицирована максимальным количеством стран, в том числе Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Статья 3 Конвенции гласит, что во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Такой принцип как имеет самостоятельное значение, так и является базисом правового статуса ребенка в международном праве. Фактически предлагаемый подход закрепил за ребенком статус субъекта, а не объекта права [13, р. 30]. Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка как один из общих принципов, закрепленных в Конвенции, нацелен на полномасштабную реализацию всех прав ребенка и его

всестороннее развитие, что предполагает ответственное участие всех заинтересованных сторон в деле обеспечения физической, психологической, моральной и духовной целостности и неприкосновенности ребенка и содействия утверждению его человеческого достоинства [4, с. 348].

Представленная в Конвенции концепция рассматривается и как фундаментальное материальное право, и как процедурное правило, и как основополагающий правовой принцип [13, р. 31–32]. Именно в последнем статусе концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка позволяет и требует интерпретировать нормы права с позиции интересов ребенка и тем самым может концептуально влиять на совершенствование законодательства и правоприменения. Такое толкование может проводиться как на уровне законотворческой деятельности, так и при принятии конкретного решения в отношении несовершеннолетнего в любой сфере, например при принятии решения о месте жительства ребенка при рассмотрении семейного спора или при постановлении приговора суда несовершеннолетнему правонарушителю.

В мире существуют разные концепции, основанные на принципе наилучшего обеспечения интересов ребенка, в том числе дружественное ребенку правосудие (*child friendly justice*) [16], правосудие для детей (*justice for children*) [15]. Ювенальная юстиция (*juvenile justice*) как институционально обособленная система появилась ранее данного принципа, однако по своей сущности может и должна соответствовать представленной в Конвенции концепции, более того — подвергаться оценке с точки зрения соответствия международным стандартам и в том числе принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка [14].

Формирование уголовно-процессуальной концепции в отношении несовершеннолетних на основе принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка создает понимание факта, что должны учитываться интересы несовершеннолетних в целом, уязвимости детей как субъектов процесса независимо от процессуального статуса: в уголовном процессе — это и потерпевший (гражданский истец), и свидетели, и обвиняемый (подозреваемый).

Таким образом, принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка формирует правовое положение несовершеннолетних и требует реализации в национальном законодательстве.

Уголовно-процессуальная политика и ее место в системе уголовной политики

В современном обществе на государство возложена обязанность защищать граждан от преступных посягательств, обеспечивать безопасность в обществе. Выполнение такой функции осуществляется государством через реализацию уголовной политики. В этом смысле уголовная политика рассматривается в классическом определении Н. И. Загородникова в трех аспектах. Во-первых, как выработанная государством

линия борьбы с преступностью. Во-вторых, как конкретная деятельность органов государства, состоящая в проведении в жизнь указанной линии и выражающаяся в издании уголовных и других законов в области борьбы с преступностью, в применении этих законов к конкретным социальным конфликтами и разрешении на их основе действующего законодательства. В-третьих, как научное осмысление стратегии борьбы с преступностью и мер по ее реализации, выработке рекомендаций по улучшению деятельности в области борьбы с преступностью [3, с. 19]. Признано понимание уголовно-процессуальной политики как компонента уголовной политики государства [2, с. 14; 11, с. 214] и как части государственной социальной политики [9, с. 64]. Следует согласиться с мнением И.Г. Смирновой, что уголовно-процессуальная политика призвана обеспечить баланс законных интересов и безопасность [9, с. 65].

В то же время эффективная уголовно-процессуальная политика воздействует и на преступность как таковую. Как правильно отмечает А.И. Александров, уголовно-процессуальная политика позволяет определить принципы и методы воздействия на преступность через процедуры производства по материалам и уголовному делу. Меняя уголовно-процессуальные нормы, добиваясь построения более эффективного уголовного процесса, власть тем самым может влиять на показатели раскрываемости преступлений, то есть на реализацию уголовно-правовых норм [2, с. 15].

Представляется, что с научной точки зрения формирование идей и представлений на таком обобщенном уровне весьма важно, поскольку позволяет системно совершенствовать уголовно-процессуальную деятельность, как и противодействие преступности в целом. Формирование уголовно-процессуальной политики требует определения не только ее принципов и основных начал, но и конкретизацию путем выделения таких составляющих как, например, уголовно-процессуальная политика противодействия коррупционным преступлениям или сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. Представляется возможным говорить и об уголовно-процессуальной политике в отношении несовершеннолетних.

Обозначенная концепция наилучшего обеспечения ребенка как любое международно-правовое требование может влиять на совершенствование национального законодательства опосредованно, через призму уголовной и ювенальной¹ политики государства, что не является вместе с тем единственной ее детерминантой. Помимо международных требований политика формируется и под воздействием идеологии [10, с. 163] и правовой культуры.

¹ Под ювенальной политикой мы понимаем стратегии государства по обеспечению защиты детей, содействию их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию. Исследования указанного аспекта может быть признано необходимым, однако выходит за пределы рассматриваемого вопроса.

Особенности реализации принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в уголовно-процессуальной деятельности

Для уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних с учетом принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка важно разрешить проблему соотношения частных и публичных интересов.

Согласно п. 39 Замечания общего порядка о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов № 14 (2013) от 29 мая 2013 г. Комитета ООН по правам ребенка, если добиться взаимоувязки интересов не удалось, властям и директивным органам придется проанализировать и определить значимость прав всех заинтересованных сторон, исходя из того, что право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы принимались во внимание в качестве первоочередного соображения, означает, что интересы ребенка имеют первоочередное значение и не могут рассматриваться всего лишь как одно из ряда соображений².

Фактически алгоритм такой оценки затрагивает глубинные ценностные ориентиры уголовной политики государства и требует научного осмысления. Причем дискуссионным является не только взаимодействие публичного интереса обеспечения неотвратимости уголовной ответственности за деяния несовершеннолетних с интересами несовершеннолетних, но и соотношение интересов несовершеннолетних и принципа неотвратимости ответственности. Указанный конфликт интересов должен определять пределы тактических приемов и методов расследования преступлений, совершенных против несовершеннолетних. Так, у несовершеннолетнего потерпевшего есть право отказаться давать показания против близкого родственника или члена семьи (ст. 27 Конституции Республики Беларусь). В случае расследования случаев насилия в семье, несмотря на всю тяжесть деяний, такое право за несовершеннолетним, как представляется, должно сохраняться.

В качестве важного посыла также следует признать негативное влияние уголовного процесса на любого несовершеннолетнего и необходимость минимизации вовлечения несовершеннолетних в сферу уголовной юстиции. Социально-психологическое сопровождение участия несовершеннолетнего в уголовном процессе, как и взаимодействие с внешней системой защиты детей, является средством и принципом реализации заявленных целей. В этом понимании модель построения вовлеченности несовершеннолетних в систему уголовной юстиции может рассматриваться с точки зрения психологической и педагогической наук [12, р. 62].

² Конвенция о правах ребенка // Организация Объединенных Наций. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiC AqhKb7yhsqIkirKQZLK2M58RF%2F5F0vFKtnY3RFBX0eVOrGEVYulm7qJFa4xDYq QG%2FAuA8pVGCRK8KtbQkk%2FWkn0pyrS31KYRp4F7cnp3xxnKJe9IL9Lx> (дата обращения: 21.01.2022).

Согласованность между различными компонентами уголовной политики в реализации концепции также важна, ибо эта система и ее составляющие не могут противоречить друг другу, а если есть противоречие — требуется гармонизация. Такую общность можно отследить и в политике в отношении несовершеннолетних. Например, применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемых и подозреваемых, а также применение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных несовершеннолетних рассматривается в комплексе: лишение свободы независимо от момента решения вопроса может применяться к ним лишь в исключительных случаях.

Связь материальных и процессуальных правоотношений также предполагает тесное взаимодействие при содействии наилучшему ответствию интересам ребенка.

Приведем пример того, как совершенствование уголовного законодательства влияет на уголовно-процессуальную деятельность. В 2021 г. по примеру Российской Федерации к ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь появилось примечание: «Для целей применения настоящей статьи и статьи 167 УК малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении него преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии, поскольку в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий». Оно позволило отказаться от практики назначения и проведения экспертиз в отношении малолетних потерпевших по указанной категории уголовных дел, поскольку данные экспертизы оказывали психотравмирующее воздействие, а выводы были заранее очевидными.

Несмотря на то что признана необходимость реализации принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, остается открытым вопрос, насколько такое требование может быть сформировано в виде принципа уголовного процесса, может ли оно рассматриваться как концептуальное начало, требующее самостоятельного закрепления, либо это положение может следовать из духа закона и имплементироваться на уровне конкретных норм права.

Так, в рамках семейного права вопрос интересов ребенка может занимать центральное место, следовательно, вполне закономерно его нормативное закрепление в Республике Беларусь. В качестве одной из задач законодательства о браке и семье предусмотрен учет наилучших интересов ребенка при принятии государственными органами, иными организациями решений в отношении детей (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. №278-3).

Однако в отношении уголовного процесса следует признать, что не все идеи системного характера институализируются посредством принципов. Они могут системно влиять на развитие законодательства и правоприменительной практики через реализацию уголовно-процессуальной политики. Для сферы уголовно-процессуальной деятельности, где главным вопросом является реализация целей уголовной ответственности, системообразующего значения концептуальная основа правового положения несовершеннолетних не имеет. Вместе с тем для

института производства по делам о преступлении несовершеннолетних представляется допустимым ставить вопрос о законодательном закреплении принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка. Такое закрепление оказало бы влияние на судебское усмотрение, позволило бы более точно учитывать конкретную жизненную ситуацию несовершеннолетнего.

В настоящее время можно выделить сложности в понимании и оценке интересов несовершеннолетнего правоприменителем, недостаточное понимание правил такой оценки, хотя в целом она может и должна проводиться. Например, по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних исследование условий жизни и воспитания, предусмотренное как элемент предмета доказывания ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), порой смешивается с выявлением причин и условий подростковой преступности, не воспринимается как мера по изучению личной ситуации несовершеннолетнего для принятия решения о мере уголовной ответственности, лучшим образом соответствующего его интересам.

Являясь ценностным ориентиром, рассматриваемый принцип может непосредственно влиять на правоприменительную деятельность. Выбор тактических приемов и методов, применяемых в ходе расследования преступлений, также должен соответствовать требованиям наилучшего обеспечения интересов ребенка. В настоящее время нет препятствий придерживаться таких тактик, что позволяет избегать негативного влияния участия несовершеннолетнего в процессе на его физическое и психическое здоровье. В этом аспекте исследуемый принцип составляет и этическое требование.

Следует также отметить, что реализация рассматриваемой концепции не может ограничиваться лишь совершенствованием законодательства, влиянием на правоприменительную практику, а предполагает также мероприятия организационно-правового характера, не исключая мер по внедрению ювенальных технологий.

Направления развития уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь с учетом интересов ребенка

В целом уголовная политика Республики Беларусь осознает особый статус несовершеннолетних. Более того, следует отметить недавние законодательные изменения по повышению правовой защищенности несовершеннолетних.

Так, в Республике Беларусь изменениями и дополнениями, внесенными в 2021 г., были законодательно закреплены два института, традиционно призванные способствовать наилучшему обеспечению интересов ребенка, а именно: в ст. 30¹ УПК закреплено примирение обвиняемого с потерпевшим при посредничестве медиатора путем заключения медиативного соглашения, а также нормой ч. 2¹ ст. 221 УПК законодательно признаны дружественные детям условия допроса.

Указанные новеллы можно оценить положительно, однако внесенные законодательные новации не могут рассматриваться как систем-

ные. Например, не определен статус медиатора³, порядок реализации процессуальных гарантий прав личности при применении медиации, остаются нерешенными вопросы приостановления производства по делу для проведения медиации и т. п.

В Республике Беларусь восстановительной медиацией занимается Центр «Медиация и право» при Белорусском республиканском союзе юристов, внедряя такие технологии еще до их законодательной легализации. При этом в большинстве случаев медиаторы ориентируются на применение медиативных технологий именно в ситуациях вовлеченности несовершеннолетних [8]. Следует сказать, что с законодательными новациями не случилось существенного толчка в развитии практики. Однако указанные законодательные изменения предоставили возможность продвигать работу медиаторов в разрешении уголовно-правовых конфликтов не в качестве экспериментальных проектов, а на постоянной основе. Вместе с тем институциональное закрепление медиации в уголовном процессе не исключает необходимости анализа норм с точки зрения реализации интересов несовершеннолетних. Многие практические работники до сих пор воспринимают медиацию по уголовным делам как чуждую технологию, высказывают опасения «коммерциализации» уголовного процесса через применение восстановительной медиации в условиях отсутствия государственного финансирования деятельности медиаторов, развитости услуг коммерческой медиации и отсутствия постоянной спонсорской помощи.

Успех имплементации в большей степени зависит как раз от того, насколько медиативные технологии встроены в систему уголовной политики, сочетаются с иными мерами и отвечают принципам борьбы с преступностью. Следует отметить, что внедрение медиации не изменило уголовно-правовую политику как таковую, идея примирения и до этого была знакома действующему белорусскому закону. Таким образом, новелла затрагивает только те институты, где государство и до этого момента учитывало частные интересы пострадавшего.

Проблемы обеспечения интересов несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля признано решить законодательное признание дружественных детям технологий допроса. Так, в соответствии с ч. 2¹ ст. 221 УПК допрос несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы по возможности проводится в условиях дружественной детям комнаты для допроса.

Законодатель не раскрывает процессуальных требований к допросу в таких специальных комнатах и к оценке показаний несовершеннолетнего. Безусловно, что при использовании в доказывании показаний, данных в специальных комнатах, должно быть обеспечено право подо-

³ Определение прав и обязанностей медиатора в уголовно-процессуальном законе считаем важным для возможности полноценного осуществления им своих задач. Интересным является мнение о наделении медиатора статусом специалиста [6, с. 26].

зреваемого и обвиняемого на защиту. В том числе за обвиняемым и подозреваемым должно сохраняться право опровергнуть показания несовершеннолетних.

Вместе с тем следует отметить, что дружественные детям технологии допроса пришли в правоприменительную деятельность в уголовном процессе Республики Беларусь в 2009 г. и за указанный период показали свою эффективность [5]. Однако сами по себе дружественные детям условия допроса нельзя признать достаточными для обеспечения благополучия ребенка, более того, без мер обеспечения безопасности и специальных мер защиты они могут быть опасными.

Таким образом, дружественный подход требуется обеспечить на всем протяжении процесса и после его завершения. И в некоторой степени такая работа предусмотрена в Республике Беларусь на основе декрета Президента от 24 ноября 2006 г. №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях», который предполагает требование взаимодействия государственных органов для раннего вмешательства, но не предусматривает четкого алгоритма работы.

Заключение

Подводя итог сказанному, следует отметить, что концепция наилучшего обеспечения интересов ребенка как основа международного статуса несовершеннолетнего может быть системообразующим принципом и ценностным ориентиром в формировании особенностей уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних.

Представляется допустимым отсутствие законодательного закрепления такого принципа в качестве самостоятельного в уголовно-процессуальном законе. Однако рассматриваемая концепция может быть реализована на законодательном уровне, учитываться правоприменителем при принятии юрисдикционных решений и совершении процессуальных действий и служить основой системных реформ процессуальных институтов.

Список литературы

1. Авдеев В.Н., Александрова Л.А., Панькина И.Ю. Альтернатива уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних обвиняемых // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. №1. С. 23 – 30.

2. Александров А.И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука : сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2016. С. 12 – 19.

3. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979.

4. Кабанов В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка по международному и национальному праву. М., 2018.

5. Каменецкий Ю. Ф., Суздалева Г. В., Истомова Л. Н. Рекомендации по результатам исследования эффективности деятельности специализированных комнат опроса, дружественных детям. Пути совершенствования и перспективы дальнейшей популяризации : метод. рекомендации. Минск, 2020.

6. Марковичева Е. В. Уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. №3 (7). С. 30–35.

7. Петрова О. В. Дружественная детям комната для допроса как новелла уголовно-процессуального закона // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 2. Минск, 2021. С. 352–359.

8. Подробная информация о проектах // Центр «Медиация и право». URL: <https://mediation-law.by/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/document-25263.html> (дата обращения: 24.01.2022).

9. Смирнова И. Г. Уголовно-процессуальная политика: некоторые рассуждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. №3. С. 61–67.

10. Шадрин В. С. Уголовно-процессуальная политика и уголовно-процессуальное право (часть 1) // Российский журнал правовых исследований. 2015. №2 (3). С. 162–165.

11. Шминке А. Д. Уголовно-процессуальная политика как системное образование // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. №5 (118). С. 210–216.

12. *The best Interest of the child – a dialogue between theory and practice.* Council of Europe, 2016.

13. *Child-friendly Justice: A Quarter of a Century of the UN Convention on the Rights of the Child (Stockholm Studies in Child Law and Children's Rights)* / ed. by S. Mahmoudi, P. Leviner, A. Kaldal, K. Lainpelto. Leiden, 2015.

14. *Fondacaro M., Slobogin Chr., Cross Tr.* Reconceptualizing Due Process in Juvenile Justice: Contributions from Law and Social Science // *Hastings Law Journal*. 2006. Vol. 57, iss. 5. P. 955–990. URL: https://repository.uclaw.edu/hastings_law_journal/vol57/iss5/2 (дата обращения: 24.01.2022).

15. *Guidance Note of the Secretary-General. UN Approach to Justice for Children.* URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/RoL_Guidance_Note_UN_Approach_Justice_for_Children_FINAL.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

16. *Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice.* Council of Europe Publishing, 2011.

Об авторе

Ольга Валентиновна Петрова – канд. юр. наук, доц., Белорусский государственный университет, Беларусь.

E-mail: machkova@bsu.by

The author

Dr Olga V. Petrova, Belarusian State University, Belarus.

E-mail: machkova@bsu.by

УДК 94(44); 93(093); 912.4

Д. И. Горшков

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПАРНОГО ПОРТРЕТА ИЗ СОБРАНИЯ ФОНДА МИНИАТЮРНЫХ ПОРТРЕТОВ ТЭНСИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

35

Идентификация иконографических источников – портретного ряда определенной эпохи – позволяет раскрыть черты национальной культуры и повседневность общественной жизни той или иной социальной группы. Проведенная на основе опубликованных и архивных источников идентификация работы итальянской художницы Джулии Корнео «Парный портрет французского генерала с женой, 1790-е гг.» позволила установить имя генерала, изображенного на портрете. Автор считает, что исследование образа человека прошлого, в данном случае «человека воюющего» (*Homo militaris*), помогает заново прочитывать возникшие эмблематы определенной исторической эпохи.

This article examines a couple's miniature portrait, traditionally ascribed to Italian artist Julie Corneo, kept in the collection of the Tansey Miniatures Foundation. Relying on the printed and archival sources, the author was able to establish the identity of the general and his wife shown on the miniature. More importantly, the author attempted to re-examine the evolution of the uniforms of generals of the French Republic between 1791 and 1803 and to demonstrate the function of regulations and normative documents of this period. The process of identifying these portraits, through complex analysis and comparative approach, offered an opportunity to cast a fresh look at the existing tangible culture and to bring to light one of the mechanisms of constructing the identity of the French nation, its symbols and national language.

Ключевые слова: иконография, униформология, источниковедение, Ш.-Ф. Рауль (1759–1824), французская армия 1791–1803 гг., французский генералитет, коллекция Фонда миниатюрных портретов Тэнси

Keywords: iconography, uniformology, historiography and source study, Ch.-F. Raoul (1759–1824), French Army (1791–1803), generals officers of the French Army, collection of the Tansey Miniatures Foundation

Одним из первых европейских музеев, включившихся в празднование двухсотлетнего юбилея со дня смерти Наполеона на о. Святой Елены, стал Фонд миниатюрных портретов Тэнси, входящий в состав Музея Боманна в г. Целле (Нижняя Саксония, Германия).

При подготовке Тематико-экспозиционного плана выставки «Миниатюрные портреты эпохи Наполеона» («*Miniaturen der Zeit Napoleons*») в этом музее в качестве эксперта в области европейского военного портрета был приглашен автор этой статьи. Результатом проведения

доиконографического описания, иконографического анализа и иконологической интерпретации, прибегая к языку Эрвина Панофски, стало составление в 2019–2020 гг. справок, уточнений и новых легенд как для каталога выставки, так и для внутреннего каталога самого музея [47].

Среди множества миниатюрных портретов, проанализированных в этот период, особое место занимает семейный парный портрет [17; 18]. Изначально, с 2002 г., он традиционно обозначался как «Парный портрет французского генерала с женой, 1790-е гг.» [14, р. 189–190 (№ 119–120)]. Его автором предположительно является итальянская художница, работавшая в конце XVIII в. в Милане в жанре миниатюрного портрета, Джулия (в период пребывания во Франции в годы 1-й Империи Наполеона подписывалась на французский манер – Жюли) Корнео (Corneo), урожденная Грасси (Grassi). О ней самой, помимо разрозненных данных, мы знаем крайне мало: прежде всего что ее художественная деятельность пришлась на 1795–1810 гг. [63, р. 163; 39, р. 168].

Парный миниатюрный портрет французского бригадного генерала Шарля-Франсуа Рауля (Raoul) и его жены Клэр Рауль, урожденной Вайан (Vaillant), 1799–1800 гг. Приписывается Джулии (Жюли) Корнео, урожденной Грасси (Giulia Corneo, nata Grassi). Кость, акварель, гуашь, белила; 8,5 см. Фонд миниатюрных портретов Тэнси при Музее Боманна (г. Целле, Нижняя Саксония, Германия). © Birgitt Schmedding, Stiftung Miniaturensammlung Tansey. Идентификация Д. И. Горшкова

Сам же портрет интересен не только с позиции иконографии, как произведение искусства, но еще и тем, что позволяет взглянуть с иной перспективы на фигуративный материал конца раннего Нового времени – начала Нового времени. Последнее вполне оправдывает наше обращение к нему. К тому же основная цель представляемой ниже работы – посмотреть на портрет через призму источника, а не произведения искусства, восполняя, таким образом, пробел публикации 2020 г. [47, S. 182–185].

Стоит начать с исследования женского портрета. Первое, что привлекает внимание, – картуш с монограммой «CR». Его держит облаченный в доспехи Марса амур на фоне военных трофеев, голову кото-

рого венчает шляпа генерала. Важно, что другой амур, с атрибутами богини Флоры (рогом изобилия и садовым инвентарем в стиле XVIII в.), изображенный рядом, возлагает цветок к картушу с литерами «СR». Из этого можно заключить, что монограмма указывает на предыдущий мужской портрет. Автор данной миниатюры несколько вольно интерпретирует миф о нимфе Хлориде, превратившейся в богиню Флору, богиню цветов, весны, урожая и пр., после того как она стала женой бога западного ветра Зефира.

Помимо изображенной монограммы женский портрет интересен еще и тем, что есть возможность прочесть начало письма, которое пишет портретируемая. Оно начинается словами: «il est Doux de s'andretenir (так в оригинале. — Д.Г.) de ce que l'on aime» или «Беседовать о том, что нам дорого, — приятно». Видимо, здесь мы имеем дело с парафразом, поскольку в романе анонимного французского автора «Опасности непопозвоительной любви», вышедшем в конце 80-х гг. XVIII в., можно обнаружить эти же строки: «Il est toujours bien doux de s'entretenir de ce qu'on aime», то есть «беседовать о том, что нам дорого — всегда и весьма приятно» [43, р. 126]. Стилистические и грамматические ошибки, которые обнаруживаются в написании самой фразы, также косвенно подтверждают авторство Корнео, явственно свидетельствуя, что автор портрета — иностранец, а не француз.

Все эти символы, как и в целом сама выстроенная композиция, позволяют утверждать, что на портретах запечатлена супружеская пара.

Не менее интересным представляется и мужской портрет, изображающий генерала эпохи Французской 1-й Республики, который указывает на карту Италии (регионы Ломбардия и Венето). К сожалению, отсутствие качественных исследований униформы французского генералитета республиканской эпохи затрудняет работу не только с иконографией, но и с предметами материальной культуры, а также способствует тиражированию ошибок, неточностей и всевозможных домыслов.

Таким образом, первостепенной задачей, стоящей перед нами в начале поисков, было определить тип изображенного мундира, изучив нормативные документы 1-й республики, и, соответственно, более четко датировать рассматриваемое изображение. Оговоримся, что прическа портретируемого (учитывая пример маршала Жана-Батиста Журдана (Jourdan), носившего и в годы 2-й реставрации Бурбонов старомодную прическу 1790-х гг. [9, р. 254]) и карта Италии (принимая во внимание целую череду кампаний на Апеннинском полуострове) не могут быть в данном случае надежными маркерами.

Между тем, исходя из расшивки двубортного мундира [57, Pl. II — *Modèle de broderie pour les uniformes des officiers généraux*], сразу можно было исключить модель малой формы, предписанную временной инструкцией от 1 апреля 1791 г., которая уточняла униформу высшего командного состава и адъютантов [37, № 27 (Dimanche — 3 juillet 1791), р. 306—307].

Стоит сказать, что данная модель малой формы, несмотря на ряд изменений, фактически просуществует вплоть до утверждения регла-

мента от 1 вандемьера XII г. Республики (24 сентября 1803 г.), и именно ее интерпретации породят многочисленные отклонения, прежде всего ношение эполет [65, р. 136]. В регламенте же 1803 г. впервые с 1791 г. будет дано подробное описание новой малой формы французского генералитета и мундиров фрачного покроя [60, р. 6–7], в прочих же нормативных документах эпохи Республики, если не брать в расчет постановление от 27 мессидора VIII г. Республики (16 июля 1800 г.) [56, р. 307], она даже не упоминалась. Таким образом, временная инструкция 1791 г. будет иметь силу закона вплоть до 1800–1803 гг. В данном случае мы сталкиваемся с «парадоксом» дивизионного генерала барона Империи Максимилиана-Себастьяна Фуа (Fou), писавшего, что «тот, кто предпримет попытку изучить французскую армию через ее письменное законодательство, проделает работу пространную и бесполезную. В сей груди высочайших ордонансов и министерских постановлений, которыми можно заполнить сотню томов, противоречия будут останавливать его на каждом шагу. Он не сможет отличить положения, все еще имеющие силу закона, от тех, которые в одной уже не находятся, и от тех, которые вовсе ее не получили» [29, р. 149–150].

Учитывая крой изображенного мундира, темно-синие обшлага, а также ворот мундира, можно утверждать, что исследуемый нами персонаж показан в мундире малой формы типа 1791 г. со шляпой полной парадной формы. Подчеркнем, что инструкция 1791 г. предполагала наличие на мундире вставных темно-синих клапанов обшлагов [37, № 27 (Dimanche – 3 juillet 1791), р. 307]. Но к началу 1800–1801 гг. они, видимо, полностью исчезли, что подтверждает в том числе и анализируемый нами миниатюрный портрет.

Учитывая все вышесказанное, необходимо остановиться на постановлении Комитета общественного спасения от 26 прерияля II г. Республики (14 июня 1794 г.). Оно окончательно отменило ношение эполет и ввело новый мундир с отворотами в соответствии с языком эпохи. Тем не менее, по данному постановлению, лишь у главнокомандующих армиями борт отворотов мундира должен был быть украшен узорчатым, лентообразным и двойным шитым золотом орнаментом (большим в 12 линий (27 мм) и малым в 6 линий (13,5 мм)). При этом малый орнамент шел по верхней и нижней частям отворота [37, An V, № 44 (10 Floréal, an V de la République), р. 490–491].

К сожалению, мы не смогли обнаружить образцовый рисунок 1794 г. данного орнамента, который бы уточнил его внешний вид. Однако следующее постановление от 10 плювиоза IV г. Республики (24 июня 1796 г.) определяло, что форма генералитета остается прежней и лишь «мундир должен быть без отворотов» [37, An V, № 44 (10 Floréal, an V de la République), р. 492]. Благодаря данной ремарке, можно говорить, что, видимо, речь идет о традиционном шитье в виде лавровых и дубовых веток. Последнее подтверждается портретным рядом эпохи, прежде всего знаменитым полотном 1796 г. Антуана-Жана Гро (Gros) «Наполеон на Аркольском мосту» [31; 4, р. 246 (456)]. Однако, судя по рисункам того же времени (1796) Жана-Юрбэна Герэна (Guérin) с изображением

дивизионного генерала Жана-Батиста Клебера (Kléber), также можно утверждать, что часть генералитета «узорчатый, лентообразный и двойной орнамент, шитой золотом», воспринимала в 1794 — в середине 1796 г. в стиле королевского шитья модели 1786 г. [35, S. 156 — 157, 340 — 341; 41, p. 161 (Lot N° 195)].

Так или иначе, имеющиеся данные закономерно выводили нас на версию, что на портрете показан один из командующих армиями, находившимися с 1794 по 1796 г. на территории Апеннинского полуострова. Отчасти эту версию подкрепляло и то, что у изображенного нет шарфа. Дело в том, что впервые он будет официально введен лишь в 1796 г. [37, An V, N° 44 (10 Floréal, an V de la République), p. 492]. Важно также, в связи с рассматриваемым здесь вопросом, отметить, что различие по цвету поясных портупей (не путать с плечевыми, то есть с «baudrier») будет установлено позднее — в 1803 г. [60, p. 10 (Pl. 4)]. Данный факт не позволяет нам акцентировать внимание на этом предмете экипировки персонажа картины. Стоит также сказать и об изображенной карте, на которой хорошо прочитываются границы Светлейшей Республики Венеции, уничтоженной в 1797 г. Она также не может быть надежным маркером, поскольку и в период Старого порядка, и в период войн Революции и Империи штабы и в целом французский офицерский корпус использовали весь доступный им картографический материал; в эпоху же Революции нехватка карт была чрезвычайно острой, даже несмотря на особое положение в 1798—1799 гг. армии Италии [8, p. 141 — 142, 182 — 190].

Выдвинутая версия сразу же была поставлена под сомнение. Прежде всего среди главнокомандующих всех армий Республики с 1794 по 1797 г., а не только армии Италии не нашлось ни одного, чьи бы инициалы совпали с изображенной монограммой «CR», а их хорошо известный портретный ряд лишь усиливал сомнения в правильности выбранного пути [15, p. 33—66]. Не стоит забывать и о трехцветных плюмажах и султанах на шляпе генерала, которые мы видим как на его портрете, так и на портрете его жены. Дело в том, что модель 1794 г. не предполагала наличие султана, который будет введен только в 1796 г. [37, An V, N° 44 (10 Floréal, an V de la République), p. 490—492]. Даже если все-таки принимать версию, что перед нами — переходная модель мундира от типа 1794 г. к типу 1796 г., совокупность всех данных говорит о ее несостоятельности. К тому же женский образ (платье, прическа, украшения), как и классический маркер в виде лежащей на столе карты Италии, также подтверждают, что речь идет о периоде 1798—1800 гг.

Более того, регламент от 20 термидора VI г. Республики (7 августа 1798 г.) упразднил однобортный мундир модели 1796 г. и фактически восстановил мундир 1794 г. с перекрещивающимися отворотами, причем отвороты мундиров у бригадных генералов и у дивизионных генералов и главнокомандующих армий также должны были быть украшены золотым шитьем [58, p. 1, 5—6]. Заметим, что регламент от 27 мессидора VIII г. Республики (16 июля 1800 г.) [59; 3, л. 1—6], подтвержденный постановлением от того же 27 мессидора [56, p. 304], закрепит униформу 1798 г. для французского генералитета.

Однако на исследуемом портрете и ворот, и обшлага мундира — темно-синие, а само шитье не совсем соответствует модели 1798 г. [59, carton 3, planche 2 — Broderies de l'habit de général en chef et de division]: все это позволяет говорить, как уже отмечалось выше, не только о малой форме типа 1791 г., но и об одной из интерпретаций регламента 1798 г. в начальный период его существования [30, p. 23–24].

Подобное разнообразие форм эпохи войн Революции можно объяснить еще и тем, что часть постановлений не сразу доходила до генералов, в связи с этим часто заказывалась униформа прежних моделей или продолжала донашиваться старая. К примеру, в начале XX в. был опубликован подписной и датированный 1792 г. миниатюрный портрет Эмманюэля де Груши (Grouchy) работы Луи Александра (Alexandre) [33, p. 761–763]. Будущий маршал запечатлен на нем в малой форме генерал-майора образца, закрепленного постановлением короля 1788 г. (Артикул 4) [21, p. 2], вместо формы образца 1791 г.

Уникальные зарисовки, выполненные Андре Дютертром прежде всего в период Египетской экспедиции, наглядно демонстрируют нам использование двух моделей мундиров генералитетом Восточной армии во время ее пребывания на территории Египта и Сирии: 1796 и 1798 гг. Также на зарисовках Дютертра можно обнаружить и персонажей в перешитых мундирах. Это командующие бригад, получившие генеральский чин не только в период самой экспедиции, но и накануне [23–25].

В контексте исследования необходимо рассмотреть сюжет, связанный с малой формой 1791 г. Тем более, что отсутствие шарфа у изображенного на портрете как раз свидетельствует о том, что он одет в малую форму периода 1798–1799 гг. [38].

На примере миниатюрного портрета, написанного по случаю восстановления в чине (14 августа 1794 г.) бригадного генерала Антуана-Мари Бара (Bard), видно, что изначально малая форма 1791 г. в 1794–1795 гг. не претерпела особых изменений: и шитье 1786 г., и эполеты, и шляпа сохранились [5]. Между тем в соответствии с постановлением 1794 г. шляпа Бара была украшена трехцветными плюмажами.

По всей видимости, для создания отличий формы республиканских генералов от формы генералитета армий и флота Старого порядка [50; 51; 11, p. 16, 34–35] и армий Принцев и Конде [32, т. 2, p. 72–73; т. 3, p. 29 (Pl. I)], а также с появлением в 1796 г. классического шитья для генералитета модель 1786 г. окончательно исчезает, при этом сам мундир эволюционирует в двух направлениях.

В первом случае мундир малой формы, условно датируемый нами 1796 г., будет соответствовать, за исключением темно-синих обшлагов и ворота, будущему типу 1798 г. (без эполет). Именно эта модель и изображена на нашем миниатюрном портрете. Часто в историографии ее вариации, особенно мундиров начальников штабов, главных инспекторов и главнокомандующих (красные воротник, отвороты и обшлага), неверно обозначаются как мундир второй формы [20, p. 14–15].

Оговоримся, что мы не учитываем здесь многочисленные переходные образцы и трансформации одной формы в другую, примером чего выступает переписанный в 1798 г. портрет дивизионного генерала Жана-Огюста Эрнуфа (Ernouf) работы Жозефа Дюкрё (Ducroix) [22].

Во втором же случае данная форма сохранит эполеты, но цвет обшлагов и воротника будет прочитываться индивидуально, при том что вставные клапаны обшлагов исчезнут [56, р. 307]. Этот факт ярко иллюстрирует полотно 1802 г. Луи-Франсуа Лёжёна (Lejeune) «Братья Бертье» (частное собрание; холст, масло, 107 × 131 см), на котором Александр Луи Бертье (Berthier) показан в мундире главнокомандующего модели 1800 г., а его братья (бригадные генералы) — в малой форме: Луи-Сезар-Габриэль с неуставными красными плюмажами и султаном на шляпе и Виктор-Леопольд с трехцветным плюмажем [28, р. 183].

В целом этот вопрос требует отдельной разработки и классификации иконографии и, безусловно, выходит за рамки нашей публикации. Тем не менее во избежание путаницы стоит оговориться, что мы, конечно, не берем в расчет многочисленные изображения генералитета второго ряда эпохи 1-й Империи, Реставрации и Июльской монархии, на которых ошибочно, под влиянием регламента 1803 г. и последующих нормативных документов, мундир республиканского генералитета показан с эполетами [44], не говоря уже о прочих элементах униформы, прежде всего цвете султана и плюмажей [12, р. 44 (31); 34]. Также мы оставляем в стороне схожую с формой генералов Республики униформу офицеров штаба [13, S. 158], генералитета Батавской Республики [66, р. 20–21] и переходные образцы униформы 1803–1804 гг., которые часто, в том числе и из-за многочисленных доработок художников, воспринимаются исследователями как ранние [6].

Возвращаясь к анализу изображения и имея все эти, пусть и не совсем точные данные, мы приняли решение проверить списки бригадных генералов Республики, соотнеся их с изображенными литерами и обозначенными выше моментами.

Изучая монограмму, мы учитывали различные версии ее прочтения. Полагали, что речь может идти как о двойной фамилии, так и об инверсии, когда «С» является первой буквой в фамилии изображенного, а «R» — в имени. Сплошной анализ послужных списков французского генералитета, хранящихся в подсерии (подразделе) Y^d собрания S. N. D., а также введенных еще в 1934 г. в научный оборот Жоржем Сисом, показал ошибочность выбранного пути [64, т. 1, р. 176–278; т. 2, р. 342–407]. Среди французского генералитета подпадающим под все вышеобозначенные маркеры, не исключая время написания портрета, униформу и участие в Итальянской кампании, оказалось двое: Колли-Риччи и Корте ди Бонвичино [19; 16].

Сардинец Луиджи Леонардо Гаспаре Венанцио Колли Риччи, маркиз Фелиццано (Colli Ricci, marchese di Felizzano), или, на французский манер, Луи-Леонар-Антуан-Жозеф-Гаспар Венансе де Колли-Рикки (1757 или 1760–1809), поступивший на службу Республике 12 декабря 1798 г. и получивший 5 мая 1799 г. временный чин бригадного генерала

по приказу главнокомандующего армией Италии, сразу был исключен из круга рассматриваемых лиц, поскольку нами был обнаружен его портрет 1790-х гг. [36, p. 154–155].

Версия о пьемонтце (с 26 марта 1819 г. натурализованный француз) Роше-Жозефе-Лоране-Иасинте Корте де Бонвуазане (прозванном Куртом де Бонвуазаном), или Рокко Джузеппе Лоренцо Джачинто Корте ди Бонвичино (Corte de Bonvoisin dit Courte de Bonvoisin, alias Corté di Bonvicino) (1761–1832) также была отклонена нами. Дело в том, что чин бригадного генерала он получил от пьемонтского правительства, находясь не на французской, а на пьемонтской службе. Этот чин будет подтвержден постановлением 1-го Консула лишь 3 апреля 1802 г., при этом 23 сентября 1801 г. ди Бонвичино уже был уволен с военной службы. После аннексии Францией Пьемонта 11 сентября 1802 г. Корте ди Бонвичино был восстановлен на военной службе 27 августа 1803 г. и вошел в состав французской армии уже как полковник штаба.

Классическая же интерпретация литер «CR», наоборот, позволила выявить утраченное имя изображенного. В процессе исследования были проанализированы все послужные списки бригадных генералов, чьи фамилии начинались на литеру «R», а одно из имен имело в начале своего написания латинскую букву «C». Оказалось, что среди генералитета армии Республики с 1796 по 1803 г. всего два генерала соответствовали вышеобозначенным положениям: Клод Руаз (Roize) (1768–1847) [62] и Шарль-Франсуа Рауль (Raoul) (1759–1824) [61].

Однако Клод Руаз, получивший чин бригадного генерала 10 июля 1801 г. и служивший до этого в Италии, был практически сразу исключен из рассматриваемых лиц. Во-первых, он не был женат [26, Décès: N° 61 — Acte de décès de Claude Roize (Baron) du 26 novembre 1847; 62]. Во-вторых, на парном портрете не может быть изображена его старшая сестра Мадлен [10, p. 333–334], принимая во внимание текст любовного письма и отсутствие прочих членов семьи (родителей и братьев). Таким образом, совокупность данных не позволяет нам идентифицировать исследуемое изображение как парный портрет Клода и Мадлен Руаз.

Что же касается Шарля-Франсуа Рауля, то его послужной список, семейное положение и прочие сюжеты полностью соотносились с монограммой и другими маркерами.

Заметим, что традиционно во Франции пользуются своим первым именем, другие же имена обычно опускают; использование второго имени в качестве основного встречается очень редко [55]. Анализируя монограммы генералов и будущих маршалов периода Республики и начала 1-й Империи Наполеона, до появления гербов, мы обнаруживаем подобное написание. К примеру, на личных печатях и имеющих маркировку предметах 1803–1807 гг. дивизионного генерала и впоследствии маршала Империи Луи-Николя Даву (Davout) можно видеть литеры «L. D.», а не «L. N. D.» [49, p. 118 (Lots NN° 172 à 173)].

Портрет был заказан Раулем по случаю его восстановления на действительной военной службе 15 июля 1799 г. и прикрепления к Альпийской армии [61, Ampliation, Extrait des registres du Directoire exécutif du 23 messidor de l'an 7, NN° de Feuilles: 60], а после, в феврале 1800 г., —

к Итальянской армии. Перед отправкой в армию, если судить по источникам из его послужного списка, Рауль жил со своей семьей в Нёфшато (Вогезы), и его новое назначение привело к первой долгой разлуке с близкими [61, Extrait d'une lettre du général de brigade Raoul, datée de Milan le 15 fructidor an 8, NN° de Feuilles: 67; 61, Etat des services de Charles François Raoul, ancien maréchal de camp, en retraite, adressé à S. E. Mr le comte Dupont, ministre de la Guerre, le 20 juin 1814 (Neufchâteau, Vosges), NN° de Feuilles: 168]. Этот факт объясняет написание парного портрета художником и изображение письма, которое пишет Клэр Рауль, урожденная Вайан (Vaillant), его жена и мать их пятерых детей [61, Lettre du général de brigade Charles François Raoul au ministre de la Guerre du 30bre 1817 (Neufchâteau), NN° de Feuilles: 198 (Verso)].

Что касается карты и места, на которое показывает генерал Рауль, то речь идет, видимо, о Кастильоне, где Бонапарт, Массена (Masséna) и Ожеро (Augereau) одержали победу над австрийцами 5 августа 1796 г. Напомним, что Рауль в Итальянской армии будет находиться под началом Луи Мари Тюрро де Линьера, прозванного Тюрро де Гарабувилем (Turreau de Lignièrès dit Turreau de Garambouvillè), и под общим командованием Массена. Между тем надежды, связанные со службой в рядах Итальянской армии, не оправдались [61, Lettre du général de brigade Charles François Raoul au ministre de la Guerre du 18 germinal an 9, NN° de Feuilles: 75 (Verso), 77]. На Апеннингах недалеко от Милана личный экипаж Рауля был разграблен солдатами Республики, и он и его семья оказались в большой нужде [61, Etat des services de Charles François Raoul, ancien maréchal de camp, en retraite, adressé à S. E. Mr le comte Dupont, ministre de la Guerre, le 20 juin 1814 (Neufchâteau, Vosges), NN° de Feuilles: 168].

Биография Рауля хорошо известна и, в отличие от его сыновей (офицеров 1-й империи) [53, p. 97; 54, p. 339–340], не представляет особого интереса. В данном вопросе мы полностью разделяем позицию его биографа генерала Жана Ферри, подробно писавшего об этом еще в 1967 г. [27, p. 443]. Конечно, Шарль-Франсуа Рауль является классическим примером, о котором можно сказать, что он был «порожден Революцией». В его послужном списке присутствовала следующая формулировка: «Революция пробудит в нем вкус к военному делу» [61, Etat des services de Charles François Raoul, ancien maréchal de camp, en retraite, adressé à S. E. Mr le comte Dupont, ministre de la Guerre, le 20 juin 1814 (Neufchâteau, Vosges), NN° de Feuilles: 166]. Простой солдат, дослужившийся до звания сержанта фузилёров в эпоху Старого порядка, Рауль в 1791 г. сразу же получил, по решению Комитета офицеров, унтер-офицеров и волонтеров 1-го батальона волонтеров департамента Вогезы, эполеты капитана (гренадерская рота), а во II г. Республики был избран Временным исполнительным советом бригадным генералом. Напомним, что из 1387 французских генералов эпохи Революции, без учета имперского периода, 850 были представителями всех сословий Франции за исключением дворянства (61 %), а 458 имели дворянские корни (33 %), социальное происхождение 79 генералов было неопределенным (6 %) [65, p. 24].

Рауля никак нельзя было назвать ни выдающимся командующим, ни «организатором побед». Конечно же, можно согласиться с дивизионными генералами Жаном-Антуаном Марбо (Marbot), Гийомом-Мари-Анн Брюном (Brune) и Боном-Адриэном-Жанно Монсеем (Moncey), характеризовавшими Рауля как опытного, храброго и деятельного генерала, расцвет деятельности которого пришелся на 1793–1795 гг. [61, Rapport au Directoire, le 3 messidor an 4, NN° de Feuilles: 26 (Verso); 61, Lettre du général de brigade Charles François Raoul au ministre de la Guerre du 20 brumaire an 5, NN° de Feuilles: 31 (Verso); 61, Note pour le commissaire exécutif, NN° de Feuilles: 225, 226; 61, Rapport au ministre de la Guerre, le 21 frimaire an 9, NN° de Feuilles: 71]. Но, изучив его военную карьеру, отметим: Раулю идеально подходит другая официальная формулировка той эпохи – «интересен лишь своими злочлочениями»: конфликтом в ноябре 1795 г. с его начальником – дивизионным генералом и командующим Западной армией Лазаром Ошем (Гошем) (Hoche) [45; 46; 48], бесконечными увольнениями, переводами, прошениями за своих сыновей, о получении пенсионера, дотаций, поиском денежных средств на содержание семейства, алкоголизмом [65, р. 179, 206] и пр. Все это заставляет нас акцентировать внимание на анализируемом портрете как на важном фигуративном материале и отказаться от воспроизведения послужного списка этого республиканского генерала [64, т. 2, р. 346–347; 27, р. 442–443; 52, р. 533].

Прежде всего данная идентификация позволит иначе взглянуть на сам процесс анализа изобразительного источника, вновь девальвируя характерные для отечественной науки представления, лежащие в плоскости анализа и установления личности портретируемого по элементам формы: «Зная и понимая сложную систему мундиров, орденов, медалей, знаков власти, модных платьев и роскошных уборов, показанных на портрете, исследователь может с помощью источников о них определить произведение, точно атрибутировать которое не в силах подчас даже стилистическая и технико-технологическая экспертизы» [1, с. 6]. Проведенная нами работа, наоборот, явственно демонстрирует, что мундир Рауля – второстепенный маркер, тогда как иные детали, изображенные на парном портрете его жены, являются определяющими. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что иконография (и военная иконография в том числе) не представляет собой исключительный эмпирический материал и требует, как и любой другой источник, комплексного, всестороннего анализа. Несмотря на попытки изобрести новый метод (речь идет о так называемом историко-предметном методе) [2, с. 91], фактически мы прибегаем к традиционному и устоявшемуся компаративному методу, дополняя его, в зависимости от материала, собственным авторским подходом. Еще раз отметим, что анализ изображения строится на хорошо известных принципах историко-сравнительного подхода, входящего в систему методов исторической компаративистики, что дает возможность на основе всех имеющихся фактов выявить, с одной стороны, общее и закономерное, а с другой –

определить качественные отличия, маркеры, характерные только для конкретного лица или группы лиц. Это и позволяет в итоге установить утраченное в процессе бытования имя изображенного.

В контексте поднятого вопроса важно подчеркнуть, что на протяжении всей работы мы старались избегать использования понятия «атрибуция», особенно после установления имени изображенного и, значит, обретения полноценного восприятия источника. Атрибуция же подразумевает «приписывание, предположение, возможное отнесение к кому-то или чему-то» и т.д. Только в таком значении некоторой неуверенности данное слово применяется в западной исследовательской и музейной практике. Об атрибуции можно говорить лишь тогда, когда нет твердых оснований для обозначения, датировки изобразительных источников. Во всех остальных случаях правомерно употреблять понятие «идентификация», что вполне оправдывает себя в условиях глобального мира.

В любом случае подобный взгляд на источник помогает понять работу самого документа в рассматриваемую эпоху и оценить период 1791–1800 гг. и как этап проб и ошибок, и как этап апробации (от Республики к Империи). Воссоздавая хронику введения того или иного изменения, можно не только определить процесс складывания образа, в нашем случае внешнего облика республиканского генералитета, но и найти пробелы, неясные места в нормативно-правовой базе. Это, безусловно, позволяет лучше оценивать человека прошлого, в данном случае «человека воюющего» (*Homo militaris*), играет важную роль при ответе на вопрос: чем руководствовался тот же Рауль, надевая мундир того или другого типа, и по какой причине появлялись те или иные «неуставные» детали в униформе.

Важность данного вывода несомненна, поскольку отличительной чертой периода Республики, несмотря на целый комплекс проблем, существовавших в том числе и в самой армии (нехватка средств, оружия, денег, мародерство и т.д.) [7, р. 239–241], стала борьба за символ, включая и униформу «солдата-гражданина» [42], его узнаваемость и уникальность [40]. Следовательно, мы имеем возможность на примере исследуемого портрета Рауля раскрыть один из механизмов, связанных с процессом складывания Республики, ее символов и формирования языка нации.

Следует особо подчеркнуть, что важно и в дальнейшем проводить идентификации портретного ряда эпохи, открывая людей прошлого и потенциал исследуемого источника, стремясь заново прочитывать возникшие в условиях секуляризации, формирования наций и все большей доминирующей роли государства эмблематы конца Раннего Нового времени — начала Нового времени.

Список литературы

1. Кибовский А.В. Историко-предметный метод атрибуции произведений портретной живописи России XVIII — 1-й половины XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

2. *Косолапов Б. А.* Некоторые примеры использования историко-предметного метода при исследовании портретов // Геральдика. Материалы и исследования : сб. науч. тр. Л., 1983. С. 91 – 95.

3. *РГВИА.* Ф. 440. Оп. 1. Д. 295.

4. *Angelucci L.* Musée du Louvre. Département des arts graphiques. Inventaire général des dessins. École française. Antoine Jean Gros (1771 – 1835). P., 2019.

5. *Anonyme.* Portrait en miniature du général Bard (peinture sur ivoire, 0,07×0,07 m) // Paris, musée du Louvre, D.A.G., Fonds : Miniatures et Enluminures ; N° d'inventaire : RF29399-recto.

6. *Anonyme.* Portrait d'un général de brigade, vers 1800, 1803 – 1804 (huile sur toile; 73×58 m) // Musée Carnavalet, Histoire de Paris, Fonds : Peintures ; N° d'inventaire: P745.

7. *Bertaud J.-P.* La Révolution armée : les soldats-citoyens et la Révolution française. P., 1979.

8. *Berthaut H.-M.-A.* Les ingénieurs-géographes militaires, 1624 – 1831 : Étude historique. P., 1902. T. 1.

9. *Bertier de Sauvigny G. de.* La France et les Français vus par les voyageurs américains. P., 1985. T. 2.

10. *Bodinier G.* Les gardes du corps de Louis XVI: étude institutionnelle, sociale et politique, dictionnaire biographique / préf. de Jean Chagnot. Versailles, 2005.

11. *Boudriot J.* Marine royale XVIIe – XVIIIe siècles: uniformes, équipements, armement / études uniformologiques et ill. de Michel Pétard. P., 2003.

12. *Brem A.-M. de.* Louis Hersent: peintre d'histoire et portraitiste. Catalogue (Paris, Maison de la vie romantique, 29 septembre 1993 – 9 janvier 1994). P., 1993.

13. *Bucher E., Hofstetter B.* Französische Miniaturen 1770 – 1880: aus der Sammlung E.P.S. Darmstadt, 2001.

14. *Capra C., Della Peruta F., Mazzocca F.* Napoleone e la Repubblica italiana (1802 – 1805): (mostra, Rotonda di via Besana, Milano, 11 novembre 2002 – 28 febbraio 2003). Milano, 2003.

15. *Clerget C.* Tableaux des armées françaises pendant les guerres de la Révolution. P., 1905.

16. *Colli Ricci, Louis, Léonard, Antoine, Joseph, Gaspard, Venance de* // S.H.D./GR, Sous-série 7 Y^d 369.

17. *Corneo, Giulia (Julie), geb. Grassi (zugeschrieben).* Charles-François Raoul, um 1799/1800 (Aquarell und Gouache auf Elfenbein ; kreisrund : 8,5 cm ; vergoldeter Metallreif) // Sammlung Tansey, Ref. N°.: 10154.

18. *Corneo, Giulia (Julie), geb. Grassi (zugeschrieben).* Claire Raoul, geb. Vaillant, um 1800 (Aquarell und Gouache auf Elfenbein ; kreisrund : 8,4 cm ; vergoldeter Metallreif) // Sammlung Tansey, Ref. N°.: 10153.

19. *Corte de Bonvoisin, dit Courte, Roch, Joseph, Laurent, Hyacinthe* // S.H.D./GR, Sous-série 8 Y^d 918.

20. *Courcelle P.* Les uniformes des généraux français de 1796 à 1798 // Tradition magazine. 2000. №162 (Décembre). P. 13 – 15.

21. *Décision* rendue par le Roi, Concernant l'Uniforme des Officiers généraux. Versailles, 1788.

22. *Ducreux, Joseph (1735 – 1802).* Le général Jean Augustin Ernouf; ce portrait est peut-être celui qui a été présenté au salon de 1798 (pastel, 0,62 x 0,51 m) // Paris, musée de l'Armée. Fonds : Dessins ; N° d'inventaire : 05330 ; Ea 71.

23. *Dutertre, André (1753 – 1842).* Louis-Nicolas Davout, 1798 (crayon noir, mis au carreau au crayon noir sur papier, 54×36 cm) // Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon ; Fonds : Dessins ; N° d'inventaire : INV. DESS 929.

24. *Dutertre, André* (1753–1842). Louis-Charles-Antoine Des Aix de Veygoux, dit Desaix, 1798 (fusain, crayon noir, relevé de lavis, d'aquarelle et de gouache bleu et blanc sur papier, 58×41 cm) // Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon ; Fonds : Dessins ; N° d'inventaire : INV. DESS 930.

25. *Dutertre, André* (1753–1842). Jean-Urbain Fugière, 1798 (crayon noir, mis au carreau au crayon noir sur papier, 54 x 36 cm) // Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon ; Fonds : Dessins ; N° d'inventaire : INV. DESS 937.

26. *Etat civil de 1847* (Ollioules) // A.D. du Var, Cote 7 E 94/16.

27. *Ferry J.* Une famille de militaires vosgiens: les Raoul, de Neufchâteau // Actes du 92e Congrès national des sociétés savantes: Strasbourg et Colmar, 1967, Section d'histoire moderne et contemporaine. P., 1970. T. 3. P. 441–449.

28. *Fournier-Sarlovèze R.-J.* Artistes oubliés: Claude Lulier, Sofonisba Anguissola, Pierre de Franqueville, Lebrun et Michel Anguier à Vaux-le-Vicomte, Lampi, Ferdinand de Meÿs, Costa de Beauregard, le général Lejeune, Massimo d'Azeglio. P., 1902.

29. *Foy M.-S.* Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, précédée d'un tableau politique et militaire des puissances belligérantes : en 4 t. / publiés par Mme la comtesse Foy. P., 1827. T. 1.

30. *Gorchkoff D.* Le diable est dans les détails. L'uniforme des commissaires des guerres du Consulat à l'exemple du portrait d'Étienne Michaux // *Napoleonica. La Revue.* 2019. №33. P. 2–24.

31. *Gros, Antoine-Jean* (1771–1835). Le Général Bonaparte au pont d'Arcole, le 17 novembre 1796, 1796 (huile sur toile; 1,3 x 0,94 m) // Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon. Fonds : Peintures ; N° d'inventaire : MV6314.

32. *Grouvel R.-F.-L.* Les corps de troupe de l'émigration française, 1789–1815 : en 3 t. / Illustrations du Baron Louis de Beaufort. P., 1957–1964.

33. *Hennet L.* Le maréchal de Grouchy (1766–1847) (avec une portrait hors texte, communiqué par M. le vicomte de Grouchy) // *Carnet de la Sabretache.* 1909. 2ème série, №203 (Novembre). P. 761–763.

34. *Hersent, Louis* (1777–1860). Le général Louis-Marie Turreau (1756–1816) lors de l'affaire de Gravière (8 prairial, an VIII – 21 mai 1800), vers 1800, 1817 (huile sur toile ; 88×71,5 cm) // Musée Carnavalet, Histoire de Paris, Fonds : Peintures ; N° d'inventaire : P747.

35. *Hofstetter B.* Portraitminiaturen. Museum Liaunig. Wien, 2015.

36. *Ilari V., Shàma D., Del Monte D. et al.* Dizionario biografico dell'Armata Sarda con la storia dell'Ordine Militare di Savoia e l'elenco dei primi decorati: seimila biografie (1799–1821). Inverio (Novara), 2008.

37. *Journal militaire: journal.* Part. II. P., 1791.

38. *Lejeune, Louis-François* (1775–1848). La Bataille de Marengo, 14 juin 1800, An IX (huile sur toile, 1,8×2,5 m) // Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon, Fonds : Peintures ; N° d'inventaire : MV6857.

39. *Lemoine-Bouchard N.* Les peintres en miniature: actifs en France, 1650–1850. P., 2008.

40. *Le général en chef* Rossignol signale au général Duhoux un problème d'habillement du 11e Régiment de hussards dont les couleurs se confondent avec celles des brigands, il faut en changer (copie), le 10 septembre 1793, [60] // S.H.D./GR, Sous-série B⁵ 6.

41. *L'Empire à Fontainebleau* : (manuscrits, livres, dessins, tableaux, souvenirs historiques, mobilier, objets d'art...) : vente, hôtel des ventes, Fontainebleau, le 1er juillet 2018 / Osenat Fontainebleau ; commissaires-priseurs, Mes Jean-Pierre Osenat et Jean-Claude Dey, assitant Arnaud de Gouvion de Saint-Cyr. Fontainebleau, 2018.

42. *Le représentant du Peuple* Cavaignac affirme au général de division Desdorides que des officiers portent encore l'habit blanc; ils ont jusqu'au 10 août pour changer de couleur, sinon ils seront destitués (copie du XIXe siècle), le 3 août 1793, [63] // S.H.D./GR, Sous-série B⁵ 14.

43. *Les Dangers d'un amour illicite, ou le Mariage mal assorti. Histoire véritable / Par M. le comte de C***. Londres ; et se trouve à Paris, chez Gattey, M. DCC. LXXXVIII—M. DCC. LXXXIX. Part. 1—2.*

44. *Lesueur, Jean-Baptiste (1749 — après 1826). Fuite d'Antoine-Joseph Santerre après sa défaite de Vihiers contre les armées vendéennes, le 10 juillet 1793, vers 1807 (gouache, 36×53,5 cm) // Musée Carnavalet, Histoire de Paris, Fonds : Arts graphiques ; N° d'inventaire : D.9078.*

45. *Lettre de Hoche à Grouchy, le 14 brumaire an 4 (copie), [83] // S.H.D./GR, Sous-série B⁵ 12.*

46. *Lettre de Hoche à Grouchy, le 21 brumaire an 4 (copie), [89] // S.H.D./GR, Sous-série B⁵ 12.*

47. *Miniaturen der Zeit Napoleons aus der Sammlung Tansey. Persönliche Porträts aus der Epoche des großen Strategen Napoleon Bonaparte. Celle ; München, 2020.*

48. *Ordre du général de Hoche sur la destitution par le gouvernement du général Raoul pour n'avoir pas réprimé le pillage, le 13 brumaire an 4 (copie), [82] // S.H.D./GR, Sous-série B⁵ 12.*

49. *Osenat: l'Empire à Fontainebleau : vente, Fontainebleau, Hôtel des ventes, Samedi 7 & Dimanche 8 décembre 2019 / Osenat Paris Fontainebleau ; commissaires-priseurs Jean-Pierre Osenat, Jean-Christophe Chataignier. Fontainebleau, 2019.*

50. *Pétard M. Maréchal de camp 1775 // Tradition Magazine. 1992. №70 (Novembre). P. 35—39 ; 1992. №71 (Décembre). P. 12—16.*

51. *Pétard M. Les officiers généraux de la monarchie et leur tenue uniforme // Tradition Magazine. 1998. №136 (Juillet/Août). P. 5—12.*

52. *Pigeard A. Les étoiles de Napoléon. P., 1996.*

53. *Pons de l'Hérault A. Mémoire de Pons de l'Hérault aux puissances alliées / publié pour la Société d'histoire contemporaine par Léon-G. Pélissier. P., 1899.*

54. *Pons de l'Hérault A. Napoléon, empereur de l'Île d'Elbe : souvenirs et anecdotes de Pons de l'Hérault / édition présentée et annotée par Christophe Bourachot. P., 2005.*

55. *Porte-étandard de l'infanterie, dessiné et annoté par Jacques-Louis David, joint à un rapport du ministre de la Guerre de janvier 1812. S. d. [1812] (encre noire et lavis polychrome sur papier, 32,8×18,5 cm, signature : L. David f.) // C.A.R.A.N./AF/IV/1164/267.*

56. *Recueil des loix de la République française, et des actes des autorités constituées, depuis le Régime constitutionnel de l'an VIII... : en 18 t. Bruxelles, s.a. T. 3.*

57. *Règlement arrêté par le Roi pour l'habillement et l'équipement de ses troupes. Du 1.er octobre 1786. P., 1786.*

58. *Règlement concernant les uniformes des généraux et officiers des états-majors des armées de la République française [du 20 thermidor an VI]. Paris, an VI = 1798. 16 p.-XII p. de pl. gr.*

59. *Règlement concernant les uniformes des généraux et officiers des états-majors des armées de la République française du 27 messidor an VIII [Document manuscrit] // S.H.D., bibliothèque, BG, A 1 J 24.*

60. *Règlement sur l'uniforme des Généraux, des Officiers des Etats-majors des armées et des places, des Officiers du corps du Génie, des Inspecteurs aux revues, des commissaires des guerres, des Officiers réformés, des Officiers jouissant de la solde de retraite, des Officiers de santé, et des Membres de l'administration des Hôpitaux militaires. Du 1.er Vendémiaire an XII. Paris : Imprimerie de la République, Vendémiaire an XII = 1803. 48 p.; fig., planches.*

61. *Raoul, Charles, François // S.H.D./GR, Sous-série 8 Y^d 471.*

62. *Roize, Claude // S.H.D./GR, Sous-série 8 Y^d 900.*

63. *Schidlof L. R.* La miniature en Europe aux XVIe, XVIIe, XVIIIe et XIXe siècles : en 2 t. Graz, 1964. Т. 1.

64. *Six G.* Dictionnaire biographique des Généraux & Amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792–1814) : en 2 t. P., 1934.

65. *Six G.* Les généraux de la Révolution et de l'Empire. Étude. P., 2002.

66. *Wilde F. G., de.* De uniformen van het Nederlandse leger ten tijde van de Bataafse Republiek en het Koninkrijk Holland 1795–1810. Amsterdam, 1999.

Список сокращений

РГВИА — Российский военно-исторический архив.

A. D. du Var — Archives départementales du Var.

C. A. R. A. N. — Centre d'accueil et de recherche des Archives nationales.

S. H. D. — Service Historique de la Défense.

49

Об авторе

Дмитрий Игоревич Горшков — канд. ист. наук, Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина (Захарово — Вязёмы), Россия.

E-mail: le84e-regiment@mail.ru

The author

Dr Dmitrij I. Gorshkov, Pushkin's state historico-literary memorial estate, Russia.

E-mail: le84e-regiment@mail.ru

В. В. Сергеев, С. О. Сироткин

РАСКОЛ АБОЛИЦИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В США И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЭНДЕЛЛА ФИЛЛИПСА В ГОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЮГА

50

Статья посвящена одной из центральных фигур abolitionистского движения в США Уэнделлу Филлипсу. Освещается его роль в организации abolitionистской борьбы в период Реконструкции Юга. Характеризуется позиция Филлипса в ходе раскола движения 1865 г.: внутриорганизационная борьба с курсом У.Л. Гаррисона и аргументация в пользу сохранения abolitionистской организации для решения негритянского вопроса как центрального в процессе восстановления единства Союза. Рассматривается реконструкционная программа Филлипса. Освещается его деятельность как лидера движения с 1865 по 1870 г.

This article focuses on one of the main persons of the abolition movement, Wendell Phillips. The author studies Phillips' role in abolition struggle during the Reconstruction. The author describes Phillips' position the schism in the abolitionist movement in 1865. The author characterizes Phillips' position in the internal struggle with W.L. Garrison. The author examines Phillips' argument in favor of preserving the abolitionist organization for the introduction of the black issue as central in the process of restoring the unity of the Union. The author expounds Phillips' reconstruction program and his struggle as a leader of the movement from 1865 to 1870.

Ключевые слова: abolitionистское движение, Уэнделл Филлипс, негритянский вопрос, Реконструкция Юга, США

Keywords: abolition movement, Wendell Phillips, the black issue, Reconstruction, the United States of America

Реконструкция Юга 1865–1877 гг. как завершающий этап Второй американской революции была призвана закрепить и расширить революционные преобразования, начатые в годы Гражданской войны, и в первую очередь обеспечить решение негритянского вопроса. Главными поборниками равноправия для чернокожих американцев выступали abolitionисты, более тридцати лет борющиеся за ликвидацию позорного института в США. В данной статье рассматривается состояние abolitionистского движения в годы Реконструкции и роль одного из его лидеров Уэнделла Филлипса.

После появления в сентябре 1862 г. Прокламации А. Линкольна об освобождении рабов в рядах abolitionистов развернулись ожесточенные споры о дальнейших действиях. Позицию меньшинства возглавлял Уильям Ллойд Гаррисон. Основатель движения и один из наиболее авторитетных его лидеров, он исходил из того, что историческая миссия abolitionизма — обеспечение личной свободы рабов — оказалась выполнена. Следовательно, abolitionистское движение исчерпало себя, и

«было бы абсурдом поддерживать его существование теперь» [4, р. 158]. Этот вывод Гаррисон мотивировал еще и тем, что в общественном мнении США по негритянскому вопросу, как ему казалось, произошел важный сдвиг, «аболиционизм охватил всю нацию», и теперь можно «распустить организацию и объединиться с миллионами соотечественников в одном общем стремлении народа установить справедливость и свободу по всей стране» [4, р. 160–161].

Многие соратники Гаррисона восприняли его призыв к самоустрашению аболиционистов от активного участия в делах Реконструкции как оппортунистский, и первым среди них оказался Уэнделл Филлипс. Он считал, что аболиционистская борьба только подошла к своему важнейшему рубежу. По его убеждению, план освобождения рабов без надления их реальными правами означал лишь «фиктивную свободу», которая не соответствовала реальному социально-политическому содержанию понятия «свободы» и имела потенциальную опасность для решения негритянского вопроса в целом.

У. Филлипс более расширительно и радикально, чем Гаррисон, интерпретировал фундаментальные принципы аболиционистского движения. Ссылаясь на его программные документы (Декларация чувств и Конституция Американского антирабовладельческого общества — ААО), составленные еще в 1833 г., он доказывал, что целью аболиционизма была не только отмена рабства, но и «абсолютное равенство цветной расы» [5, №21, р. 1–2]. Кроме того, Филлипс выделял еще одну важную задачу аболиционистского движения — «искоренение предрассудков двадцати миллионов белых людей», видя в этом единственно верное средство решения расового вопроса [13, р. 87].

Рассуждения Гаррисона о победе аболиционистских идей среди населения США его оппонент считал наивными и преждевременными. Признавая факт распространения расовой лояльности северной общечественности, Филлипс в то же время понимал ее краткосрочный, ситуационный характер. Нация, по его убеждению, нуждалась «в постоянной и осуждающей критике от аболиционистов так же, как и прежде» [5, №7, р. 2]. На ежегодном собрании ААО в 1867 г., подводя промежуточные итоги двух лет Реконструкции, он констатировал, что северяне массово поддерживали политическое равенство негров только из желания установить свою победу над Югом, но идея «абсолютного равенства чернокожих» так и не нашла места «в американской жизни» [10, р. 1]. И позже, в 1869 г., Филлипс вновь отмечал, что «предубеждение против цветного человека все еще живет в крови белой расы... и мы, вероятно, никогда не доживем до того, чтобы увидеть обратное» [11, №3, р. 1; №4, р. 1].

Не разделял У. Филлипс и надежды Гаррисона на действующую власть. Ее радикальные меры (призыв негров в армию, Прокламация об освобождении рабов, подготовка тринадцатой поправки к Конституции США) он связывал прежде всего с военной необходимостью. Не следовало, по его мнению, ждать от Республиканской партии, которая

на две трети была озабочена только собственной властью, обеспечения чернокожим достойного места в процессе восстановления Союза [5, №6, р. 1; 7, р. 1].

Такая логика рассуждений приводила Филлипса к совершенно противоположному, в отличие от Гаррисона, выводу: распустить организацию сейчас означает совершить ошибку многих революций – «доверить руководство восстанием тем, кто не принимал участия в его подготовке». «Аболиционисты должны действовать сейчас... требуя для негра настоящей свободы...», – призывал Филлипс соратников по борьбе на митинге Массачусетского антирабовладельческого общества в последние месяцы Гражданской войны [5, №7, р. 2]. Он видел необходимость сохранения аболиционистской организации именно для активного участия в борьбе за восстановление США в ходе Реконструкции, революционное значение которой для американской истории и борьбы за негритянский вопрос, в частности, Филипс смог оценить верно уже к 1865 г.

Не было никаких оснований, по его мнению, вслед за Гаррисоном полагать, что отмена рабства открыла дорогу для поступательного уравнивания негров в гражданских и политических правах. Этот вопрос требовалось форсировать сейчас, пока южный оплот угнетения чернокожих находился в подчинении победившего Севера, а народные массы были в состоянии духовного подъема. Впоследствии, как и после любых «великих социальных потрясений», предупреждал Филлипс, нация вернется к «рутинной материальной жизни», и Америка вновь «наложит запрет на уста любого человека, выступающего за перемены». «Чего мы стоим», – спрашивал он колеблющихся аболиционистов, – «если, посвятив тридцать лет изучению одного вопроса... в самый разгар этого вопроса мы сложим руки?» [5, №7, р. 2].

Идейное противостояние двух течений в аболиционизме завершилось убедительной победой Филлипса. На 32-м ежегодном съезде ААО в мае 1865 г. Гаррисон предложил принять резолюцию о роспуске ААО, но проиграл голосование – 48 на 118 голосов [5, №21, р. 1–2]. С частью соратников он вышел из организации, переключившись на миссионерскую деятельность. В результате раскол окончательно произошел, теперь руководящая роль в аболиционистском движении перешла к Уэнделлу Филлипсу.

«Мы не собираемся оставлять негра у подножья лестницы!» – декларировал новый лидер движения в 1866 г. «Мы намерены провести тщательно разработанную Реконструкцию, пока негр не встанет в полный рост наравне с белой расой» [9, №30, р. 2]. Первоочередной мерой Филлипс считал создание надежной политической основы для решения негритянского вопроса. Двадцатилетний лозунг ААО «Никакого союза с рабовладельцами!» теперь сменился на новый – «Никакой реконструкции без избирательного права негров!» [8, р. 2]. «Я не верю в свободу», – говорил Филлипс, – «которая доверяет благополучие зависимого класса воле высшего класса... свобода нереальна, пока она не дает в руки человека власть самому защищать свои собственные права» [5, №6, р. 1].

В то же время возглавляемые Филлипсом аболиционисты не ограничивались политическим, «первичным условием англосаксонской свободы», дополняя свою программу Реконструкции Юга требованиями социально-экономического характера. Наиболее лаконично конкретные обязательства федерального правительства по отношению к получившим свободу четырем миллионам рабов были изложены в его эссе «Требования негра», опубликованном в 1870 г. «Каждая негритянская семья должна претендовать на сорок акров земли, годовую (финансовую. — С. О.) поддержку, коттедж, мула и сельскохозяйственный инструмент, а также на бесплатное школьное образование» (цит. по: [2, р. 106]). Осуществление этих мер создавало перспективу «насадить на Юге элементы, которые создадут другое общество». Такими элементами радикальный лидер аболиционизма считал экономически независимых негритянских фермеров [9, №31, р. 2]. По сути, речь шла о социальной революции в южных штатах. Филлипс призывал нацию совершить «революционное усилие», уничтожить «идеальный Юг: его рабство, его отсутствие школ, его отрицание Библии...» [9, №2, р. 2]. В противовес Гаррисону, который считал, что федеральное правительство не должно нарушать права штатов и навязывать южанам конституционные поправки, Филлипс признавал революционное право северянина «топтать каблуками своих сапог этот Юг» [9, №2, р. 2].

Твердое намерение аболиционистов сыграть действенную роль в Реконструкции, однако, ясно диссонировало с тем, что американский историк Д. Стюарт небезосновательно назвал собственноручно созданной «религией» [15, р. 57–58], а отечественный американист М. Н. Захарова охарактеризовала как признак обыкновенного «сектантства» [1, с. 116]. Аболиционистская реформаторская философия, отражавшая крайне идеалистическую натуру участников движения, строилась на строгом принципализме и догматизме. Ведущее значение имело убеждение в том, что расовый вопрос не должен становится предметом политической реформы. Максима была обратной — вычеркнуть понятие расы из американской политики вообще, совершив морально-нравственный переворот в мировоззрении американцев. На этой почве аболиционисты находились в глубокой, и для них самих — «почетной», изоляции по отношению к любым антирабовладельческим силам, даже радикально настроенными. Отдельное место в аболиционистском кредо занимала бескомпромиссность (реальная, а не лозунговая) как принцип агитации — в ее характере и охвате проблематики, и как принцип выстраивания траектории борьбы — в неизменном соответствии своим идеалам и установками без учета изменчивости социально-политической ситуации.

Все перечисленное было удовлетворительно для движения в качестве стратегии на протяжении более двадцати довоенных лет. Парадоксальность ситуации, возникшей к 1865 г., для аболиционистов заключалась в том, что теперь, когда успех в решении негритянского вопроса впервые стал реальной перспективой, ярким идеалистам предстояло окунуться в реалии политического процесса, вести борьбу в его конь-

юнктуре, нести прямую ответственность за результат — действовать тактически. Состоявшийся на этом фоне крах аболиционистской идеологии в годы Реконструкции является отдельным объемным вопросом, который заслуживает специального рассмотрения. Очевидно одно, что это был болезненный, но осознаваемый процесс, зачастую проводимый твердой рукой самого У. Филлипса.

Весьма заметным в годы Реконструкции, например, было сужение спектра аболиционистской агитации по принципу приоритетности общественно актуальных проблем. Хотя Филлипс был одним из самых видных суфражистов в США, в ответ на призыв феминистского крыла (С. Энтони, Э. Стэнтон и др.) расширить реконструкционную программу до требования всеобщего избирательного права — то есть права голоса и для женщин, он дал категорический отказ. В 1866 г. Филлипс наложил вето на организационное финансирование на нужды феминистской агитации. «Этот час принадлежит негру», — повторял Филлипс, призывая соратников поступиться своим бескомпромиссным духом и не подвергать лишнему риску главную задачу [16, р. 281 — 283].

Проявлением ранее не свойственного политического прагматизма аболиционистов также стало сближение с левым крылом Республиканской партии для противодействия компромиссному по отношению к южанам курсу нового президента Эндрю Джонсона. «Я буду работать с вашей сворой», — писал У. Филлипс лидеру радикальных республиканцев Чарльзу Самнеру, — «чтобы сформировать общественное мнение для контроля за законодательными действиями в ходе реконструкции» [16, р. 250]. Сотрудничество не афишировалось обеими сторонами и координировалось посредством личных контактов Филлипса с лидерами радикальных республиканцев. Пока Республиканская партия в Конгрессе пыталась установить свой контроль над ходом Реконструкции, Филлипс брал на себя обязательство обеспечивать ей общественную поддержку.

Трибун с тридцатилетним стажем, один из самых востребованных ораторов, чьи речи вмиг распространялись прессой по всей стране, Филлипс сумел найти подход к американцам, только что пережившим самую кровопролитную и разрушительную войну в своей истории. Он обличал политику Джонсона, называл ее «предательской», убеждал аудиторию, что возвращение мятежных штатов в Союз без подрыва социально-экономической основы их правящего класса означает восстановление старой «аристократии... правившей страной с 1787 г.». «Вспомните Францию 1848 г., свергнувшую короля, но получившую императора», — обращался Филлипс к гражданам в своей речи «Юг победоносный» [9, №2, р. 2]. Своей яростной критикой президента-«мятежника» он не только склонял американское общественное мнение на сторону Конгресса, возглавляемого радикальными республиканцами, но и, что важно отметить, оказывал давление на самих конгрессменов в пользу восприятия лозунга «Земля, право голоса и образование» для негра [9, №6, р. 2].

На выборах в Конгресс 1866 г. радикальные республиканцы не без помощи аболиционистов получили большинство и взяли под свой контроль ход Реконструкции. Выдвинутый ими проект Четырнадцатой поправки к конституции страны, лишь косвенно гарантировавшей бывшим рабам избирательное право, а также отсутствие в их программе социально-экономических требований по отношению к мятежным штатам выявили существенное расхождение «конгрессовской реконструкции» с целями Филлипса и его сторонников.

Политическая ситуация изменилась, и теперь перед аболиционистами встала задача изменения тактики дальнейших действий и, в частности, корректировки отношений с Республиканской партией. В ходе развернувшихся среди аболиционистов обсуждений проявлялись колебания в амплитуде от полного отказа ее дальнейшей поддержки до продолжения сотрудничества. «Я не могу советовать вам отстраниться от Республиканской партии. Я не знаю, куда вам еще пойти», — признался Филлипс в июле 1866 г. [9, №19, р. 1]. Эти колебания отражали стремление аболиционистского движения сохранить свою реформаторскую идентичность. В конечном счете вынужденные смириться с решающей ролью республиканцев в делах Реконструкции аболиционисты определили для себя функцию «балансира и великого контроля» по отношению к их действиям [10, р. 1]. Избранная «золотая», но априори пораженческая для аболиционистской идеологии середина состояла в том, чтобы сохранять ставку на республиканский Конгресс и «если уж не получить [от него] все, то получить как можно больше». «Я хочу лишь того, что если мы продадимся, то продадимся по лучшей цене» — говорил Филлипс на этот счет [10, р. 1].

Лидер радикальных аболиционистов продолжал публичные выступления, обрушиваясь на «бездеятельный Конгресс» во главе с «двоедушными, уклончивыми, беспринципными и помешанными на своей должности политиками» в надежде подтолкнуть их к более решительным действиям в пользу чернокожего населения южных штатов. В определенной мере такая тактика срабатывала. Общественность отмечала, что многие требования Филлипса (как, например, призыв к импичменту Э. Джонсона и введение военной диктатуры в мятежных штатах) воспринимались радикальными конгрессменами. «Там, где находился Филлипс пару месяцев назад, радикалы стоят сегодня. Где он находится сегодня, несомненно, они будут стоять через несколько месяцев», — отметила умеренная «Нью-Йорк Дэйли Ньюс» в конце 1866 г. «Нью-Йорк Ворлд» высказалась категоричнее: «Республиканская партия не любит Уэнделла Филлипса, потому что он ее настоящий хозяин... который подстегивает и призывает ее двигаться вперед» (цит. по: [14, р. 546]).

Американский историк Д. Макферсон, подробно исследовав взаимоотношения между аболиционистами и левыми республиканцами в годы Реконструкции, пришел к выводу, что Филлипс оказывал существенное влияние на последних, предопределяя многие их политические шаги как на уровне личного взаимодействия, так и в форме организации общественного давления на них [6, р. 650—653].

И все же аболиционисты так и не смогли добиться от республиканцев «абсолютной справедливости» для чернокожих. Во время президентских выборов 1868 г. Филлипс впервые сделал публичное заявление о том, что его реконструкционная программа — «земля, право голоса и образование», вероятно, не будет выполнена в полном объеме республиканским Конгрессом, «столь уклончивым, беспринципным и подлым» [4, р. 310—311]. Тем не менее, опасаясь усиления демократов и расистских настроений в обществе, он призвал своих единомышленников поддержать республиканского кандидата на президентских выборах 1868 г., поскольку «голосование за Гранта означало введение избирательного права» для негров (на этот момент республиканцы уже согласились с необходимостью Пятнадцатой поправки) [16, р. 290—291]. Фактически, это был акт идеологического отречения от аболиционистских принципов — Филлипс стал политическим соглашателем, против чего выступал всю свою жизнь. Когда была принята Пятнадцатая поправка, даровавшая чернокожим избирательное право, Филлипс заявил, что именно она станет главным достижением Американского антирабовладельческого общества [11, №3, р. 1].

Сопоставление аболиционистских целей в Реконструкции Юга и ее результатов позволяет признать ее незавершенность. В 1870 г. У. Филлипс мог справедливо ликовать по поводу того, что вчерашний раб получил избирательное право, однако он в полной мере осознавал, что «долгий крестовый поход, на самом деле, не завершен». Негритянскому народу, по его заявлению, еще долго предстояло «бороться в невыгодном положении», оставаясь «жертвой жестоких предрассудков, лишения гражданских прав и несправедливости» [12, р. 2].

В своей прощальной речи 1870 г. в качестве президента ААО Уэнделл Филлипс, как и всегда, был честен со своими соратниками. «Моя единственная радость сегодня состоит в том, что я могу прочесть первую строчку Декларации независимости в лицо всему миру, не краснея. Но я не читаю ее с национальной гордостью. Я не читаю ее с чувством, что мы возвысились на тот уровень, где бы мы имели право использовать эти слова... Я больше не горжусь именем американца» [12, р. 2].

Реконструкция определила провал великого аболиционистского проекта — искоренения расизма как явления из умов американцев, воспитания нации в духе нетерпимости и отвращения к любой расовой несправедливости. И все же поражение аболиционизма обернулось победой в исторической перспективе. Негритянский народ, хоть и ограниченно, получил доступ в общественно-политическую систему США, что спустя столетие стало основанием для возобновления борьбы чернокожих американцев за свои права. Это, безусловно, является заслугой Уэнделла Филлипса, сумевшего в начале Реконструкции Юга перехватить лидерскую инициативу в аболиционистском движении и организовать растерянных отменой рабства соратников на борьбу за максимально полное и радикальное решение негритянского вопроса.

Список литературы

1. *Захарова М. Н.* Народное движение в США против рабства. 1831 – 1860. М., 1965.
2. *Bartlett I. H.* Wendell Phillips: Brahmin Radical. Boston, 1961.
3. *Finkenbine R. E.* Wendell Phillips and «The Negro's Claim»: A Neglected Reparations Document // Massachusetts Historical Review. Vol. 7. Massachusetts Historical Society, 2005. P. 105 – 119.
4. *Garrison W. P., Garrison F. J.* William Lloyd Garrison: the story of his life told by his children. Boston ; N. Y., 1885. Vol. 4 : 1861 – 1879.
5. *Liberator.* 1865. Vol. 35.
6. *McPherson J. M.* The Struggle for Equality: Abolitionists and the Negro in the Civil War and Reconstruction. New Jersey, 2014.
7. *National Anti-Slavery Standard.* 1863. Vol. 24, №35.
8. *National Anti-Slavery Standard.* 1865. Vol. 26, №3.
9. *National Anti-Slavery Standard.* 1866. Vol. 27.
10. *National Anti-Slavery Standard.* 1867. Vol. 28, №3.
11. *National Anti-Slavery Standard.* 1869. Vol. 30.
12. *National Anti-Slavery Standard.* 1870. Vol. 30, №50.
13. *Phillips W.* Speeches, lectures, and letters. Boston, 1863.
14. *Sherwin O.* Prophet of Liberty: The Life and Times of Wendell Phillips. N. Y., 1958.
15. *Stewart J. B.* Holy warriors: the abolitionists and American slavery. N. Y., 1976.
16. *Stewart J. B.* Wendell Phillips, liberty's hero. Baton Rouge, 1986.

Об авторе

Виктор Владимирович Сергеев – д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

Станислав Олегович Сироткин – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Ssirotkin444548@gmail.com

The author

Prof. Viktor V. Sergeev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

Stanislav O. Sirotkin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Ssirotkin444548@gmail.com

В. А. Шубина

**СТАНОВЛЕНИЕ ЗАПАДНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ВОКРУГ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»
В ПЕРЕПИСКЕ МЕЖДУ А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМ И А. Н. ПЫПИНЫМ**

58

Статья посвящена обширной коллекции из 46 писем от А. Н. Веселовского к А. Н. Пыпину, обнаруженных в РО ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербурге), и 47 писем от Пыпина к Веселовскому, обнаруженных в ОР РГБ (Москва). Изучение эпистолярного наследия известного московского литературоведа А. Н. Веселовского ранее не проводилось. На материале его переписки с историком литературы и академиком А. Н. Пыпиным предприняты попытки сформировать представление о научно-литературном круге филологов, их личных и деловых взаимоотношениях, установить, какую роль сыграли ученые в популяризации идей западничества в конце XIX в., а также осветить их публицистическую деятельность в период сотрудничества с либеральным журналом «Вестник Европы». Автор склонен полагать, что идеи Пыпина повлияли на формирование личности Веселовского как ученого и делает вывод о ценности данной переписки не только как важного автобиографического памятника Алексея Веселовского, но и как документа эпохи конца XIX – начала XX в.

This article examines an extensive collection of 46 letters sent by Alexey N. Veselovsky to Alexander N. Pypin (found in IRL RAS (Saint Petersburg)) and 47 letters of Alexander N. Pypin to Alexey N. Veselovsky (found in RSL (Moscow)). The epistolary heritage of the famous Moscow literary critic Alexey N. Veselovsky has not yet been studied. Using the materials of his epistolary exchange with the literary historian and academician Alexander N. Pypin we have outlined this scientific and literary circle of philologists along with their personal and business relationships, better defined their input in popularizing the ideas of Westernism at the end of the 19th century, and also described their journalistic activities during the period of cooperation with a liberal journal "Herald of Europe". The author believes that Pypin's ideas influenced development of Veselovsky as a scientist. This correspondence appears to be highly valuable both as an important record of Alexey Veselovsky's autobiography and the whole epoch of the end of the 19th – the early 20th century.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, публицистика, Алексей Веселовский, Александр Пыпин, «Вестник Европы», западничество, либерализм

Keywords: epistolary heritage, journalism, Alexey N. Veselovsky, Alexander N. Pypin, Herald of Europe, Westernism, liberalism

Александр Николаевич Пыпин (1833 – 1904) был крупнейшим представителем культурно-исторической школы, преваляровавшей во второй половине XIX в. в академическом литературоведении Российской империи. Он наиболее последовательно выражал принципы культурно-исторического метода, поэтому само направление в России имено-

валось «пыпинианством». Его научно-литературное наследие огромно: за 50 лет активной деятельности он создал около 1200 трудов по фольклористике, палеографии, истории России, истории религии и общественной мысли, истории древней и новой русской литературы, методологии литературоведения.

Взгляды Пыпина формировались в демократической среде. Его двоюродным братом по матери был Н.Г. Чернышевский, чьи идеи академик перенял и усвоил еще в студенческие годы. Также Пыпин близко общался с Н.А. Некрасовым, состоял в переписке с М.Е. Салтыковым-Щедриным.

Алексей Николаевич Веселовский (1843–1918), будучи не только исследователем, но и педагогом, в своих работах опирался на достижения современных ему научных школ. По словам В.А. Гордлевского, А.Н. Веселовский был разносторонне образованным и воспитанным человеком, что свидетельствовало о прочных унаследованных традициях [15, с. 171]. В своей деятельности он стремился развить главные способы анализа литературного процесса, которые были разработаны к началу 1860-х гг. Методы культурно-исторической школы Веселовский дополнял сравнительно-историческими приемами, знал все методологические изыскания своего времени, смело ставил задачи на широчайшее сопоставление различных культурных процессов. Ученый работал над исследованием связей литературы, истории и культуры: он изучал историю взаимодействий социально-политических доктрин, развития западноевропейских народов и национальных литератур. Его интересы были сконцентрированы на понимании причинно-следственных связей взаимовлияния культур разных народов друг на друга [21, с. 280].

Личное знакомство между Веселовским и Пыпиным произошло в 1875 г. Об этом событии Веселовский писал так: «Сосватал нас Грибоедов; ранние работы о нем¹, речь в Обществе любителей российской словесности² (далее – ОЛРС. – В. Ш.), статья в “Русском Архиве” о первоначальной истории “Горя от ума” с новыми вариантами комедии³, наконец, редакция тома “Русской библиотеки” Стасюлевича, посвященного Грибоедову, с биографическим очерком его⁴, возбудили внимание Александра Николаевича. Помнится, осенью 1875 г. неожиданно появились у меня в Москве два соредатора “Вестника Европы”, Стасюлевич и Пыпин» [3, л. 1].

Впоследствии эта встреча переросла в 30-летнюю дружбу, которой каждый дорожил особо. Несмотря на то что ученых разделяло про-

¹ Возможно, речь идет об очерке «Грибоедов», включенном позднее в «Этюды и характеристики». См.: [8; 11].

² Общество любителей российской словесности при Московском университете – литературно-научное общество (1811–1930).

³ *Веселовский А.Н.* Мертвые души: Из этюда о Гоголе // Вестник Европы. 1891. №3. С. 68–102.

⁴ *Веселовский А.Н.* Александр Сергеевич Грибоедов. Биографический очерк // Русская библиотека. СПб., 1875. Т. 5. С. 3–72.

странство — Веселовский жил в Москве, а Пыпин — в Петербурге, они часто шутили, что «для них не было Пиренеев», и называли свою дружбу «романом в письмах» [2, л. 2].

Общение с Пыпиным сыграло важную роль в становлении и развитии Веселовского как ученого, публициста и гражданина. В Пыпине он видел наставника не только из-за разницы в возрасте, но и в силу его широко признанного авторитета в науке. Пыпин к этому времени уже был выдающимся ученым. Он начал свою научную деятельность в области истории литературы в 1853 г., и с самого начала его труды отличались предельным вниманием к историческим реалиям. Пыпин был убежден, что литература и жизнь глубоко связаны, понимал художественное произведение как памятник определенной эпохи, считал его фактом культурно-исторического развития, отражающим время своего создания [21, с. 112].

Темы, поднятые учеными в переписке, носят разнообразный характер. Так, например, ими были обсуждены похороны И. С. Тургенева в 1883 г., работа Веселовского в ОЛРС, впечатления от общения с Л. Н. Толстым в 1884 г., а также сотрудничество двух ученых с представителями русской либеральной интеллигенции 1870—1890-х гг.: с главным редактором «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем, исследователем истории русской литературы Л. Н. Майковым, хорватским филологом-славистом И. В. Ягичем, поэтом и сатириком А. М. Жемчужниковым, археологом и этнографом А. А. Котляревским и многими другими. В статье мы рассмотрим несколько важнейших аспектов их переписки: совместную деятельность ученых в журнале «Вестник Европы» и общность их взглядов на проблемы компаративистики.

Журнал «Вестник Европы» начал издаваться под редакцией Михаила Матвеевича Стасюлевича с 1866 г. и просуществовал под его бесменным главенством 52 года. Изначально цель периодического издания была в том, чтобы служить постоянным органом для ознакомления тех, кто пожелал бы следить за успехами историко-политических наук, за каждым новым и важным явлением в современной для читателя литературе. Далее добавлялось: «...журнал имеет в виду сделаться со временем и для отечественных ученых специалистов местом для обмена мыслей и для сообщения публике своих отдельных трудов по частным вопросам, интересным для науки и полезным для живой действительности, но развитие которых не могло бы образовать из себя целой книги» (цит. по: [18, с. 120]).

После возникших с типографией проблем и долгов М. М. Стасюлевич принял решение расширить поле деятельности журнала. Он добавляет в 1867 г. отдел «юридической хроники», чтобы помещать туда разборы судебных решений [18, с. 123]. Программа журнала приобретает общественно-политическую окраску, но при этом сохраняется его прежняя историческая направленность. Впоследствии «Вестник Европы» станет главным органом либеральной оппозиции, превратится в прибежище интеллигентов, изо всех сил старавшихся сохранить реформаторские преобразования 60-х и 70-х гг. XIX в. [18, с. 124].

Либеральная направленность журнала определяется в главной мере взглядами самого Михаила Матвеевича Стасюлевича. Как писал венгерский исследователь Иштван Цевек в статье «Либеральный мыслитель во время реформ в России», Стасюлевич был яростным защитником формирования конституционного общества, устроенного по английскому образцу, боролся за базовые гражданские права и свободы [17, с. 9]. Коллектив издательства был соответствующим: к Стасюлевичу присоединились ученые и публицисты свободолобивых взглядов. Это были А.Н. Пыпин, А.Ф. Кони, В.Я. Стоюнин, Е.И. Утин, Я.З. Слонимский, К.К. Арсеньев, а также К.Д. Кавелин, ставший одним из основоположников теории либерализма в России.

Реформы Александра II, а точнее, их реализация на практике, подверглись существенному критическому анализу со стороны работников журнала. На такое «бестактное» поведение публицистов не замедлила отреагировать цензура. Придирки осуществлялись, в частности, в отношении художественных произведений, публиковавшихся среди политически направленных статей и приобретающих соответствующую окраску. В 1871 г. Министерство внутренних дел вынесло журналу первое предупреждение за статью К. Арсеньева, в 1873 г. последовало второе предупреждение, на этот раз из-за статьи Пыпина «Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов», в которой тот оправдывал петрашевцев.

При Александре III, авторе политики контрреформ, положение журнала усугубилось, попытки освободиться от цензурного давления не увенчались успехом. «“Вестник Европы”... активно вел полемику с реакционными органами печати» [17, с. 4].

Авторами журнальных статей была даже сформулирована программа, опирающаяся на либеральные ценности: «Внутреннее благосостояние нашей страны, способствование развитию народного довольства, материального и умственного, разумная экономия для облегчения доли нашего крестьянского сословия, несущего на себе тяжелые повинности, развитие общественного контрольного участия в наших общих делах; осуществление благоприятных условий общественной инициативы; расширение возможностей и путей для более широкого обмена продуктов и мыслей между всеми частями широко раскинувшегося населения; удовлетворение всем справедливым требованиям своеобразности отдельных частей империи» (цит. по: [20, с. 79]). Такая идеология, стремившаяся к синтезу экономического и политического либерализма, была названа В.Ф. Пустарнаковым «буржуазным либерализмом» [26, с. 179].

По мнению Г.М. Гамбурга, русский либерализм вырос из умеренного западничества (см.: [26, с. 184]). Как недвусмысленно указывает название периодического издания, контент «Вестника Европы» был по большей мере ориентирован на западную модель развития. Так, М.М. Стасюлевич неоднократно в своих публичных университетских выступлениях говорил об «общности исторического развития России и

Западной Европы» (цит. по: [17, с. 18]), такого же мнения придерживались и остальные сотрудники журнала. Публицисты считали, что российский и западный народы вступили на одинаковый путь развития и стоит прислушиваться к тем, кто пошел по нему несколько быстрее, перенимать его опыт. Пыпин указывал: «Западные влияния были не случайным, а органическим явлением, которое вовсе не налагалось насильственно, а вызывалось потребностями самой жизни» [19, с. 63].

Западничество журнала проявлялось активно. «Вестник Европы» не просто информировал своих читателей о событиях европейских стран, но и агитировал властные структуры, призывал их учитывать опыт запада в собственной внутренней политике. Ориентация на европейский образец проявлялась практически во всех сферах жизни общества: сравнивались российская и западная экономика, образование, военная система, социальное обеспечение и т.д. Признавались несомненные успехи Западной Европы.

Сам Пыпин до 1866 г. был сотрудником журнала «Современник», издаваемого Н.А. Некрасовым. Свой переход в «Вестник Европы» он объяснял в письме к Веселовскому от 1904 г. так: «Уничтожение “Совр[еменника]”, 1866, совпало с основанием “В[естника] Евр[опы]”. И для меня естественно было к нему присоединиться: Стас[юлевич] в 1853 был даже несколько месяцев моим профессором; он вступил в Унив[ерситет], когда я кончал курс, в 1861, мы вместе (также Кавелин⁵ и Бор[ис] Утин⁶, мой приятель) оставили Унив[ерситет] вследствие режима Путятина и Филипсона⁷; — кроме личной близости было и то, что журнал предполагается преимущественно исторический, и это меня привлекало больше, чем публицистика, — последняя, после опыта с “Совр[еменником]”, могла только опротиветь. Поэтому мне и не было надобности вступать в новый литературный круг, который образовался в “Отеч[ественных] Зап[исках]” с Некрасовым. Припомню, что во время существования “Совр[еменника]” я был собственно так далек от публицистики (то есть так мало в нее верил), что в эти самые годы писал “Историю славянских литератур”⁸ (1-е издание 1865 г. — В.Ш.). “В[естник] Евр[опы]” был для меня дружественным изданием, через которое и прошли мои главные дальнейшие работы: “Общ[ественное]

⁵ Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — ординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета (1857–1861), публицист, один из первых русских теоретиков западнического либерализма.

⁶ Утин Борис Исаакович (1832–1872) — экстраординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета (1859–1861), общественный деятель, придерживался антиправительственных взглядов.

⁷ Министр народного просвещения Евфимий Васильевич Путятин (1803–1883) и попечитель Санкт-Петербургского учебного округа генерал Григорий Иванович Филипсон (1809–1883) с мая 1861 г. приняли ряд мер в области высшего образования (отмену льгот в части платы за обучение, запрет студенческих собраний), вынудивших многих студентов покинуть Императорский Санкт-Петербургский университет.

⁸ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.

Движение”⁹, “Характеристики”¹⁰, “Белинский”¹¹, “Ист[ория] Этнографии”¹², наконец, “Ист[ория] Литературы”¹³. За эту возможность я был очень благодарен журналу» [22, л. 53–56 об.].

С легкой руки Пыпина с 1877 г. началось и сотрудничество с «Вестником Европы» Веселовского. Множественные разговоры о времени и способах публикаций, согласование формальных вопросов через Стасюлевича и т.д. занимают довольно большой объем в его переписке с Пыпиным.

В одном из писем от 1881 г. Пыпин убедительно просил Веселовского уделять больше времени работе в журнале: «...Есть ли у Вас время, которое Вы могли бы дать работам для “В[естника] Европы”? Скажу Вам прямо, без всяких комплиментов, что мне очень приятно было бы видеть ваше имя в журнале чаще, чем было до сих пор. Есть темы, которые были бы нужны и которые были без сомнения Вам не скучны и, конечно, прекрасно исполнены» [22, л. 4]. На что Веселовский отвечал: «...Прежде всего скажу, что это было бы для самого меня делом весьма приятным, уже потому, что я предпочел бы, не разбрасываясь по мелочам, как разбрасываемся все мы, сосредотачиваться на разработке вопросов более определенных. По свойству своих занятий я постоянно прохожу на рубеже между русской и иностранной литературой» [16, л. 7].

Довольно часто Пыпин выступал не только в роли редактора, но и дружеского советника Веселовского. Помимо замечаний стилистического характера к его работам он указывал на наиболее предпочтительные издательству темы и новые разделы журнала: «Я обратил бы ваше внимание еще на новый отдел, который Вы, вероятно, заметили в журнале — “общ[ественную] Хронику”. Если бы случилось, Вы могли бы пользоваться и им для небольших заметок общественного характера: отдел не всегда будет наполняться одним лицом, а иной раз что-либо общественное может быть или специально московское или у Вас более видное» [22, л. 5].

Периодически Веселовский прекращал писать для «Вестника Европы», но всегда возвращался к нему: «Я совсем не забыл, что “Вест[ник] Евр[опы]” “еще издается”, и вскоре, на свободе, постараюсь доказать это на деле» [19, л. 9–10 об.], — писал он Пыпину в 1883 г.

В итоге на страницах этого издания впервые были опубликованы статьи Веселовского о жизни и творчестве как зарубежных, так и отечественных писателей и поэтов: Дж. Свифта [6], Д. Дидро [4; 5], Дж. Г. Бай-

⁹ Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I : в 3 т. 5-е изд. Т. 3: Общественное движение в России при Александре I / предисл. Н.А. Котляревского. Петроград, 1918.

¹⁰ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина. СПб., 1873.

¹¹ Пыпин А.Н. Белинский, его жизнь и переписка : в 2 т. СПб., 1876. Т. 1.

¹² Пыпин А.Н. История русской этнографии : в 4 т. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891.

¹³ Пыпин А.Н. История русской литературы : в 4 т. СПб., 1898–1899.

рона [12–14], П.-Ж. де Беранже [1], Н.В. Гоголя [3] и др. В 1890-е гг. здесь увидели свет его «Очерки и наброски из старой и новой литературы» [9], в которых он выдвигал тезис о взаимовлиянии литературы и критики на общественное сознание. Ученый считал, что русская литература конца XIX в. является основным источником и выражением духовности современного общества, и не раз в своих работах поднимал вопрос о ее преемственности в ходе дальнейшего развития. В связи с этим он внимательно присматривался к новым авторам, а с некоторыми из них состоял в дружеских отношениях, например с А.П. Чеховым [24], В.Г. Короленко [23], К.С. Станиславским [25].

Обсуждение общественной полемики по вопросам западничества и славянофильства — центральная тема в переписке филологов.

Пыпин считал идею исключительности русского народа вредоносной, способной доходить до абсурда. В письме от 21 апреля 1887 г. с нескрываемым возмущением он описал Веселовскому событие, свидетелем которого ему пришлось стать. В Санкт-Петербурге встречали датского литературоведа Георга Брандеса¹⁴, и его пребывание «было сопровождено, по русскому обычаю, гадостью: вчера, в середине лекции (последней) ему передано было — поданное — письмо ругательно-го содержания: его ругали, конечно, за то, зачем он, иностранец, явился к нам, чтобы собирать русские деньги, что мы в иностранцах не нуждаемся и т.д. в этом патриотическом роде» [22, л. 23]. Либерал Пыпин был глубоко убежден в том, что подобная парадигма мышления абсолютно неприемлема, так как изоляция России от Запада не позволит нашему отечеству свободно развиваться в сторону научно-технического прогресса.—«Непримиримый враг произвола, стеснений мысли, слова, совести, народности, он выступил впервые среди мрака реакции 50-х годов, сохранив до кануна народного представительства, — конца его личной жизни, — неизменную и деятельную веру в жизненность свободы» [2, л. 2], — писал Веселовский о Пыпине.

Размышляя о роли культурного трансфера, Пыпин понимал под народностью не нечто испокон веков данное и эволюционно развивающееся, он видел в ней сложный организм, исторически нестабильный, подверженный влиянию и воздействию со стороны многих факторов, что совершенно не мешало ей оставаться самобытной по своей сути.

Идея Пыпина о том, что европейское просвещение и европейские формы жизни не находятся в противоречии с нашими национальными устоями, отзывалась и в Веселовском. В поддержку Пыпина Веселовский писал: «Если у народа есть жизненная сила, влияния и заимствования не только не убьют в нем самостоятельности, но вызовут эту силу на свободное состязание, а для народа неопытного, отставшего послужат школой, в которой окрепнет его самодеятельность» [7, с. 8]. Как и Пыпин, он был убежден в том, что западноевропейская культура с XVII в. выступала в качества донора для культуры русской.

¹⁴ Георг Моррис Кохен Брандес (1842–1927) — датский литературовед, публицист, теоретик натурализма, номинант на Нобелевскую премию по литературе.

Исследованию истории развития театрального искусства посвящена одна из ранних работ Веселовского «Старинный театр в Европе» [10]. В ней он последовательно развивает мысль об отнюдь не слепом следовании западным идеалам, а об осознанной преемственности, когда у принимающей стороны есть на то и свои предпосылки, или, как их называл его старший брат — Александр Веселовский, «встречные течения». Этот тезис Веселовский-младший положил в основу своего итогового труда «Западное влияние в новой русской литературе», резюмировав его следующим образом: «Указывать с помощью фактов, которых ничем нельзя изгладить из истории, на важность западного влияния не значит отрицать самодеятельность народную... Это значит изучать постепенное развитие, под воздействием опытных чужеземных сил, самодеятельной национальной работы. Это значит подвести ей точные итоги, отделить свое от чужого, творческое от подражательного, скорее сузить круг своего национального богатства, чем с хвастливой гордостью видеть его всюду, где только живая русская речь облеклась в художественные формы...» [7, с. 8].

Как и все западники второй половины XIX столетия, и Веселовский, и Пыпин были убеждены в том, что Россия является частью Европы, а потому наслаивает на себя достижения Запада, интуитивно и чутко перерабатывает их, включает в собственное национальное русло: «Вступая на ту часть пути, которая только что оставлена была нашими предшественниками, мы переживали затем те же стадии, через которые они сами проходили, и это совершалось не вследствие рабской подражательности, но в силу нормального хода народного развития, повторяющегося при одинаковых условиях» [7, с. 12].

Собственно, по этой причине оба филолога были солидарны с мыслью о том, что «среди разгоревшейся после 1-го марта нетерпимости к европейской культуре, разлива охранительных учений, призывов назад» необходимо отстоять идею включенности русского искусства в общий ход европейского развития, выступить против «пароксизма племенной исключительности» [7, с. 1].

Как известно, «Западное влияние...» было посвящено Пыпину, идейному вдохновителю Веселовского. В письме от 2 мая 1881 г. Пыпин писал Веселовскому: «...Мне хотелось предложить Вам тему, которая была бы очень интересна, в настоящее время даже назидательна, и которая, мне кажется, очень подходила бы также к вашим собственным занятиям. Эта тема — очерк отношений нашей литературы с XVIII в. и доньше — к литературе западноевропейской, обзор многообразных влияний последней на развитие русской науки, литературы, общественной; этот очерк был бы картиной целой важной стороны самой нашей истории. <...> Тема имеет очень серьезное историческое значение, а в настоящую минуту и публицистическое — потому что вопли о ненужности нам Запада становятся эпидемическими и грозят нашею идеями восточных. Это была бы и любопытная глава из того, что можно было бы назвать историей европейской литературы. Такая история была и должна быть написана» [22, л. 1].

Смерть Пыпина стала большой личной утратой Веселовского. В речи от сентября 1911 г. он говорил: «С преданностью знанию... соединялась идея свободы. <...> Я любовался этою жизнью несущемою силой, в речи на юбилейном банкете с полным убеждением находил, что в знаменитой “Литературной истории старинных повестей и сказок” недостает замечательной сказки о подвигах такого скромного богатыря просвещения, как сам Пыпин, — и, когда вскоре его не стало, навсегда и неутешно осиротел» [2, л. 6].

В заключение хочется еще раз отметить, что оба ученых были весьма плодотворными исследователями второй половины XIX — начала XX в. Однако до сих пор об их жизни и деятельности не вышло еще обстоятельных монографий. Задача эта, возможно, тяжелая, но весьма актуальная, поскольку рецепции научных мыслей Пыпина и Веселовского довольно часто обнаруживают себя в современных, особенно компаративистских, исследованиях о взаимопересечениях и взаимовлияниях в литературе разных народов.

Список литературы

1. *Веселовский А. Н.* Беранже и его песни // Вестник Европы. 1895. №1. С. 7—38.
2. *Веселовский А. Н.* Воспоминания об А. Н. Пыпине. Сентябрь 1911 г. // НИОР РГБ. Ф.178.1. №10864.22. Л. 6.
3. *Веселовский А. Н.* Гоголь и Чаадаев: Из этюда о Гоголе // Вестник Европы. 1895. №9. С. 84—95.
4. *Веселовский А. Н.* Дени Дидро. 1713—1784. Опыт характеристики I—III // Вестник Европы. 1884. Т. 5. С. 561—610.
5. *Веселовский А. Н.* Дени Дидро. 1713—1784. Опыт характеристики IV—VI // Вестник Европы. 1884. Т. 6. С. 125—160.
6. *Веселовский А. Н.* Джонатан Свифт, его характер и его сатира // Вестник Европы. 1877. Т. 1, №1. С. 137—199.
7. *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд., значит. доп. М., 1916.
8. *Веселовский А. Н.* Очерк первоначальной истории «Горя от ума». Варианты к «Горю от ума» // Русский архив. 1874. Вып. 6. С. 1513—1566.
9. *Веселовский А. Н.* Очерки и наброски из старой и новой литературы // Вестник Европы. 1898. Т. 1. С. 116—145.
10. *Веселовский А. Н.* Старинный театр в Европе. М., 1870.
11. *Веселовский А. Н.* Этюды и характеристики. Грибоедов. М., 1894. С. 495—533.
12. *Веселовский А. Н.* Этюды о байронизме. Ч. 1. Западная литература // Вестник Европы. 1905. Т. 1, №1. С. 261—311.
13. *Веселовский А. Н.* Этюды о байронизме. Ч. 2. Польская литература // Вестник Европы. 1905. Т. 2, №4. С. 695—730.
14. *Веселовский А. Н.* Этюды о байронизме. Ч. 3. Русская литература // Вестник Европы. 1905. Т. 6, №11. С. 174—228.
15. *Гордлевский В. А.* Памяти Алексея Н. Веселовского // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. СПб., 1927. Т. 2. С. 171—174.
16. ИРЛИ РАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 159.
17. *Кайль А. В.* Журналы «Гражданин» и «Вестник Европы» как отражение общественной мысли России в пореформенный период : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.

18. *Кайль А. В.* Начало издания либерального журнала «Вестник Европы» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, Политология, Экономика, Информатика. 2010. Вып. 14. №7 (78). С. 118–124.

19. *Козьминых Е. С.* Западники «Вестника Европы» о национально-культурных ценностях // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. №1. С. 57–67.

20. *Лапина Г. С.* «Вестник Европы» 1870-х гг.: программа модернизации России // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2010. №3. С. 64–80.

21. *Николаев П. А.* Академические школы в русском литературоведении. М., 1976.

22. ОР РГБ. Ф.178. Оп. 1. Ед. хр. 10864.20.

23. РГАЛИ Ф. 80. Оп. 1. Ед. хр. 124.

24. РГАЛИ Ф. 80. Оп. 1. Ед. хр. 220.

25. РГАЛИ Ф. 80. Оп. 1. Ед. хр. 43.

26. *Шнейдер К. И.* Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // Российская история. 2010. №4. С. 177–187.

Об авторе

Варвара Александровна Шубина — студ., Московский педагогический государственный университет, Россия.

E-mail: schubina.varvara98@gmail.com

The author

Varvara A. Shubina, Moscow Pedagogical State University, Russia.

E-mail: schubina.varvara98@gmail.com

А. М. Сосновская

ПОЛИТИКА ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЕТЕ ДИСКУРСА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

68

Статья посвящена конструированию городской идентичности в рамках существующего негетерогенного, конфликтного дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга. Из текстов СМИ и полевых исследований реконструированы дискурсивные практики акторов семи дискурсов внутри дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга, рассмотрены девять составляющих диспозитивов каждого дискурса.

Систематизированы нарративные и другие дискурсивные стратегии с точки зрения их роли в пересборке системы (сети). При том что каждый актор преследует свою цель и решает несколько задач, общая конфигурация состояния системы определяет характеристику осуществленной пересборки.

Артикуляция интересов, целей и ценностей акторов ведет к более ясному распределению в теоретической перспективе, аутентичной идентификации и осознанному выбору практик и политик при конструировании городской идентичности.

The article is devoted to the urban identity construction within the existing, inhomogeneous, conflicting discourse of the cultural heritage of St. Petersburg. The discursive practices of the actors of 7 discourses within the main discourse of the cultural heritage of St. Petersburg are reconstructed from the media and field studies; 9 dispositive variables of each discourse are considered.

Narrative and other discursive strategies are systematized according to their role in the reassembly of the system (network). While each actor pursues their own goal and solves several problems, the overall configuration of the system determines the characteristics of the reassembly carried out.

The articulation of interests, goals and values of actors leads to a clearer distribution in a theoretical perspective, authentic identification and a conscious choice of practices and policies in the construction of urban identity.

Ключевые слова: дискурс, диспозитивы, СМИ, дискурсивные стратегии, пересборка, идентичность

Keywords: discourse, dispositives, media, discursive strategies, reassembly, identity

Введение

В современной политической науке утверждается широкое толкование политики идентичности, которое связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных ос-

нований принадлежности к сообществам, прежде всего политическому, а также дифференциации своей группы «нас» и ее дискурсивных практик по отношению к «другим» как на дискурсивном уровне репрезентаций нации, страны, государства, региона, территории, так и на уровне конкретных социальных взаимодействий.

Согласно редактору энциклопедии идентичности И.С. Семененко и автору главы в ней «Конструирование идентичности: политические практики и технологии», «под политикой идентичности... понимается деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства личной принадлежности к нему» [13, с. 648]. В этом контексте так динамически понятой принадлежности мы рассматриваем дискурсы групповых солидарностей по отношению к культурному наследию Санкт-Петербурга и выявляем ценности групп как основу конструирования городской идентичности.

Согласно И. С. Семененко, «государство — ключевой актор политики идентичности: оно использует институты социализации (в нашем случае систему образования, сферу культуры, СМИ. — А. С.) и инструменты публичной политики для легитимации властных институтов и для организации взаимодействия социальных субъектов вокруг определенной повестки дня, для вовлечения граждан в такие взаимодействия» [13, с. 649]. Таким образом, режимы солидарности проявляются в процедурах социализации новых акторов и легитимации новых режимов агентности¹, при этом сохраняя критическую дистанцию по отношению к повестке и ходу этих процедур.

Для наших исследовательских целей реконструкции коммуникации и диспозитивов дискурсов было бы недостаточно провести только анализ культурной политики, — необходимо исследовать перформативные аспекты коммуникации, чтобы артикулировать конфликт, различные интересы и основания идентификации различных акторов, выявить стратегии группообразования, дискурсивные маркеры антагонизма и агонизма [33].

В качестве примера перформативности исследователи приводят ситуацию, когда говорящий, выполняя какой-либо перформативный акт (например, приказывая или упрашивая), позиционирует свои отношения с адресатом как иерархические [8; 23; 24], что приводит к напряженности, явному или скрытому конфликту. Согласно Ю. Хабермасу, перформативный текст... является в первую очередь действием: во-первых, коммуникативным действием, а во-вторых, действием саморепрезентации, репрезентации себя через актуализированные способы мысли и деятельности [25].

¹ Способность актора к действию, способность выступать в качестве самостоятельного актора / агента и делать осознанный и свободный выбор.

Идея перформативности как эффективности саморепрезентации развивается в диссертации Ю. Б. Грязновой [9], которая выделяет характеристики перформативного текста, некоторые из которых релевантны нашему анализу:

1. Текст «представляет собой способ саморепрезентации в коммуникации, обеспечивая существование индивидуальности в коммуникации». Таким образом, текст-высказывание выстраивает границы, возможность диалога, обсуждение и принятие различных точек зрения;

2. Текст «обладает проективной и организационной функциями». В нашем случае реконструкции дискурсов может быть раскрыта тройная проекция: актер спроецировал свой контент в процессе самопрезентации в ситуации коммуникации, журналист, в свою очередь, спроецировал свое понимание акторов и их действий, проинтерпретировал, фреймировал или закодировал согласно профессиональным конвенциям медиа-текста [30], и наконец, сама ситуация структурно определила окончательное восприятие контента и его семантико-прагматический потенциал, когда «средство есть сообщение» и оно транслирует порядки и конвенции социума помимо передачи контента [16]. Далее мы посредством дополнительных проекций, основанных на знании научного поля, реконструировали структурную интенциональность журналистского текста и мировоззренческие основы принятия акторами решений, в том числе речевых. Рецепттивная картина событийности, по Т. ван Дейку, «не будет полностью совпадать с моделью этого события, имеющейся у журналиста, или той моделью, которую он хотел бы создать у читателя» [10, с. 152].

Представленная проективная трехсторонняя модель трансформации смыслов и практик может быть концептуализирована в акторно-сетевой теории как взаимодействие «актор-сеть», где акторы-посредники модифицируют и конструируют социальное. «Актор-сеть очерчивается всегда, когда в ходе исследования принимают решение заменить акторов любого размера локальными и взаимосвязанными местами, вместо того чтобы делить их на “микро” и “макро”. Обе части важны, отсюда и дефис. Первая часть (актор) раскрывает узкое пространство, в котором начинают вынашиваться все грандиозные компоненты мира; вторая часть (сеть) может объяснить, при помощи каких средств передвижения, следов, испытаний, типов информации мир вбирается внутрь этих мест и затем, трансформировавшись в них, выдавливается обратно наружу из их тесных стен. Вот почему приписанная через дефис “сеть” фигурирует здесь не как тайное присутствие Контекста, а как то, что соединяет акторов» [14, с. 235]. Таким образом, прагматическая установка исследования не противоречит рассмотрению того, как принятие решений определено границами интерпретации внутри действующей модели практик.

Организационные функции текста — это не только мобилизация смыслов и поведения, это также фреймирование высказывания, поскольку текст подразумевает аудиторию (согласно концепции диалогизма М. М. Бахтина), журналистский текст имеет интенцию и целе-

ориентирован, а также организован с помощью жанров и выбора лингвистических средств [3; 11]. Подразумевая другого и предполагая иную или неоформленную дискурсивную позицию, текст может быть нацелен на укрепление разделяемой позиции («мы вместе»), на трансформацию смыслов методом убеждения, дискуссий, споров и компромиссов, на принятие различий, бескомпромиссных позиций и точек зрения, на ситуацию (смысл концепции «агонизм»).

3. Текст «оценивается не на истинность, а на аутентичность репрезентации», то есть текст должен восприниматься согласованно и не противоречиво всему комплексу диспозитива.

Для исследования дискурсов и их диспозитивов нам подходит определение проф. А.В. Маркова: «Гегемонистский код, по Грамши и Холлу, имеет параллелью “диспозитив”, по Фуко, определенное расположение знаков, высказываний, способов говорить о вещах, которое и обеспечивает связку знания и власти» [18, с. 151].

Мы рассматриваем идентичность перформативно как действие в рамках дискурсов, как осознанное желание занять позицию в дискурсе, чтобы присвоить себе полученную в результате дискуссий идентичность, а не просто быть «окликнутым»² доминирующим актором, вариантом интерпретации события.

Дискурс культурного наследия дифференцирован, несмотря на общие ценности многих подгрупп. Вслед за Б. Латуром, который доказал, что групп нет, а есть группообразование, мы рассматриваем группообразование посредством постоянно воспроизводящихся в СМИ дискурсов [14, с. 34–45].

Доминирующий дискурс, дискурс государства, правительства, подкрепленный законами и указами РФ о сохранении исторического облика объекта всемирного наследия, также регламентируется документами ЮНЕСКО и международными договоренностями, что включает еще одного игрока и его дискурс, который мы не рассматриваем в контексте конструирования локальной, городской идентичности.

Субъектами идентификации с историческим наследием являются группы интересов, акторы, включая само наследие, говорящее посредством экспертов и служителей исторических объектов. Они объединяются на мировоззренческих ценностных основаниях. Динамика дискуссий поддерживается присущими группам антагонизмом, негациями³,

² Властным средством идеологии, по Л. Альтюссеру, является интерпелляция, оклик, которая может реализовываться посредством прямого призыва субъекта, а также посредством молчания, — так могут осуществляться не только действия социального включения, но и исключения.

³ Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф выстраивается вокруг следующих основных понятий: артикуляция, антагонизм, субъект, гегемония. Артикуляция есть формирование структурированных дискурсов. Артикуляция связывает их элементы, но этот процесс принципиально не завершен. Дискурс стремится к фиксации, однако поскольку значения всегда сохраняют некую текучесть, четкая фиксация дискурса как «сущности» невозможна, более того, возникает тенденция к рассеиванию значений, а значит, к подрыву дискурсивных практик и социальных систем. Понятие антагонизма является ключевым элементом

определенным уровнем агрессивности и удовлетворенности от чувства принадлежности и реализации миссии. Их идентичность конструируется как оппозиция на основе утверждения культурных различий.

Сначала мы реконструируем дискурсивные практики акторов из СМИ, чтобы выделить подгруппы интересов в общем, негомогенном дискурсе о наследии; далее мы рассмотрим составляющие диспозитивов дискурсов, а также представим лингвистические маркеры символических стратегий.

Обзор литературы и методы

72

Многочисленные исследования всемирного культурного наследия современных авторов международного научного сообщества иллюстрируют конфликтное столкновение дискурсов в практике локально-глобального планирования при работе с объектами всемирного наследия.

Политическое измерение уже произведенных действий в рамках этого планирования проявляется как основание использования определенного языка, символических форм выражения значений, «артикуляции и агрегация интересов» субъектов (акторов) политического процесса [1].

Мы предприняли обзор статей наукометрических баз Web of Science и Scopus по ключевым словам, связанным с наследием, городской идентичностью, дискурсивным анализом за 2018–2022 гг., чтобы обозначить области изучения культурного наследия в мировом научном дискурсе, а также чтобы экстраполировать релевантные темы и методы в рамках нашего диссертационного исследования «Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга».

Для объекта всемирного наследия ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге и Ленинградской области («Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников») актуальны все представленные в самых цитируемых научных статьях проблемы: нехватка ресурсов для сохранения и реставрации, отсутствие последовательного плана управления, необходимость переориентации туристических потоков от традиционных дестинаций на менее популярные, конфликт между управлением наследием и городским развитием, проблемы экологии и окружающей среды.

Статьи, расположенные во втором по количеству статей кластере наукометрической визуализации, связаны с политической повесткой. В них представлены дискуссии включения объектов памяти в список объектов всемирного наследия, проекты, которые вызывают межнаци-

теории. Антагонизм означает постоянную негативность и отсутствие позитивности участников антагонизма. Антагонизм понимается как постоянное отрицание другого дискурса и определение себя негативным образом. Антагонизм влечет за собой невозможность окончательного оформления общества. Индивид понимается здесь как в лакановской традиции, субъект — не человек, а позиция в дискурсе, занимая позицию, индивид становится субъектом.

ональные споры и конфликты, политика нематериального культурного наследия, конфликты между политикой городского развития и сохранением наследия.

Наш дискурсивный анализ сфокусирован на дискурсе исторического центра Санкт-Петербурга, конфликте между политикой городского развития и сохранением наследия.

Из нашего шестилетнего проекта по популяризации культурного наследия объекта всемирного наследия «Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников» реконструированы семь дискурсов, на основании которых строится городская идентичность участвующих в дискуссиях петербуржцев, конструируется медиадискурс. «В рамках городского проекта по популяризации объекта всемирного наследия студенты РАНХиГС совместно с КГИОП в течение 2016–2018 гг. (проект продолжается до 2022 г. — А. С.) изучали нематериальное наследие города, собирая истории, наблюдения, интервьюируя горожан, работая методом включенного наблюдения на выбранных объектах исследования. Некоторые работы информационно сопровождалась в СМИ Академии, а работа по восприятию научного Петербурга осмыслялась с социологической точки зрения» [21, с. 90].

Доминирующим дискурсом является сохранение наследия. Нормативный дискурс / доминирующий актор активно использует в реализации политики идентичности символическую политику (П. Бурдые, О. Малинова), политику языка (Т. ван Дейк, И. Ветренко), политику памяти (Н. Ломагин, С. Яров), политику репрезентаций (С. Холл, А. Бергер) [5–7; 10; 15; 17; 28; 29; 31].

У этой идеологии символической насыщенности репрезентаций Петербурга сильные исторические корни в значимых для каждого петербуржца событиях, которые выступают основой индивидуальной идентичности, причастности и принадлежности. А. Шёнле в историческом исследовании «Руины Ленинграда времен блокады и эстетика борьбы за выживание» [26] показывает, что разрушенное культурное наследие и его спасение были для многих смыслом выживания внутри блокадного кольца, мотивацией защиты города для армии. В исследовании также показано, как велась идеологическая работа с целью усиленной апелляции к ощущению незащитности культурного наследия. До войны сильную идентичность и политику сохранности наследия поддерживал так называемый петербургский текст, феномен осмысления каждого уголка города писателями, поэтами и художниками [20]. Сегодня в дискуссиях о сохранении наследия мы также встречаем такие аргументы, как репрезентация на картинах, экспликация в исторических документах, трансляция историй и свидетельств.

Изучение дискурсов основывалось на мониторинге СМИ доступными программами мониторинга и анализа текстов онлайн. В данной статье показаны результаты мониторинга статей в течение 3 месяцев 2022 г. С 1 января 2022 г. по 24 марта 2022 г. было обнаружено 2472 сообщения в СМИ, связанных с культурным наследием Санкт-Петербурга. Было проанализировано около 300 статей. За это время не наблюда-

ется сильной динамики рассматриваемых переменных: акторы, действия, объекты, факты и документы, авторы-журналисты, блогосфера демонстрируют идентичные тенденции.

Также был проведен анализ текстов полевых исследований (текстов студентов, фокус-групп, визуальных репрезентаций, проектов).

В основе методологии изучения лежат подходы дискурсивного анализа М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муффа, оптика акторно-сетевой теории Б. Латура и Дж. Ло.

Реконструированные дискурсы

74

В результате исследования было выделено семь дискурсов. Имея в виду характеристики фоновых практик, по М. Фуко, мы выписали лингвистические маркеры и реконструировали фоновые практики для дискурсов, где это было возможно. «Набор дискурсивных практик, конституирующий фон определенного дискурса, который порождает знание, задает четыре основные характеристики этого дискурса: 1) какой тип феноменов может стать объектом данного дискурса; 2) кто может занять позицию говорящего субъекта; 3) какие виды понятий могут быть приемлемы в этом дискурсе; 4) какие теории возможно помыслить и сформулировать в данном дискурсе» [22, с. 125].

Первый дискурс — сохранения наследия: против сноса исторических зданий и за сохранение неизменного вида города с его ландшафтными и пространственными характеристиками. Представителем доминирующего дискурса является Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников (КГИОП). В материалах СМИ доминирование данного дискурса помимо аффилиации к государству и правительству выражается посредством слов и языковых конструкций, идеологических стилистических маркеров.

На текущей неделе КГИОП принято решение в отношении 81 задания на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия (sanktpeterburg.bezformata.com).

На Кондратьевском проспекте могут построить торговый центр (kanoner.com).

На Кондратьевском проспекте могут построить «объект бытового обслуживания», то есть торговый центр. Он расположится на месте нынешнего сквера. <...> В центре участка существует участок-анклав, на котором до декабря стоял дореволюционный дом под номером 30. Он был снесен по заказу комитета имущественных отношений как аварийный, подрядчиком выступало ООО «Капстрой-СПб». КГИОП **требует** восстановить внешний облик здания (kanoner.com).

В данном дискурсе можно обнаружить присутствие феномена «петербургский текст». Эксперты дискурса часто в качестве аргументов обращаются к историческим документам, где изображен объект сохранения, к смыслам и значениям объекта.

У нас в городе исторические здания, построенные до 1917 г., в принципе защищены законом, их нельзя просто так снести, даже если это не Винный городок, а что-то более скромное, — объясняет заместитель председателя Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) Александр Кононов. — А что касается Винного городка, то для данной территории это одно из старейших зданий. Оно отражено в произведениях живописи и графики (mr-7.ru).

Базовым понятием является «код города», а ценностью — преемственность плану изначальной застройки и верность традициям сохранения наследия [19].

Второй дискурс — городского развития — направлен на развитие районов, чтобы они приносили пользу жителям, убедительно демонстрировали экономические преимущества жизни в районах. Когда застройщики работают не с историческим центром, СМИ о них пишут нейтрально и даже позитивно.

Защитница непарадного Петербурга: почему, по мнению Маргариты Штиглиц, промзоны Северной столицы — это территории больших возможностей для преобразований (stroyprice.ru).

На площадке петербургского омбудсмана продолжится поиск компромиссного решения судьбы памятников археологии Охтинского мыса (ombudsmanspb.ru).

Антагонизм представителей 1-го и 2-го дискурсов был определен попытками бизнеса вписаться в исторический центр и перестроить / снести здания для своего удобства в коммерческих целях. В СМИ такие предприниматели часто представлены анонимно, или как вандалы, или как неидентифицируемое зло. Также СМИ обвиняют чиновников в содействии покушениям на исторические здания. Превращению старинных зданий в коммерческую недвижимость способствуют неоднозначные и неполные трактовки в законодательных документах.

На Васильевском острове сносят «Винный городок» (mr-7.ru).

Станцию Морской Авиации снесли без разрешения градостроительного совета и КГИОП (78.ru).

Вандалы уничтожили лицо русалки на доме на Садовой улице в Петербурге (www.spb.kp.ru).

18 марта рабочая группа по выработке концепции сохранения исторического центра рассмотрела проект «правового регулирования отнесения объектов капитального строительства к объектам, имеющим особое значение для социального, экономического или культурного развития Санкт-Петербурга». По действующему закону «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон» отклоняться от норм (по высоте, плотности застройки и другим параметрам) можно не более чем на

10 %. Это не распространяется на постройки, чей проект признан особо значимым в социальном, экономическом или культурном плане. Так как критериев для определения «значимости» объекта в законе не было и важным для города мог быть признан любой объект, это давало возможность инвесторам перестраивать старинные здания, превращая их в коммерческую недвижимость» (rn.ru).

Третий дискурс — градозащитников: наиболее радикальный и активный; выступает за сохранение наследия. Градозащитники считают, что первый дискурс не справляется с задачей сохранения и иногда способствует разрушению. Градозащитники — как представители НГО, СМИ, некоторые депутаты, так и неравнодушные петербуржцы, пристально следящие за трансформациями исторического центра, инициирующие расследования и проверки, митинги и общественные акции, контролирующие первый дискурс. Своими противниками и «анти-группами» (по Б. Латуру) считают губернатора, застройщиков и чиновников. Выстраивают границы своей группы, отказывая антигруппам в «компетентности», «духовности», «любви к наследию», «честности».

ВНИИБ в опасности! Беглов ради прибыли уничтожает исторические здания (News-poster.ru).

Главу КГИОП посчитали далеким от охраны памятников архитектуры Петербурга (nw24.ru).

В Петербурге могут разрешить снос исторических зданий ради строительства ВСМ (piter-news.net).

Снос любит тишину: в Петербурге без ведома общественности рушат здание XIX века (<https://russian.city/spb/>).

Почти три года борьбы градозащитников за старинные корпуса все же не уберегли бывший памятник культуры. <...> Депутат ЗакСа Борис Вишневецкий на прошлой неделе направил обращение губернатору Александру Беглову с просьбой дать указание КГИОП приостановить действие их разрешения на проведение работ и Госстройнадзору — о приостановлении действия разрешения на строительство» (mr-7.ru).

Четвертый дискурс — «креативного города» и «креативного класса»: продвигает идеи креативности, проекты устойчивого развития города, актуализуя дискурс о креативных индустриях, пространствах и новых креативных специальностях.

Объектами данного дискурса являются инновационные проекты в сфере культуры, инклюзии, сотрудничества, экологии, реставрации и т.д., биоэкоурбанистика, креативный, ландшафтный, «хипстерский» урбанизм. Позицию говорящих субъектов от имени дискурса занимают идеологи проектов креативного города и их спонсоры.

Редакция «Собака.ru» ежегодно отмечает самые резонансные урбанистические проекты премией «Петербург будущего». На юбилейном (пятом!) гала-ужине в «Астории» мы наградили активистов, критиков, дизай-

неров, кураторов, реставраторов, архитекторов и социально ответственных бизнесменов — тех, кто за прошедший год приблизил Петербург к будущему (СПб.Собака.ru).

Пятый дискурс — архитектурного производства и экспертизы: здесь компетентные в архитектуре акторы интерпретируют места и назначение зданий, разрабатывают проекты восстановления исторических локаций и преобразования существующего пространства.

Петербургские реставраторы исследовали состояние склепа Александра фон Бекмана (srsfb.ru).

В Ковенском переулке восстановят уникальную мозаику советской эпохи (78.ru).

Шестой дискурс — вещей и наследия как такового: говорит через экспертов, историков и хранителей, которые представляют интересы того или иного объекта, здания или локации. В заголовках и текстах СМИ наследие выступает как пассивный объект, лишенный агентности. Однако согласно акторно-сетевой теории именно места и вещи направляют практики, наделяют ответственностью, выступают в качестве публичных обременений, возлагаемых на владельцев объектов культурных наследий, и приводят в движение изучаемые нами дискурсы.

Уничтожение предприятия отрицательно повлияло не только на историко-культурную составляющую, но и повлекло снижение деловой активности в городе, нарушение инфраструктуры агломерации. Возрождение заводской территории с учетом исторической составляющей предполагает стратегию реновации и оптимальный выбор функционального назначения, что позволит не только сохранить ценный архитектурный ансамбль, но и за счет притяжения трудовых ресурсов и туристических потоков сделать из Сестрорецка одну из опорных точек Санкт-Петербургской агломерации [27].

Дом Никонова отреставрируют на улице Достоевского (78.ru).

Антресольный молельный зал в Соборной мечети отреставрируют в 2022 (dp.ru).

Седьмой дискурс — молодых горожан, поколения Z: в текстах СМИ присутствуют современные формы выражения и активности: краудсорсинг, флешмобы, социальные сети, блоги с молодежной интерпретацией города, наследия и досуговых практик.

Склеп на лютеранском кладбище, где фанаты «Брата» жгли костры, ждет реставрация. Деньги собрала студентка СПбГУ (sanktpeterburg.bezformata.com).

Петербуржцы с помощью флешмоба выразили свое мнение о работе КГИОП (Xoroshiy.ru).

Немецкие социологи-урбанисты Х. Оверманн и Г. Миг предлагают эпистемологические системы / диспозитивы определять через дискурсивные / групповые понятия (концепции), цели, базовые предположения / допущения и значения (ценности) [34]. Мы к данным составляющим добавляем повторяющиеся поддерживающие идентичность действия (практики), компетенции, аффекты, идентичность и миссию.

1. Концепции, как, например, «сохранение путем адаптивного повторного использования» для 2-го и 4-го дискурсов, составляют концептуальную инфраструктуру в каждом дискурсе.

2. Цели выражают планы на будущее, например «сохранение исторического кода города» для 1-го и 6-го дискурсов. Цели подразумевают основные предположения и ценности и подтверждают их на будущее.

3. Основные предположения или допущения являются красной нитью всех дискурсивных практик данного дискурса. Так, например, несовершенные трактовки закона по 2-му дискурсу допускают игнорирование обременений, налагаемых наследием.

4. Ценности, например «подлинность», «культура», «эстетика и красота» (наиболее значимая ценность для 4-го и 7-го дискурсов), являются окончательным обоснованием основных предположений, выбора концепций и языка. Предположения, концепции и цели определяются ценностями в форме выверенных языковых клише, что выступает средством легитимации дискурсов. Например, КГИОП транслирует название объекта всемирного наследия всегда полностью (необходимо выучить наизусть).

5. Идентичности мы рассматриваем как перформативные, базирующиеся на действиях и высказываниях, меняющих ситуацию, то есть подразумевающие аутентичную самопрезентацию, осмысленные действия в среде в соответствии с определенными способностями, навыками, предпочтениями и ради определенной миссии; идентичности эмоционально окрашены в качестве осуществляющих интерпретацию действия, вовлекающих вещи и людей в эти порядки интерпретации с помощью эмоционального напряжения. Так, представители доминирующего дискурса осуществляют действия по защите исторического наследия на территории объекта всемирного наследия, обладают экспертным знанием, властью и желанием реализовывать свою миссию ради сохранения наследия для потомков и для мировой общественности по правилам ЮНЕСКО.

Мы реконструировали из СМИ дискурсивные практики акторов семи дискурсов, чтобы выделить подгруппы интересов в общем, негомогенном дискурсе о наследии. Выделили и рассмотрели девять переменных диспозитивов дискурса о наследии, которые находятся в ситуации конфронтации и антагонизма. Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга не может быть однозначной. Артикуляция интересов, целей и ценностей подгрупп приведет к более ясному распределению в теоретической перспективе, аутентичной идентификации и осознанному выбору практик

и политик. Отчетливо проявился конфликт ценностей поколений (представители консервативной политики vs креативный урбанизм и поколение Z), что необходимо скорректировать образовательными и информационными стратегиями.

Дискурс-аналитики Э. Лакло и Ш. Муфф в начале карьеры писали, что дискурсы находятся в ситуации постоянной конфронтации. Позже они сформулировали концепцию агонизма, который противопоставлен антагонистическому подходу и настаивает на том, что конфликт остается объектом взаимоуважительного диалога. Предполагаем, что эти два подхода к политике городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга и представляют собой две различных стратегии в рамках политики идентичности, в том числе в информационном освещении в СМИ. Представляется, что осознание и артикуляция семи выявленных дискурсов (+ два: дискурс ЮНЕСКО и дискурс обременения) могут привести к культуре агонизма, но основной антагонизм, на наш взгляд, убирать нежелательно. Мы солидарны с мнением Славоя Жижека, который отмечает, что «новизна теории Лакло – Муфф заключается в концептуальном сходстве понятия Реального у Жака Лакана с понятием антагонизма у Лакло – Муфф и в возможности его использования для изучения общества и идеологии» [35, р. 249]. Жижек трактует политический проект Лакло – Муфф как основанный на «этике Реального» – этике столкновения субъекта с собственной неполноценностью, которая не может быть изменена в принципе.

Такое этическое представление антагонизмов позволяет систематизировать лингвистические маркеры символических стратегий из анализируемых СМИ, воспользовавшись стратегиями оперирования идеологии, предложенными Дж. Томпсоном [36] и выявленными на основе акторно-сетевой теории Б. Латура стратегиями группообразования (табл.). Эта систематизация позволяет наглядно представить действующие стратегии артикуляции идеологии, идентичности и политики.

**Маркеры символической политики и идеологии с примерами
из исследуемых дискурсов, воспроизводимых посредством текстов СМИ**

Способ действия (оперирования) идеологии, артикуляции, борьбы за значение	Некоторые типичные стратегии символического конструирования	Примеры дискурсивной сборки групп (идентичностей)
<i>Дж. Томпсон</i>		
Легитимация	Рационализация. Универсализация. Нарративизация	Апеллирование к закону. Всеобщая ценность – сохранение наследия, «за это пережили блокаду». Апеллирование к авторитетам, литературе, искусству, историям и традициям города, «Петербуржскому тексту», «коду города»

Продолжение табл.

Способ действия (оперирования) идеологии, артикуляции, борьбы за значение	Некоторые типичные стратегии символического конструирования	Примеры дискурсивной сборки групп (идентичностей)
Сокрытие	Замещение. Эвфемизация. Метафоризация. Троп	Это, например, оправдания тех, кто рушит наследие (дискурс 2) за счет отрицания, затемнения, отвлечения внимания от реально существующих процессов и явлений: «происходит не снос, а реконструкция здания в соответствии с выданным разрешением», «ведется разбор аварийных участков и поздних пристроек XX века»; «Разбор происходит с сохранением материалов для их повторного использования (кирпичи, колонны). При этом фасадная стена, являющаяся исторической, разборке не подлежит», — цитировало издание пресс-службу «Максидома», разрушающего здание ⁴
Унификация	Стандартизация. Символизация единства	Тезис, что «каждый житель Санкт-Петербурга должен любить свою историю, наследие, руины». Это не так для мигрантов и молодого поколения. Символизация единства через памятные даты, праздники, «Петербургский текст»
Фрагментация	Дифференциация. Исключение	Наиболее значимыми характеристиками дифференциации дискурсов являются ценности, компетенции и миссия
Реификация	Натурализация. Погружение во вне-временное состояние. Номинализация / пассивизация	Лингвистический анализ текстов СМИ о наследии, некоторых документов и статей вовлеченных комитетов показал, что почти все они написаны с использованием данных стратегий реификации, что позиционирует дискурс о наследии в целом как вневременной для города и идентичности, подразумевая, что его невозможно избежать, игнорировать, поскольку он накладывает обременение (6-й дискурс)
<i>Б. Латур</i>		
Сборка группы	Слияние, интеграция, союз, лояльность, традиция, развитие, приверженность, разделительные линии	Примеры сборки группы находим во всех дискурсах: например, преемственность учеников, поколений, передача традиций реставрации, строительства, разделяемые идеи, ценности и практики

⁴ НеВинный городок. URL: <https://mr-7.ru/articles/241685/> (дата обращения: 11.07.2022).

Окончание табл.

Способ действия (оперирования) идеологии, артикуляции, борьбы за значение	Некоторые типичные стратегии символического конструирования	Примеры дискурсивной сборки групп (идентичностей)
Разъединение группы	Исключение, натурализация, дифференциация, самоисключение, оппозиция, дискуссия, конфликт, обвинения, маргинальность, границы, раскол	Конфронтация доминирующему дискурсу. Отказ в компетентности. Доминирующий дискурс сохранения конфронтирует с дискурсом развития города и отчасти с креативным кластером. С перечисленными дискурсами конфронтирует дискурс градозащитников. Молодежный дискурс иногда выступает и как градозащитный дискурс, и как дискурс креативного урбанизма

81

Данная таблица позволяет систематизировать нарративные и другие дискурсивные стратегии с точки зрения их роли в пересборке системы (сети). При этом каждый актор преследует свою цель и решает несколько задач (столбец 2), сама общая конфигурация данного состояния системы (столбец 1) определяет характеристику осуществленной пересборки (столбец 3). Тем самым трехсторонняя модель трансформации может быть представлена наглядно в поддающихся верификации результатах.

Список литературы

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Политическая культура и политическая социализация // Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 156–186.
2. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. Т. 3, №77. С. 14–58.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
5. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Т. 1, №2. С. 137–150.
6. Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.
7. Ветренко И.А., Дубицкий В.В. Государственная языковая политика в контексте формирования политической идентичности граждан // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. №3. С. 368–374.
8. Горбачева Е.Н. Стратегическая перформативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. №3. С. 102–106.
9. Грязнова Ю.Б. Перформативные тексты в методологии науки : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.

10. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
11. Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. №2. С. 253–260.
12. Евстифеев Р. В. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. №4. С. 75–89.
13. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М., 2017.
14. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
15. Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. М., 2018.
16. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2014.
17. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. №4 (87). С. 6–22.
18. Марков А. В. Критическая теория. М., 2021.
19. Семенцов С. В. Санкт-Петербургская историческая агломерация – градостроительный объект мирового масштаба // Интернет-вестник ВолГАСУ. 2012. №1. С. 49–59.
20. Сосновская А. М. Концептуализация объекта всемирного наследия ЮНЕСКО: визуальная репрезентация Санкт-Петербурга поколением Z. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3994923 (дата обращения: 16.04.2022).
21. Сосновская А. М., Михайлов А. В., Орлова О. Ю. Нематериальное наследие и идентичность молодежи Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2018. №2 (110). С. 88–99.
22. Сосновская А. М., Потапова Е. Б. Трансформация идентичности: макро- и микроуровни исследования // Управленческое консультирование. 2021. №11 (155). С. 122–132.
23. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М., 2013.
24. Тюпа В. И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. 2017. №3 (42). С. 40–51.
25. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. №2. С. 35–40.
26. Шёнле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени. М., 2018.
27. Штиглиц М. С., Лаврухин А. Н. К вопросу об историко-культурном потенциале Санкт-Петербургской агломерации. На примере Сестрорецкого оружейного завода // Недвижимость: экономика, управление. 2019. №2. С. 61–66.
28. Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.; СПб., 2012.
29. Berger A. A. Media and Communication Research Methods: An Introduction to Qualitative and Quantitative Approaches. Los Angeles, 2014.
30. Fiske J., Jenkins H., Becker R. Television Culture. L., 2011.
31. Hall S. Old and New Identities, Old and New Ethnicities // Culture, Globalization, and the World System / A. D. King (ed.). L., 1991. P. 41–68.
32. Hall S., Evans J., Nixon S. Representation: Cultural Representation and Signifying Practices. L., 2013.
33. Mouffe C. The Democratic Paradox. L., 2009.

34. *Oevermann H., Mieg H.* Exploring urban transformations: Synchronic discourse analysis in the field of heritage conservation and urban development // *Journal of Urban Regeneration & Renewal*. 2015. Vol. 9, №1. P. 54–64.

35. *Žižek S.* Beyond Discourse Analysis // *New Reflections on the Revolution of Our Time* / E. Laclau (ed.). L., 1990. P. 249–260.

Об авторе

Анна Михайловна Сосновская — канд. филол. наук, доц., Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия.

E-mail: sosnovskaya-am@ranepa.ru

The author

Dr Anna M. Sosnovskaya, North-West Institute of management RANEPa, Russia.

E-mail: sosnovskaya-am@ranepa.ru

Чжао Юаньцзэ

КПСС И КПК: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

84

Сравнение идей, деятельности Коммунистической партии Китая (КПК) и партии, закончившей формально свою деятельность в России под именем КПСС, актуально с точки зрения анализа перспектив социалистического, коммунистического пути развития. При этом, на наш взгляд, важно учесть культурологический, историко-культурный аспекты такого сравнения. Методология исследования связана в данном случае именно с историческим описанием основных этапов развития, характера деятельности партии коммунистической ориентации в России и в Китае при историко-культурологической оценке известных фактов. Выводы статьи связаны с более европейским характером российского менталитета, более динамично-контрастными, тяжелыми событиями истории России как с серьезным фактором формирования и работы КПСС (в частности, этим объясняется фракционное движение, многопартийность как условие функционирования, жесткость политики и т.д.); в то же время стремление китайцев к гармонии, философичность их мышления, большая традиционность обуславливают меньшее количество фракций в КПК, по возможности «мягкое» сотрудничество с иными партиями (при небольшом количестве последних) и т.д. Гибкость мышления китайцев в условиях очень традиционной страны удивляет самым фактом «неожиданного» и эффективного, по сути, заменившего в определенный исторический момент правительство партийного движения. При том что в России так же «открытый» демократический процесс в начале XX в. возник как будто «с нуля», страна, будучи более европейской по менталитету, имела немалую традицию политической, политологической мысли европейского типа.

The comparison of the ideas and activities of the CPC and the party that formally ended its activities in Russia under the name of the CPSU is relevant for analyzing the prospects of the socialist, communist way of development. At the same time, in our opinion, it is important to consider the cultural, historical, and cultural aspects of such a comparison. The methodology of the research is connected in this case precisely to the historical description of the main stages of development, the nature of the activities of the communist party in Russia and in China with the historical and culturological assessment of known facts. The conclusions of the article are related to the more European nature of the Russian mentality, more dynamically contrasting, difficult events in the history of Russia as a serious factor in the formation and work of the CPSU (in particular, this explains the factional movement, multiparty system as a condition for functioning, the rigidity of politics, etc.); at the same time, the desire of the Chinese for harmony, the philosophic nature of their thinking, greater traditionalism cause a smaller number of factions in the CPC, possibly "soft" cooperation with other parties (with a small number of the latter), etc. The flexibility of Chinese thinking in a very traditional country is surprising by the very fact of the "unexpected" and effective, in fact, replacing the government of the party movement at a certain historical moment.

Even though in Russia, too, the "open" democratic process in the early XX century appeared as if "from scratch", it, being more European in mentality, had a considerable tradition of political thought of the European type.

Ключевые слова: Китай, Россия, КПК, РСДРП(б), КПСС, менталитет, социализм

Keywords: China, Russia, CPC, RSDLP(b), CPSU, mentality, socialism

Историческое объяснение сущности коммунистических, социалистических идей, актуальных и на современном этапе

«Сложный» вопрос коммунизма и даже социализма на современном этапе во многом обусловлен тяготением политико-экономических элит немалого числа стран к капиталистической модели развития. При этом, говоря «капиталистическая модель развития», многие более предполагают этап развития столь несовершенный (несовершенство в первую очередь обусловлено большим количеством средств производства в руках ограниченного количества частных лиц), что по-прежнему актуальна мысль о социалистическом, коммунистическом пути развития. Ясно, что любой путь социального развития будет сопряжен с теми или иными трудностями, обусловленными, в частности, свойствами менталитета, сложившейся исторической ситуацией (именно сложная историческая ситуация часто и вызывает серьезные изменения, ведущие к развитию) и т.д. Сами по себе трудности развития не означают необходимости отказа от идеалов, достижений, осознания проблем и продолжения пути. Например, апологетов «демократического рынка» в России, кажется, совсем не смущали огромные трудности, которые «на пути к настоящей свободе» переживала страна, не только разрушившая сложившиеся, исторически обусловленные социально-экономическую систему, связи, но и — как будто бы — даже мораль. Они громко говорили о репрессиях советского периода — до сих пор хорошо не изученных [10], «забывая» о том, что народ, доведенный до революции, нередко репрессирует через какие-то свои органы того, кто — что может быть довольно заметно — тормозит ход истории [8]. Репрессирует тем сильнее, чем сложнее социальная ситуация, чем сильнее страдают народные массы. Революции, к сожалению, вообще случаются не так уж редко. Неудивительно, что в России, с ее могучим народным духом, со сложным климатом, сложнейшим историческим путем, на котором эта страна всегда показывает умение справляться с тяжелыми проблемами — имея определенную миссию в мире, в начале XX в. вспыхнула революция, природу которой не до конца понял бы даже К. Маркс [7].

Социалистическое, коммунистическое, рабочее движение в этот период и позже, конечно, закономерно с точки зрения стремления народных масс к освобождению, к социальному переустройству, связанному с более справедливым распределением собственности. В России это движение на рубеже XIX—XX вв. выразилось в том числе в формировании Российской социал-демократической рабочей партии, закончив-

шей свою формальную историю под именем Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Конечно, подобное явление, которое оказалось способно выполнить роль мощного организующего начала первой в мире социалистической революции — десяти дней, которые потрясли мир [6], не может не носить «национальной окраски». Именно русский национальный дух помог РСДРП (б) в сложнейших условиях взять на себя организацию переустройства (при этом мы не оспариваем множества положительных качеств разных народов). Проявив огромную гибкость — в частности по причине необходимого для социального переустройства в эпоху Новейшего времени уровня знаний, образованности многих членов партии, РСДРП (б) проявила также и твердость в очень непростых условиях в стране, традиционно «деспотичной» (здесь уместно вспомнить «слоган» «Есть такая партия!») [4]. «Деспотизм», консолидировавший российскую культуру на протяжении столетий сложного (в первую очередь духовного) выживания, понадобился в данном случае для утверждения давшихся с таким трудом завоеваний Октября, в условиях враждебного капиталистического окружения. Что касается немалых знаний лидеров партии, соотносившихся с «тотальным» просвещением людей (например, в рамках марксистских кружков [13] или — позже — «культурной революции»), то здесь, безусловно, можно вспомнить о прекрасной образованности В.И. Ленина, об огромной библиотеке И. В. Сталина и мн. др. Заметим, что и эпоха Нового времени, связанная с возникновением научных знаний, порождала революции, в которых побеждал дух, выраженный в интеллекте, а не только в чувствах. Следует сказать, что до появления сильного «интеллектуального рычага» революции не побеждали... Философы-просветители обеспечили победу, например, Великой французской революции с переходом к прогрессивному тогда буржуазному укладу через глубокую интеллектуальную деятельность, откликавшуюся на потребности эпохи. Так же, как и апологеты социализма и коммунизма обеспечивали революции соответствующего характера через немалые интеллектуальные усилия, направленные на осмысление особенностей XX в. (здесь можно вспомнить и Че Гевару [14]).

Историко-культурологический анализ особенностей работы КПСС и КПК на протяжении их истории

Относительно партии, которая в конце концов получила название КПСС, работа фракций в ее русле, характер так называемой внутрипартийной борьбы до формирования «единой линии» объясняется и обуславливается:

- социальной природой партии как таковой;
- европейской природой русских, стремящихся к демократии;
- свободолюбивым духом русского народа, свободным поиском русского ума;
- огромной сложностью исторических моментов, задач, требовавших безусловного, практически военного единения.

Отсюда в какой-то момент и происходит консолидация, кажущаяся многим весьма искусственной, но таковой, на наш взгляд, по большому счету не являющаяся. Менталитет китайцев, их история, в свою очередь, во многом обуславливают деятельность, характер методов, реакцию на возникающие проблемы и прочее со стороны Китайской коммунистической партии. Здесь следует учесть, видимо, еще больший «деспотизм» при огромной исторической вертикали традиционной культуры, связанной с тем, что можно назвать даже самой древней государственностью в истории... [2]. Несомненно, следует учесть знаменитую тягу китайцев к гармонии, их умение ее достигать, в том числе в государственных вопросах, воспринимаемых патриотическими жителями Поднебесной практически как семейные, с глубоким чувством долга. Подобный набор качеств, по большому счету, обеспечивает Китаю его место в веках — так же как и великие качества России — несмотря на всю контрастность, многообразие ее социально-политического облика (во многом благодаря им!) — помогают удерживать ей роль миссионера в мире, важного связующего звена между Западом и Востоком.

В контексте социалистических тенденций, коммунистических идей, закономерно увлекающих умы людей в эпоху Новейшего времени, в контексте формирования соответствующих партий необходимо учитывать и культурные особенности страны, порождающей те или иные партии — чтобы необходимое сравнение их деятельности, рефлексия, прогнозы развития, возрождения были максимально адекватными в сложный период, который можно назвать ревизией, усилением капиталистической модели. Каждая эпоха имеет свои плюсы и минусы, современный этап, характеризуясь информатизацией, «разносящей» по миру по преимуществу негативную массовую культуру вместо научных знаний, глубокого, многогранного представления о различных культурах, долженствующих правильно «соединиться» в процессе глобализации, несмотря ни на что сохраняет возможность использования беспрецедентных каналов для передачи позитивной, прогрессивной информации. Роль и эффективность знаний в наше время может быть многократно выше, чем в XX в. Тем более важно адекватно проанализировать знаменитые партии левого толка в истории.

Касательно партий левого спектра скажем, что они, будучи принципиально народными, то есть отражающими по максимуму интересы народных масс (что во всяком случае доказывается как минимум достижениями в области социальной политики, вспомним, например, о знаменитом факте признания Всемирной организацией здоровья — отнюдь не носящей левого характера — здравоохранения Кубы как лучшего в мире [5]), носят закономерно массовый характер (не только и не столько потому, что людей туда «загоняют» или люди сами туда стремятся из чисто карьерных или «фанатических» целей — могут быть и иные причины). Такие «партии» на определенном этапе истории превращаются в «народный кулак», действительно народное движение.

В связи с правящей в преимущественно социалистической стране Коммунистической партией Китая (КПК), начавшей свою историю в

1921 г. при содействии Коминтерна, важно сказать о том, что начало ее правления связано с поражением партии консервативного толка Гоминьдан в ходе гражданской войны в Китае. Обратим внимание на то, что, несмотря на немалый консерватизм, свойственный национальному менталитету, китайцы проявили свойственную им социальную, культурную гибкость, в частности, в связи с партийным движением в XX в., в связи с социалистическими идеями, очень популярными в то время. Пусть Китай и был очень ослаблен в результате очень сложных социальных процессов на протяжении предшествующих нескольких веков (немалую роль здесь сыграло влияние Запада), серьезный выбор социалистической ориентации для страны, глубоко способной сохранять свою государственность, столь продвинутой в философской сфере, — важен. Речь идет о том, что социализм по понятным причинам нередко популярен в странах с низким уровнем жизни, но не только этим обусловлен политический выбор Китая в XX в. Отметим, что партия из «кружка», объединявшего левую интеллигенцию в Китае, довольно быстро превратилась в самую большую политическую партию в мире.

Интересен характер противостояния КПК с Китайской национальной народной партией (Гоминьдан), стремившейся в той или иной мере сохранить «старый» Китай. Успехи социализма в Китае (пусть не без помощи СССР, по поводу чего можно сейчас сказать, что социалистические страны по своей природе более склонны к интернационализму) показывают, что путь, пожалуй, был выбран верно, а Гоминьдан в целом менее соответствовал историческим потребностям страны, серьезно стремившейся к модернизации. Подчеркнем, что в России РСДРП («красные») также противостояла консерваторам («белым»), но скорее в лице правительства, чем заметной монархической партии. Сравнительный анализ позволяет сказать, что дело здесь в более значительном «лице» государственной власти в России в начале XX в., вокруг которого так или иначе объединялись сторонники «старой» России (сказалась традиционность страны, ее умение «прощать», отсутствие партийного центра объединения вокруг непопулярной консервативной идеи в свобододолюбивой стране). В Китае, имевшем больше проблем, консервативные политические тенденции оказались связаны именно с партией в условиях, когда правительство потеряло свое «лицо» (повлияла очень длительная и глубокая традиционность, приведшая к контрастной ситуации).

Что касается немалого количества партий в России в период начала партийного противостояния в этой стране (РСДРП в том числе противостояли социалистические партии — даже так называемые меньшевики, отколовшиеся от РСДРП), то это можно связать с более активными демократическими процессами в стране, которую следует назвать более европейской. Вообще в период серьезных, глобальных социальных изменений дискуссии вокруг дальнейшего пути становятся порой очень острыми, разнообразными и «неожиданными». Отметим, что — в том числе в силу политических традиций Китая, его менталитета — фракционная активность внутри правящей коммунистической партии этой

страны относительно невелика, это в том числе обеспечивает и более активное движение вперед. Менталитет страны, создавшей богатую культуру и сумевшей выжить в течение сложных тысячелетий истории традиционного общества, безусловно, связан с такими качествами, как терпение, названное умение формировать, сохранять гармонию (что важно в политике!); в Китае еще с родоплеменной эпохи сохранился (при неактивном развитии «обычных» религий) своеобразный культ предков, семьи — что тоже повлияло на характер государственности, патриотизма и т.д.

Что касается — тоже достаточно традиционной, умеющей консолидироваться вокруг своих традиций — России, то менталитет, носящий более европейский характер, большая открытость, смелость позволяют этой стране масштабно, неожиданно для многих «экспериментировать»... Это более рискованно, но, во-первых, часто необходимо в истории России (отчего и сформировались перечисленные качества), во-вторых, демонстрирует «применение» необходимого европейского менталитета в конкретных социально-исторических условиях. Так что сказать, что Россия «рубит с плеча», пренебрегая гармонией, пожалуй, нельзя. Просто мир, жизнь, гармония сложнее, чем «отдельно взятая» — пусть даже выдающаяся — национальная культура. Безусловно, отмеченные закономерности так или иначе выражались в особенностях функционирования партий социалистической, коммунистической ориентации в России и в Китае.

Если возвращаться к противостоянию с Гоминьданом, оно, при всей сложности, большой проблемности политических моментов в XX в. в Китае, носило своеобразно «аккуратный», максимально «гармоничный» и целесообразный характер, что во всяком случае видно по «облику» исторических этапов развития Коммунистической партии в Китае:

- Первый объединенный фронт (1922–1927) представляющий собой период альянса с Гоминьданом против милитаристов;
- создание советских районов, а позднее Советской республики в Китае (1927–1937) — борьба с Гоминьданом за власть в стране;
- борьба с японской агрессией — создание Второго объединенного фронта (1937–1945) — совместная с Гоминьданом борьба против японцев;
- гражданская война в Китае (1946–1949) — война с Гоминьданом, в результате которой победили коммунисты.
- после основания Китайской Народной Республики (после 1949 г.) — период развития КПК как правящей партии Китая.

Само наличие партии в очень традиционном Китае в XX в. показывало демократические, отражавшие чаяния эпохи тенденции. Стремление Гоминьдана объединить страну (в частности, в противостоянии более либеральной Демократической прогрессивной партии), достижение этой цели делало Китайскую национальную народную партию также очень популярной. Во всяком случае она соответствовала важному пониманию патриотизма китайцами, чего не могли не учитывать коммунисты.

Идеология КПК как отражение менталитета китайцев

Важно отметить, что идейная, идеологическая самостоятельность Китая, обусловленная его культурой и связанная с работой КПК, проявляется в комплексе идейных линий, моментов, гармонично соединяющихся в идеологии правящей коммунистической партии в стране. Быть может, не без деспотических тенденций склонность китайцев к гармонии, обеспечивающейся терпением, своеобразным эстетизмом, глубоким философским подходом, помогла соединить разные взгляды на развитие страны в Новейшее время, основываясь на:

- важных постулатах марксизма-ленинизма;
- идеях Мао Цзэдуна, соответствовавших жесткой эпохе и менталитету китайцев;
- теории Дэн Сяопина [11] («социализм с китайской спецификой», инициация экономических реформ в Китае, ставшем частью мирового рынка, – отметим, что этому способствовал человек, даже не являвшийся формально руководителем страны);
- «теории трех представительств» Цзян Цзэминя [9] (передовых производительных сил, передовой культуры, коренных интересов самых широких слоев населения – тенденция, похожая на российскую тенденцию эпохи Л. И. Брежнева, когда важный для революционного периода социализма классовый принцип заменился на принцип «единой общности – советского народа», отраженный в Конституции 1977 г.; благодаря идеям Цзян Цзэминя была открыта возможность для вступления в Компартию представителей средней и крупной буржуазии Китая);
- «научной концепцией развития» Ху Цзиньтао (соотносил социалистические идеи с общефилософскими, общекультурными идеями китайской цивилизации: «Человек превыше всего, необходимо уважение человеческого достоинства и ценности человека», «Следует идти в ногу со временем, постоянно самосовершенствоваться», «Важны социальная гармония, сплоченность», «Важны добрососедские отношения» [1]);
- идеям Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи [12].

КПК успешно ведет общество к прогрессу – что во всяком случае заметно по вторым в мире макроэкономическим показателям, по характеру и уровню развития образования в Китае, характеру взаимоотношений между зрелыми и молодыми людьми и т. д.

Перспективы России и Китая в связи с идеями интернационализма

В связи с интернациональной помощью, интернациональными связями КПК, коммунистическими, социалистическими идеями в Китае на протяжении истории их развития можно еще раз сказать, что сама природа подобных идей как более прогрессивная по отношению к политическим идеям, так или иначе связанным с крупным частным капи-

талом, порождает интернационализм в хорошем смысле этого слова, что особенно важно в эпоху глобализации и что было присуще также деятельности КПСС, политике Советского Союза в целом. Отметим, что Россия в постсоветскую эпоху своего развития продолжает важную тенденцию интернационализма как особого выражения гуманизма — особенно важного на современном этапе активных межкультурных связей. Пример с Сирией показывает не только понимание Россией в качестве значимого геополитического игрока необходимости правильного вмешательства в мировую политику для достижения необходимого баланса, но и человечность интернациональной политики данного государства [3]. Вообще Россия, «экспериментирующая» в истории, далеко не сказала своего последнего слова о социализме — об этом во всяком случае говорят результаты референдума 1991 г. о сохранении СССР, об этом говорит большая симпатия россиян, живших в советскую эпоху, к советскому времени.

Список литературы

1. Бодрова О.И. Опыт Китая в построении культуры «гармоничного мира» // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2013. №3. С. 139–144.
2. Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
3. Генифе П. Французская революция и террор // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: Итоги юбилея. М., 2000. С. 68–87.
4. Епифанов А.С. Формирование организационных и идеологических основ социал-демократического политического движения в России в начале XX в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. №1 (5). С. 116–125.
5. Куба признана страной, где лучшая в мире медицина // Аргументы недели. 30.03.2012. URL: <https://argumenti.ru/health/2012/03/167469> (дата обращения: 30.06.2022).
6. Ленин Н. Предисловие к американскому изданию // Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=68961&p=1> (дата обращения: 30.06.2022).
7. Луценко А.В. К. Маркс и А. Богданов о революции в России // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. №52. С. 114–120.
8. Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. №2. С. 145–172.
9. Мозиас П.М. О некоторых политико-идеологических аспектах рыночной модернизации в Китае // Общество и государство в Китае. 2010. №1. С. 182–298.
10. Является ли сталинизм болезнью? : прямой эфир открытой студии Радио «Комсомольская правда». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P6tMf8qFWVw> (дата обращения: 30.06.2022).
11. Реззенова Д.Б. Основные принципы и сущность реформ Дэн Сяопина // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. №6. С. 189–193.
12. Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК по докладу Центрального комитета КПК 18-го созыва // XIX Всекитайский съезд Компартии Китая. 25.10.2017. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1025/c31521-9285013.html> (дата обращения: 30.06.2022).

13. Чебаков Р. К. Марксизм и его развитие в России // Культура. Духовность. Общество. 2013. №8. С. 125–130.

14. Экономические, политические и философские идеи Эрнесто Че Гевары // Пропаганда. 16.06.2009. URL: <http://www.propaganda-journal.net/1131.html> (дата обращения: 30.06.2022).

Об авторе

Чжао Юаньцзэ – ст. преп., Ганьнаньский педагогический университет, Китай.
E-mail: zhaoyuanze@mail.ru

The author

Zhao Yuanze, Gannan Normal University, China.
E-mail: zhaoyuanze@mail.ru

М. А. Шепелев

ФЕНОМЕН ЭРИКА ЗЕММУРА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Рассматриваются особенности мировоззрения и политических взглядов кандидата в президенты Франции Эрика Земмура – крайне правого националиста, популярность которого стала главным политическим сюрпризом избирательной кампании 2022 г. Раскрывается отношение Земмура к ключевым проблемам исторической политики и современной французской политической повестки дня – таким как кризис идентичности, тотальный нигилизм, феминизация политики, его отношение к Германии, США, НАТО, ЕС, России, а также его взгляды по украинскому вопросу.

93

The article examines the peculiarities of the worldview and political views of French presidential candidate Eric Zemmour, an extreme right-wing nationalist whose popularity came as the main political surprise of the 2022 election campaign. The article reveals Zemmour's attitude towards the key issues of historical politics and the current French political agenda, such as identity crisis, total nihilism, feminization of politics, his attitude towards Germany, the USA, NATO, the EU, Russia and his views on the Ukrainian issue.

Ключевые слова: президентские выборы 2022 г. во Франции, Эрик Земмур, Франция, Европа, национал-консерватизм, голлизм

Keywords: French presidential election 2022, Eric Zemmour, France, Europe, national conservatism, Gaullism

Когда эта статья выйдет в печать, наверняка итоги президентских выборов во Франции будут уже известны. Но независимо от своих конкретных результатов избирательная кампания 2022 г. уже стала знакомым явлением не только французской, но и европейской политики. Во многом она обязана этим 63-летнему Эрику Земмуру – политическому журналисту, давно сотрудничающему с «Le Figaro», автору ряда публицистических книг на острые политические и исторические темы. Этот крайне правый националист, даже более радикальный, чем Марин Ле Пен, позиционирующий себя как приверженец классического голлизма XX в., но на самом деле скорее сторонник идей Шарля Морраса конца XIX в., буквально ворвался в «высшую лигу» французской политики. Получив впервые 5,5 % голосов 9 июня 2021 г. по опросу Ifop, он стремительно поднялся до 17 % в опросе Harris Interactive, представленном 6 октября, что позволило говорить о его способности выйти во второй тур, опередив Марин Ле Пен. В дальнейшем в ходе кампании разные социологические службы давали ему от 12 до 17 % голосов избирателей. Но интерес к феномену Земмура, сторонники которого объединились в рядах движения «Реконквиста» (Reconquête), связан даже не столько с его политическим успехом, сколько с отстаиваемыми им

идеями, едва ли не уникальными для современной Европы, но приобретающими все большую популярность во Франции. Раскрытие особенностей этого интеллектуального и политического феномена и является целью статьи, написанной на основе анализа текстов основных трудов Эрика Земмура [2–6].

Кто такой Эрик Земмур?

Эрик Земмур происходит из семьи еврейских переселенцев из бывшего французского Алжира, всегда идентифицировавших себя с Францией и французской культурой. Он говорит о своей семье: «Мы были французами с тех пор, как в 1870 г. декрет Кремье предоставил французское гражданство всем евреям Алжира» [2]. Рассказывая о своем детстве и юности, он пишет в одной из книг: «История Франции текла по моим венам, наполняла воздух, которым я дышал, формировала мои детские мечты; я никогда не думал, что буду последним поколением, которое вырастет таким». Несомненно, что это чувство потери родины — французского Алжира — повлияло на политические взгляды Земмура: ныне он поддерживает теорию о «великом замещении» французского населения иммигрантами как главной угрозе, стоящей перед нацией, и считает, например, что «назвать своего ребенка Мохаммедом — значит колонизировать Францию».

Земмур — несомненно, высокий интеллектуал и эрудит, обладающий широким панорамным и образным мышлением, свободно оперирующий в историческом пространстве и времени. Так, для него Франциск I — это «наш Кеннеди», а «Диана де Пуатье — его Мэрилин Монро». В Кеннеди он видит «первого президента эпохи имиджа» [2], за которым — лишь провалы типа инцидента в «заливе Свиней», взрывоопасный «ракетный кризис» и отправка войск во Вьетнам.

И он восхищается Никсоном — последним президентом США, продолжавшим линию «нового курса» Франклина Рузвельта. Его поражение и победу Кеннеди на президентских выборах 1960 г. Земмур прямо связывает с «мошеничеством мафии». В 1969 г. Никсон смог взять реванш и «мобилизовать молчаливое большинство против прогрессистов шестидесятых, глубинную Америку против молодой элиты восточного и западного побережья» [5]. Но затем был спровоцирован Уотергейт — реванш против Никсона, против белого мужчины, расиста и мачо, месть интеллигенции, студентов, феминисток, расовых меньшинств и массмедиа против всеобщего избирательного права. «Никсон был отстранен от власти, не проиграв выборы. Президент главной державы планеты, человек, который сумел вывести Америку из войны во Вьетнаме, инициировал великий разворот союзов с коммунистическим Китаем и вскоре остановит войну Йом-Кипур, рисковавшую перерасти в ядерный конфликт, а также человек, свергнувший Сальвадора Альенде в Чили одним щелчком пальцев, этот человек, олицетворяющий абсолютную власть, вынужден покорно вымаливать снисхождение у нескольких назначенных им судей. Это Людовик XVI на эшафоте. Десакрализация» [5].

Есть у Земмура и другие интересные параллели. Вольтер для него — это «грамотный де Фюнес, де Фюнес в величии; де Фюнес в халате и парике, увенчанном патриаршей шапочкой», а Жан-Жак Руссо — «наша первая рок-звезда». По его словам, «каждой рок-звезде нужен знаковый соперник, систематический оппонент: у Beatles были Rolling Stones, у Руссо — Вольтер» [2]. При всей экстравагантности такого сравнения Земмур обращает внимание на схожесть исторических ситуаций: «Глобализация и нация, открытость и замкнутость, универсализм и национальные предпочтения, космополитизм и патриотизм, свободная торговля и протекционизм, Европа и национальный суверенитет, ксенофобия и ксенофилия — все эти темы, которые волнуют и разрывают нас сегодня, волновали и разрывали Вольтера и Руссо вчера. В тех же терминах, в тех же контекстах, что и нас» [2].

Земмур высоко оценивает политику Ришелье, победа которого, по его словам, «восстановила центральную роль Франции в Европе». Его «великую европейскую политику» блестяще продолжил Мазарини, заключив Вестфальский договор в 1648 г. Суть этой политики Земмур видит в том, чтобы «отвоевать Германию у Габсбургов». Он пишет: «"Объединить всё во Франции и разделить всё в Германии" — вот урок, который должен был преподавать каждый из наших дофинов и королей, чтобы дать Европе французский мир». Тогда Франция считала, что она навязала свою политическую, военную и культурную гегемонию, но, как отмечает Земмур, «французы выиграли сражение; они не знали, что проиграют войну» [2].

Франции как «Новому Риму потребовалось всего три года, чтобы найти свой Карфаген»: приняв в 1651 г. «Навигационный акт», Англия получила возможность господствовать на морях, и вскоре между Англией и Францией началась борьба за мировое господство. Как пишет Земмур, «Англия начала новую "Столетнюю войну" против Франции: семь войн с 1689 по 1815 год» [6].

Поворотным пунктом трагической судьбы Франции он считает 1763 г. — дату заключения «зловещего» Парижского договора, ставшую «похоронным звоном для мировых амбиций Франции». Попытка исторического реванша, предпринятая Наполеоном, оказалась безуспешной, но Земмур всегда преклонялся перед Наполеоном. Вспоминая свои детские годы, когда он увлекся исторической литературой, Земмур пишет: «Я оплакивал поражение Великой армии как смерть матери, а бегство императора — как высшее унижение отца» [2].

В дальнейшем Франция стала, как он считает, «послушной игрушкой своих англосаксонских союзников». В 1914 г. она служила преторианской гвардией британской имперской власти, которая была потеснена на мировых рынках промышленным, научным и торговым динамизмом Германии. Весь межвоенный период в его глазах — следствие поражения Клемансо от двух его союзников — американца Вильсона и англичанина Ллойд Джорджа.

Кстати, редким свидетельством весьма глубоких исторических познаний Земмура являются его слова о том, что «Сталин никогда не

представлял себе Германию коммунистической. Он был бы рад, чтобы она оставалась "буржуазной демократией" при условии, что она будет демилитаризована и станет нейтральной, как Австрия. Американцы упрямо отказывались, предпочитая разрезать Германию на две части и передать Пруссию русским, чем отдать бриллиант своего рейнского завоевания. Это был все тот же старый вопрос о Западе, о Лотарингии, за которую шла упорная борьба на протяжении тысячи лет и который не был решен со времен Верденского договора в 843 г., о Рейнской области и Северной Италии, которые были поставлены на карту в европейской и мировой геополитике с момента падения Римской империи». Земмур даже прямо говорит, что «если бы граница между Востоком и Западом проходила по Рейну, у советской империи, вероятно, было бы больше шансов на успех» [6].

Вопреки господствующим в современной исторической науке представлениям он не столько противопоставляет друг другу Петэна и де Голля, сколько видит в них обоих противников того мира, который был создан «маем 1968 года». Он не рассматривает вишистский режим изолированно от предыдущей и последующей фаз французской истории, утверждая, что «Виши до Виши» проявлялся в авторитарном повороте Третьей республики в конце 1930-х гг., а «Виши после Виши» — во время Освобождения и в 1958 г., когда вернулся генерал де Голль. По его мнению, «и Петэн, и де Голль стремились к синтезу между либеральным и социалистическим порядком, между правыми и левыми ценностями, между национальной и социальной реальностью. Между националистическим маррассизмом (идеи Шарля Морраса. — *М. Ш.*) и христианским персонализмом» [2].

Устроенная после Освобождения Франции в 1944 г. чистка коллаборационистов выглядит в его глазах как «кровавый договор, который де Голль вынужден заключить с коммунистами, подобно тому, как Наполеон был вынужден казнить герцога Энгиенского, чтобы заручиться поддержкой якобинцев-рецидивистов накануне своей императорской коронации». Благодаря этому коммунисты, взяв под контроль школы, университеты и культуру, смогли сформировать мозги поколения, которое два десятилетия спустя назовет де Голля «фашистом» и «петэнистом» [2].

По мнению Земмура, и де Голль, и Петэн делали все возможное, чтобы сохранить место Франции в концерте великих держав, «прекрасно понимая, что делает другой», но они оба потерпели неудачу. «Они оба преследовали иллюзию: иллюзию власти для Петэна, иллюзию величия для де Голля». В представлении Земмура современная Франция была выкована совместно, вне идеологической ненависти и противостояния, Петэном и де Голлем, и затем разрушена новым поколением, отцами-покровителями которого они были — знаменитым поколением «бэби-бума», ставшим неблагодарным поколением 1968 г. Оно начало с оскорблений в адрес двух своих наставников, а «чтобы отбросить де Голля, который в то время находился у власти, левая молодежь приравнивала его к Петэну».

Согласно Земмуру, Франция, созданная в 1930–1950-е гг., была разрушена в культурном плане в 1968 г., а в экономическом — в 1983 г., в результате великого европейского и либерального поворота влево. С ним вернулось все то, что осуждалось и против чего боролись те «нонконформистские» элиты, которые в итоге построили современную Францию: экономический либерализм, партийная система, индивидуализм, интернационализм, пацифизм, подчинение Франции англосаксонскому союзнику (Америка заменила Англию), увлечение успехами Германии, освящение Европы во имя мира, господство финансов и презрение к промышленности, вплоть до смерти «французского качества», побежденного в театре, кино и телевидении бульварными, голливудскими постановками и примитивностью массовой пошлости.

Вместе с тем Земмур критически оценивает отказ де Голля поддерживать войну в Алжире в израильском стиле во имя своей «великой внешней политики». По его мнению, человек, олицетворявший честь и величие Франции с 18 июня 1940 г., променял исконные и мужественные ценности французской армии на прозаичность экономического развития и потребительский материализм. Через несколько лет он был наказан гедонистическим бунтом изнеженного и опекаемого поколения, которое он же избавил от ужасов войны, но которое отказалось «влюбиться в темпы роста», а привилегированные отношения с «африканскими клиентами» во имя «великой внешней политики» способствовали проникновению африканского населения на территорию бывшей метрополии. А затем Эвианские соглашения 1962 г. открыли двери Франции для алжирских арабов, которым генерал хотел запретить въезд, отказавшись для этого от Алжира. «В конце концов, они (арабы-мусульмане) одержали верх над Сустелем и де Голлем. Контробщество постепенно формирует контрнарод в рамках контрколонизации» [2].

Характер политических взглядов Земмура проявляется также в его восхищении «антифеминистом» и «антиисламистом» Ж.-Б. Боссюэ, крупнейшего католического мыслителя эпохи абсолютизма и Контрреформации. Для Земмура Боссюэ олицетворяет Церковь, сопротивляющуюся «протестантизации» католичества, не стыдясь нетерпимой жесткости своего прошлого или благодатности своих обрядов. Протестантизм — это лобовая атака на единство Царства и на Церковь. По мнению Земмура, «каждый раз, когда один из наших "провидцев", от Наполеона до де Голля, через Луи Наполеона Бонапарта или Клемансо, брал судьбу страны в руки, он возвращался к учению Боссюэ: концентрация и сакрализация власти» [2]. Публицист жалеет, что наша эпоха больше не понимает и не признает Боссюэ и освященный им социальный и идеологический антифеодальный союз между королем и буржуазией, между государством и третьим сословием, который создал Францию. Он констатирует, что «наша прогрессивная современность вновь открыла для себя устаревшие прелести феодализма, которые Боссюэ и его современники с облегчением и гордостью развеяли» [2].

Неожиданно резкой критике Земмур подвергает Виктора Гюго, обвиняя его в том, что он «выковал абсолютное оружие, оружие массового поражения: сострадание». Земмур сравнивает Гюго с Робеспьером: оба они преследуют одну цель — «создание возрожденного человечества», только «Неподкупный» пытался достичь ее с помощью гильотины, а гениальный поэт и писатель достиг с помощью любви. Его проповедь любви «ко всем убийцам и, более того, ко всем девиантам» потрясла основы французского общества, уже потрясенного революцией. Отсюда — предпочтение воспитанию перед наказанием, стремление «судить не по закону, а по совести» и т. д. В результате «мы живем в мире, о котором мечтал Виктор Гюго. Мир свечей, которые отвечают ножам. На слова "Ты не получишь моей ненависти" отвечают "Аллаху акбар". Христианская мечта гениального поэта стала нашим кошмаром» [2]. При чем худшее еще впереди.

Земмур вспоминает, что в школьные годы и родители, и учителя приучали детей к соблюдению норм светской культуры, заставляя снимать еврейский головной убор при выходе из школы: «Школа, как и дом или синагога, была частной; на улице не должно было происходить ни малейшего утверждения религиозной идентичности». Упоминание о том, что «во Франции эмансипация евреев, провозглашенная революцией (и королем Людовиком XVI!), была оформлена Наполеоном после знаменитого заседания Синедриона в 1807 г.», Земмур говорит, что Наполеон «призвал евреев считать других французов "братьями", а Париж — своим новым Иерусалимом». По словам Земмура, «я просто остался верен этому императорскому предписанию» [2]. При этом, называя себя «французом еврейского обряда и католической культуры», он подчеркивает свое дистанцирование от современного христианства, которое в последние десятилетия, после Второго Ватиканского собора, превратилось в «безумную машину для любви к Другому, кем бы он ни был и каковы бы ни были его намерения».

«Франция умирает»

Земмур говорит о глубоком кризисе идентичности, который он ощутил уже в конце 1980-х гг., когда «уже начали шептаться, что во многих пригородных средних школах подростки отказываются изучать "ваш" Холокост, "ваш" крестовый поход, но также и "вашего" Вольтера, "вашего" Флобера, "вашу" Французскую революцию...» [6]. Тогда он понял, что «в этой прекрасной стране Франции что-то не так». Эти процессы лишь усугубились, так что сегодня, по его убеждению, на французской земле на карту поставлено идеологическое противостояние двух различных и традиционно соперничающих цивилизационных систем.

Земмур с большой обеспокоенностью говорит о наступлении тотального нигилизма, отрицающего не только нации и границы, но и роль великих личностей, изображаемых в виде «узурпаторов, которые тиранят социальные массы». Хронология тоже оказывается устаревшей

концепцией — даты ничего не значат. По словам Земмура, «современный историк стремится избавиться от роли историка; он рассматривает историю как иллюзию, которую нужно деконструировать; он мечтает стать антропологом или социологом» [2]. В результате на основе разрушенного исторического нарратива была создана «разрушенная нация» с разнообразными историями — история французов, но не история Франции.

Нынешняя Франция — это «Потёмкинская республика», где «всё сделано из картона» и «всё фальшиво», страна, жители которой больше не знают, куда идут, потому что больше не знают, откуда они пришли, которых учат любить то, что прежде ненавидели, и ненавидеть то, что прежде любили. Все границы упразднены, все есть все, нет больше священного и профанного, частного и общественного, родного и чужого, чистого и нечистого. Нет больше мужчины и женщины. Это общество беспорядка, которое вытеснило общество порядка.

Начало этого процесса Земмур видит в мае 1968 г., который «стал для голлистской республики тем же, чем 1789 г. был для капетинской монархии: великим развенчанием» [2]. Но если 1789 г. был революцией народа против монарха и дворянской и клерикальной аристократии, то май 1968 г. стал революцией общества против народа. Победившее общество поработило государство, привязав его к себе, и дезинтегрировало народ, лишив его национальной памяти посредством декультурации и разрушив его единство посредством иммиграции.

Следующим этапом стал Маастрихтский договор 1992 г., означавший «отказ от национального суверенитета в пользу брюссельского бюрократического монстра», а за ним наступил третий этап — Лиссабонский договор 2007 г. Он воспроизвел основные положения проваленного за два года до этого французами и голландцами на референдуме проекта Европейской конституции и означал «смерть народного суверенитета». На самом деле, с точки зрения Земмура, это была конституция «Священной американской империи германских народов». Он обращает внимание на то, что во время избирательной кампании по проведению французского референдума тогдашний президент Еврогруппы Жан-Клод Юнкер предупредил с шутливой откровенностью, смешанной с цинизмом: «Если будет "да", мы скажем: так мы продолжаем; если будет "нет", мы скажем: мы продолжим» [6].

Прежде на президентских выборах «французы выбирали своего короля всеобщим голосованием», теперь они выбирают лишь «регионального губернатора», подчиняющегося приказам из Берлина, Брюсселя, Нью-Йорка или даже Пекина, но не из Парижа. Большинство французской элиты сдались, отказавшись не только от доминирования в Европе, но вообще от национального суверенитета и независимости во имя европейского проекта. Но «смерть французской Европы должна была увлечь за собой всю Европу».

Франция приходит к концу: правые предают ее во имя глобализации и «неправильно понятой свободы, которая угнетает слабых и усиливает сильных», а левые — во имя республики и равенства «между

родителями и детьми, которое убивает воспитание; между учителями и учениками, которое убивает школу; равенство между французами и иностранцами, которое убивает нацию» [2]. Правые отказались от государства во имя либерализма; левые отказались от нации во имя универсализма.

В представлении Земмура нынешний этап в истории Франции — это сочетание экономического «мая 1940 г.» и подготовки религиозной войны, перемежающейся периодическими протестами против государства, которое высмеивают, презирают и очерняют, но по которому в наших сердцах сохраняется болезненная ностальгия по его былому величию. Земмур отмечает, что «именно в пылающем огне Религиозных войн XVI в. наша интеллектуальная и политическая элита выковала принципы суверенитета, чтобы навязать умиротворяющий закон государства религиозным догмам, заливавшим страну кровью; наш Левиафан был украшен великолепием абсолютной монархии династии Бурбонов; Франция навязала эту модель всей Европе Вестфальским договором 1648 г. Именно это тысячелетнее наследие мы выбросили за сорок лет. Мы упразднили границы; мы отказались от суверенитета; наши политические элиты запретили Европе ссылаться на свои "христианские корни". Это тройное отступничество разрушило тысячелетний договор Франции с ее Историей; это добровольное лишение, это преднамеренное самоубийство возвращает бури, которые мы когда-то предотвратили, великие вторжения и религиозные войны» [5].

В нынешних условиях, когда государство — «лишь пустая оболочка», нужен Кольбер или Помпиду, чтобы утраченная индустрия восстала из пепла, и нужен Ришелье, неустанно борющийся против "государства в государстве" и "иностраных партий", чтобы разрушить исламские Ла Рошели, которые строятся по всей стране. Но вместо этого «арабские принцы Персидского залива заменили герцога Бекингема, и мы принимаем их с распростертыми объятиями и сияющими глазами, как очарованная Анна Австрийская» [5]. Увы, Миттеран был последним отцом нации. Земмур вспоминает его слова: «После меня больше не будет великих президентов», отмечая, что это была констатация факта без всякого притворства. «Ширак уже был лишь сочувствующим старшим братом» [5].

«Идеология глобализации, антирасистская и мультикультуралистская, в XXI в. станет тем, чем был национализм в XIX в. и тоталитаризм в XX в., — мессианским прогрессивизмом, который способствует войне; мы перенесем войну между нациями на войну внутри наций. Это будет союз "мягкой торговли" и гражданской войны» [5]. Но он совершенно невыгоден Франции.

Прежний универсализм, европейская и глобальная открытость французской элиты, которые позволили Франции распространить своих солдат и свои идеи, когда она была «Китаем Европы», теперь, когда она составляет всего 1 % населения мира, оборачивается против нее. «В мире 1900 г., где европейское население в четыре раза превышало африканское, универсализм был завоеванием и колонизацией Африки Ев-

ропой во имя цивилизации. В мире 2100 г., где население Африки будет в четыре раза превышать население Европы, универсализм будет (уже является) завоеванием и колонизацией Европы Африкой во имя прав человека», — отмечает Земмур [2].

Особенно его беспокоит исламизация, поскольку он считает ее принципиально несовместимой с европейской либеральной и демократической традицией: «Ислам — это своего рода коммунизм с Богом», — утверждает Земмур. Это эгалитарная система — по крайней мере, среди мужчин-мусульман, — которая управляет, защищает, контролирует и наблюдает за повседневной жизнью народа. В этом и заключается, по его мнению, весь вопрос примирения между исламом как религией, которая требует подчинения божественному порядку и хочет быть одновременно гражданским кодексом и образом жизни, и демократией в западном понимании, которая предполагает рациональных граждан, свободных от любых догм, даже если они остаются привязанными к вере.

Германия — «наследственный враг»

Ностальгически вспоминая о высоких амбициях Франции по установлению «римского мира» в Европе, Земмур констатирует, что современные французы больше не хотят этого знать или стыдятся этого, отождествляя себя с «маленькой галльской деревней, которая все еще сопротивляется захватчику». Но для Земмура по-прежнему актуален тысячелетний западный вопрос, поставленный после Верденского раздела империи Карла Великого в 843 г.: «Кто из трех внуков и сыновей их сыновей восстановит единство империи, коронует императора Запада?»

Европейскую историю XIX в. он представляет как медленный, но непреодолимый процесс принятия Германией «факела объединения европейского континента из ослабевших рук Франции, потерпевшей поражение при Ватерлоо». Подражая Франции, которой немцы восхищались и которую ненавидели во всех отношениях, Берлин тоже в конечном итоге стремился стать новым Римом.

Напоминая, что вопрос о европейском федерализме поднимался с самого начала строительства Европы, Земмур подчеркивает: «Его отвергли генерал де Голль, Маргарет Тэтчер. Он был отвергнут французским и голландским народом на референдумах 2005 г. Европа не является нацией. Нет солидарности между немцами и греками, между французами и испанцами, между голландцами и поляками. "Европа — это только географическая реальность", — говорил Бисмарк, когда объединял Германию» [4]. Европа — прежде всего поле борьбы за господство.

Когда генерал де Голль говорил о франко-германской паре, которую он образовал с канцлером Аденауэром, он насмешливо отметил: «ФРГ — это лошадь, а Франция — жокей». Теперь роли поменялись местами, и по всем вопросам Франция подчинилась диктату Германии,

оцепенев от исторической ответственности стать нарушителем примирения с наследственным врагом. Историческое сочетание объединения Германии, расширения ЕС и единой валюты позволило Германии превратить весь континент в огромную платформу для своей меркантилистской модели. Земмур видит основу «фундаментального конфликта между Францией и Германией» в противоречии между свободой торговли и протекционизмом. По его словам, «это всегда одна и та же ссора, от Наполеона до де Голля: в то время как Германия позиционирует себя как огромный Ганзейский союз, французы «все еще испытывают неосознанное искушение поставить в Гамбурге солдат Даву» [4], наполеоновского маршала, который первым вошел в Берлин.

Если Франсуа Миттеран думал, вводя евро, что он «привязывает Германию к Европе», на самом деле оказалось, что он привязал Европу к Германии, которая использовала единую валюту для уничтожения конкуренции французской и итальянской промышленности, лишенной «денежной защиты» перед лицом немецкой машины. Зато когда в 2007 г. Франция хотела создать свою экономико-стратегическую модель «аутсорсинга» в виде Союза Средиземноморья, в котором страны Магриба должны были играть для Франции ту же роль, что Центральная и Восточная Европа — для Германии, Берлин отверг любую структуру, созданную вне институтов ЕС.

В итоге Франция сохранила видимость суверенитета, получая удовольствие от разрушения формы своего бывшего величия; Германия каждый день заново открывает для себя его реальность, при этом подчинив Европу. И пока французская дипломатия рассуждает о возникновении многополярного мира, Германия спокойно реализует эту концепцию на практике. «Германию интересует только ее место в глобализации, среди великих завтрашних стран — Китая, Индии, России, Бразилии. Кто платит, тот и командует — таков ее девиз» [4]. Поэтому единственное основание для французского оптимизма — начало конца глобализации.

В прошлом Германия нуждалась во Франции, чтобы стать «презентабельной» и восстановить свои позиции в Европе, а Франция потянулась к своему бывшему «наследственному врагу», чтобы сделать его своим «архимедовым рычагом», но теперь Германии больше не нужна Франция, чтобы быть респектабельной, а рычаг Архимеда больше не работает или работает против французов. Расхождения интересов стали более многочисленными, чем сближения, так что знаменитая «франко-немецкая пара» больше, чем когда-либо, является мифом.

Земмур отмечает, что Франции не принесло никаких дивидендов сближение с Германией во время второй войны в Ираке в 2003 г.: французы оказались тогда в меньшинстве в новой, расширявшейся Европе, и Франция не смогла предотвратить все эти расширения Союза, которые уводили его все дальше от естественной для нее «галло-римской» сферы влияния. В итоге, по его образному сравнению, «континентальная блокада» разрушалась под ударами всеобщей свободной торговли «глобализации» [6].

Также Земмур говорит об опасности оттеснения Франции на второй план «союзом между немцами и русскими», который был создан канцлером Шрёдером, согласившимся построить газопровод по дну Балтийского моря, чтобы связать две страны напрямую и избежать пересечения Украины, Польши и стран Балтии. Это напоминает Земмuru «конец XIX века, когда цари, сами германского происхождения, подчинили бурно развивающуюся российскую экономику модернизирующей власти немцев» — при том, что обе страны «когда-то мечтали объединить континент ради собственной выгоды» [6].

«Спустя столетие после начала Первой мировой войны мы ратифицируем план немецких правителей, задуманный Вильгельмом II, который уже предусматривал объединение континента вокруг германского гегемона», — пишет Земмур [4]. Чтобы избежать этой роковой участи, Франции придется избавиться от евро, подтолкнуть свои последние национальные компании к созданию внеевропейских альянсов, чтобы противостоять германской державе и заново соткать ткань своего государственного капитализма.

Зачем меняться ради перемен?

Земмур — классический консерватор. Он отвергает «прогресс», требующий от закона вновь и вновь приспособляться к желаниям и прихотям наших современников. Вместо того чтобы «меняться ради перемен», почему бы не похвалить консерватизм? — вопрошает Земмур, обращаясь тут же к словам британского премьер-министра XIX в. Дизраэли: «Я консервативен, потому что сохраняю то, что хорошо, и меняю то, что плохо». Исходя из этой установки Земмур задает риторические вопросы: зачем разрушать то, что хорошо, в угоду лобби и интересам? Зачем отказываться от уважения к достоинству человеческой личности, неприкосновенности и целостности человеческого тела? Зачем разрешать суррогатных матерей, если видные феминистки сами осуждают коммерциализацию женского тела? Зачем открывать доступ к деторождению с медицинской помощью для семейных пар и одиноких людей, как будто рождение ребенка стало последним индивидуальным правом в обществе потребления? Нас призывают подражать Англии, Испании или Бельгии. Но зачем всегда копировать других? Почему бы не быть уверенным в нашем национальном гении?

Поэтому Земмур — убежденный антифеминист. Он прямо говорит о том, что «нет никакого заговора мужчины с целью навязать женщине свою гегемонию — есть лишь основные потребности в ситуациях большой опасности, войны, голода, угрозы хищников, которые могут быть удовлетворены только защитным и спасительным неравенством, как для мужчин, так и для женщин» [4]. Он даже согласен с коммунистами, которые еще в 1960-е гг. «инстинктивно понимали, что феминизм будет полезным идиотом капитализма», и они не ошиблись, осудив во время публикации «Второго пола» Симоны де Бовуар ее «буржуазность» и сам феминизм как «диверсию капитализма для раскола рабочего класса».

Земмур доказывает, что развод по взаимному согласию — это миф, как и безболезненный развод для детей, которые беспомощно и пораженно наблюдают, как разрывается союз, приведший их в этот мир. Именно женщины — в 80 % случаев — являются инициаторами процедуры развода, но при этом нет никакой уверенности в том, что сегодня мужчины более невыносимы, чем в прошлом. Таким образом, изменились взгляды и критерии женщин. Но они же стали и первыми жертвами феминизма: семьи с одним родителем (в основном это матери) составляют основную часть контингента, пострадавшего от новой бедности, возникшей в 1980-х гг. Особенно сильно страдают дети в распавшихся семьях, так что даже конфликтующие семейные пары представляются им «прибежищем мира и комфорта».

Происходящая, как отмечает Эрик Земмур в своей книге «Первый пол», феминизация мужчин и общества охватывает весь политический спектр и ведет к тому, что «мужчина должен стать женщиной». По его словам, «феминистская мечта заменила коммунистическую мечту» [4]. Так, организуются семинары по «женскому менеджменту», чтобы обучить мужчин и женщин новым методам, вошедшим в моду. Мужчины, которых хорошо тренируют, уже играют в женщин без всяких комплексов. Некоторые жалуются, что корпоративная жизнь теперь загромождена этими новыми менеджерами, которые не смеют приказывать, руководить, навязывать, отказывать или применять санкции, даже когда это необходимо.

Земмур обращает внимание на то, что на протяжении веков томная мягкость округлого женского тела была неоспоримым стандартом, теперь же благодаря женской прессе произошло «обнажение андрогинных красавиц на глянцево-бумаге». Женская пресса также учит женщин любить ухоженных, восковых, мягких мужчин. Так со временем женщины стали заложницами гомосексуалистов, связав свою судьбу с судьбой своих врагов. По словам Земмура, «вся идеологическая работа феминисток и гомосексуальных активистов заключалась в "денатурализации" различий между полами, в демонстрации исключительно культурного, а значит, искусственного характера традиционно мужских и женских атрибутов» [4].

Отмечая, что лишь немногие мужчины, которых называют «мачо», выстраивают эффективную защиту против феминизации своей профессии, Земмур видит в них «островки мужественности в феминизированном мире». Он призывает мужчин вернуть себе свою идентичность, чтобы они больше никогда не могли сказать своим детям: «Ты будешь женщиной, сын мой».

В попытке объяснения феминизации Земмур формулирует своеобразный «женский парадокс»: «Они водят машину, когда действуют ограничения скорости; они курят, когда табак убивает; они добиваются паритета, когда политика уже бесполезна; они голосуют за левых, когда революция закончилась; они становятся аргументом литературного маркетинга, когда литература умирает; они открывают для себя футбол, когда магия детства превратилась в денежный ящик» [3].

Отмечая этот парадокс, он выводит из него «женское проклятие, которое является обратной стороной благословения»: женщины не разрушают, а защищают, не создают, а поддерживают, не изобретают, а сохраняют, не преступают, а цивилизуют, не правят, а возрождают. «Феминизируя себя, мужчины стерилизуют себя, они запрещают себе любую смелость, любую инновацию, любой проступок. Они довольствуются тем, что сохраняют. Интеллектуальную и экономическую стагнацию Европы обычно объясняют старением населения. Но Сервантес написал "Дон Кихота" в 75 лет, де Голль вернулся к власти в 68, а канцлер Германии Аденауэр — в 60 с лишним» [5]. Подлинная причина стагнации Европы, таким образом, согласно Земмуру, заключается не в старении, а в феминизации.

Феминизацию политики он объясняет тем, что «власть уже не там, где была. Сейчас она находится в финансовой сфере и верхних эшелонах промышленности. Там, где нет женщин». Политике необходимо возратить ее маскулинную сущность, которую Земмур видит в двух началах: в Эросе — возбуждении желания избирателей и союзников, и в Танатосе — убийстве соперника. Политики излучают такую жизненную энергию, чтобы соблазнить избирателей, что становятся машинами желания. В политических битвах всегда побеждает доминирующий самец, король леса, кайман, с помощью жестокости раскрывающий слабость своих соперниц, их бессознательную женственность, превращая их в любовниц, умоляющих его о благосклонности.

В книге «Первый пол» Земмур отмечал, что власть остается исключительным афродизиаксом. Он утверждает, что Жискара д'Эстен, Миттеран и Ширак «вернулись к практике наших бывших королей»: «водитель Франсуа Миттерана вспоминает, что с мая 1981 г. каждый вечер в Елисейский дворец приходила другая женщина. Он видел, как мужья буквально "предлагали" своих жен монарху. Водитель Жака Ширака рассказывает нам ту же историю, даже когда последний был еще только мэром Парижа» [3]. Такое поведение представляется совершенно естественным: Земмур прямо сравнивает обладание женщиной с обладанием хорошим спортивным автомобилем — то и другое должно доказать другим мужчинам, что они успешны.

В четверг 23 сентября 2021 г. Paris Match выпустил в продажу свой еженедельный номер с фотографией Эрика Земмура на обложке, купающегося в море вместе с 28-летней Сарой Кнафо, являющейся его советником и присутствующей во всех его нынешних поездках. Окончив ЕНА в 2017 г., Сара Кнафо имела возможность выбрать местом работы государственный орган, и ее выбор пал на Счетную палату. В начале сентября она взяла отпуск, чтобы полностью посвятить себя работе с Земмуром. Ограничиваются ли их отношения политическими советами? Согласно Voici, они живут в «идиллии», несмотря на то, что Эрик Земмур женат уже почти сорок лет. Это типично французская интрига, придавшая дополнительный колорит его кампании.

Украинский фактор

«Мой лагерь – РПП (Объединение в поддержку республики, 1976 – 2002. – М. Ш.), то есть голлизм. "Республиканцы" больше не РПП, они продались центристам», – заявлял Эрик Земмур [1]. Его молниеносный взлет был основан на чаяниях не имевшего явного лидера правого электората, часть которого на фоне кризиса лидерства в партии «Республиканцы» переметнулась ранее к Марин Ле Пен. Столкнувшись с феноменом Земмура, пытающегося по сути «воскресить Шарля Моррасса» в XXI в., Марин Ле Пен, которая до этого намеревалась расширить свою электоральную базу за счет либерально-консервативной буржуазии, теперь вынуждена защищать свой «заповедник», поскольку Земмур распространяет опасные для нее утверждения о том, что она «не может победить». Не случайно кампания с плакатами «Земмур – президент» стартовала фактически сразу после удара, нанесенного Национальному объединению на региональных выборах.

В феврале 2022 г. важным новым фактором избирательной кампании стал украинский вопрос, вскоре занявший первое место в списке проблем, волнующих французов. Практически все кандидаты, включая Марин Ле Пен, так или иначе обозначили проукраинскую позицию. Исключение на этом фоне составил лишь Эрик Земмур, книга которого «Французское самоубийство» (2014) будто бы стояла на прикроватном столике бывшего посла России во Франции Александра Орлова, увидевшего в ней «правду сегодняшней Франции». Ранее (в сентябре 2020 г.) Земмур писал в Twitter, что Россия – «самый надежный союзник, даже более надежный, чем США, Германия или Великобритания».

Даже на волне общеевропейского всплеска русофобии он не стал отречься от своих геополитических представлений о России как о необходимом союзнике Франции. Заявив об осуждении российской «агрессии», он возложил ответственность за случившееся не столько на Россию, сколько на НАТО. Ссылаясь на «французскую традицию диалога с Россией» и стремясь, по его словам, «что-то дать» Владимиру Путину (которого он отказался назвать «диктатором»), он выступил против санкций в отношении России и поставок оружия Украине, предложил выйти из единого командования НАТО и подписать договор, исключающий любое вступление Украины в Североатлантический альянс. Помимо этого он – единственный кандидат, который прямо говорит, что против приема украинских беженцев, кроме украинцев, имеющих связи с Францией или родственников во Франции.

Считается, что такая позиция Земмура навредила ему, приведя к снижению рейтинга на несколько пунктов. Во всяком случае Земмур определенно обеспечил себе поддержку симпатизирующих России французов, которых остается немало даже в условиях массивной антироссийской кампании, развязанной на Западе. В этом смысле в нынешней ситуации альтернативы Земмуру во Франции, да и в целом в Западной Европе, как оказалось, нет.

Список литературы

1. *Chaulet P., Magal M.* Présidentielle 2022: Zemmour est-il trop haut trop tôt? URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/presidentielle-2022-zemmour-est-il-trop-haut-trop-tot_2158842.html (дата обращения: 05.01.2022).
2. *Zemmour E.* Destin français. P., 2018. URL: <https://ru.1lib.sk/book/18346212/54b92f> (дата обращения: 05.01.2022).
3. *Zemmour E.* Le Bûcher des vaniteux. P., 2012. URL: <https://ru.1lib.sk/book/3920888/2c0bc2> (дата обращения: 05.01.2022).
4. *Zemmour E.* Le premier sexe. P., 2006. URL: <https://ru.1lib.sk/book/17303554/c407af> (дата обращения: 05.01.2022).
5. *Zemmour E.* Le Suicide français. P., 2014. URL: <https://ru.1lib.sk/book/4119182/4833b9> (дата обращения: 05.01.2022).
6. *Zemmour E.* Mélancolie Française. P., 2010. URL: <https://ru.1lib.sk/book/4132940/e87d72> (дата обращения: 05.01.2022).

Об авторе

Максимилиан Альбертович Шепелев — д-р полит. наук, проф., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Россия.

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

The author

Prof. Maximilian A. Shepelev, Vernadsky Crimean Federal University, Russia.

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

ПОБЕГАЙЛО ОСТАЕТСЯ С НАМИ!

Рука не поднимается писать об Эдуарде Филипповиче Побегайло в прошедшем времени. Казалось, что он был, есть и будет всегда! И это неудивительно, поскольку уже в самом начале своей разносторонней деятельности он заявил о себе как о незаурядной личности, талантливом ученом и блестящем педагоге.

108

Прежде всего впечатляют человеческие качества Эдуарда Филипповича. Он всегда был открытым, предельно доброжелательным, жизне-радостным, веселым и остроумным человеком, поражающим исключительной начитанностью и всесторонней эрудицией. Помогал в трудных жизненных ситуациях не только нам, но и десяткам (скорее сотням) людей — начиная от студентов и заканчивая значительно старшими по возрасту.

Увы, далеко не все отплатили ему добром — немало «забывших» его благодеяния, а то и ставших по различным причинам (чаще всего из-за зависти) на недружественные, враждебные по отношению к нему позиции. Глубоко переживая предательство, он тем не менее не очерствел душой, до конца дней оставался радушным, приветливым, хлебосольным, заботливым человеком.

Поражало его трепетное отношение к матери и памяти об отце, павшему смертью храбрых при освобождении Могилева от нацистских орд. Он долгие десятилетия искал отеческую могилу и, обретя ее, регулярно посещал, отдавая должное героям (отец похоронен в сосновом лесу на краю тихой белорусской деревни вместе с несколькими воинами доблестной РККА). Эдуард Филиппович глубоко уважал и чтит других ветеранов-фронтовиков. Среди них выделял своего старшего друга Николая Алексеевича Стручкова. После безвременного ухода этого удивительного человека и ученого первой величины принимал меры к увековечиванию его памяти, часто бывал на Даниловском кладбище, где тот похоронен вместе с родителями. Ему не раз говорили, перефразируя известное изречение: «Побегайло — это Стручков сегодня!» Он смущался, отнекивался, но было видно, что ему приятно слышать такое.

В то же время опрометчиво представлять покойного эдаким мягкотелым, безоглядно доверчивым человеком, смотрящим на действительность через «розовые очки». Не следует забывать, что его детство и юность пришлись на военное лихолетье и суровые послевоенные времена. Вырастая без отца, он не понаслышке знал нравы ростовской и кубанской шпаны. Поэтому был способен, в том числе в непосредственном столкновении, постоять за свое достоинство, честь женщины, своих близких, да и просто униженных и оскорбленных, порой совершенно не знакомых ему людей. Не зря его перу принадлежит множество научных работ (в том числе обширная глава в изданной в Петер-

бурге многотомной Энциклопедии уголовного права), в которой убедительно решены сложные практические проблемы необходимой обороны и задержания преступников. Э.Ф. Побегайло долгие годы носил на своих плечах милицейские и прокурорские погоны и не посрамил их честь (что, к сожалению, отнюдь не редкость в наше смутное время).

С малолетства он не боялся воды, в том числе ледяной, смело покорял широкие и быстрые реки, мечтал стать моряком. Отсюда (а также, естественно, из сотен прочитанных книг) тяга к приключениям и путешествиям, чувство юмора и тонкий лиризм. Эдуард Филиппович прекрасно исполнял романсы, патриотические, народные песни, любил музыку и театр. Он великолепно декламировал Есенина, Блока, других поэтов, сам сочинял хорошие стихи («Седой туман спустился на Исаакий...»).

Эдуард Филиппович оставил после себя солидное творческое наследие, многочисленных учеников. От них теперь в полной мере зависит, сколь долго Учитель будет влиять на умы и души новых поколений отечественных правоведов...

С. Ф. Милуков,
М. Г. Миненок

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук – 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов – не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2022

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 11.07.2022 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,8
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 71
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6